

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Культурная
мозаика
Приенисейской
Сибири

*Литературный
дискурс*

Хрестоматия

Красноярск - Лесосибирск
2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Культурная мозаика Приенисейской Сибири (литературный дискурс)

Хрестоматия

Рекомендовано УМО РАЕ по классическому университетскому и техническому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки: 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Профили подготовки: 44.03.05.10 Русский язык и литература, 44.03.05.36 Русский язык и история (протокол № 644 от 03 июля 2017 г.).

Красноярск - Лесосибирск

2017

УДК 82-1/9
ББК 83.3(4Рос)5
К 906

Рецензенты:

В.Н. Карпухина, д-р филол. наук, профессор Алтайского государственного университета, г. Барнаул;

Г.С. Спиридонова, канд. филол. наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, г. Красноярск

К 906 Культурная мозаика Приенисейской Сибири (литературный дискурс).
Хрестоматия: учеб. пособие / Авт.-сост. Т.А. Бахор, О.Н. Зырянова, Н.А. Мазурова. –
Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2017. – 96 с.
ISBN 978-5-7638-3723-0

В хрестоматии представлены произведения региональных поэтов и писателей XX-XXI вв., воплощающие процессы идентификации и самоидентификации жителей Приенисейской Сибири.

Материалы учебного пособия могут быть использованы при изучении дисциплин «Локальные тексты русской литературы и культуры», «Фольклор и литература Красноярского края» «Актуальные проблемы литературоведения», «Культура Сибири» «Региональные особенности современного дискурсивного пространства» и др. Вопросы и задания предназначены для самостоятельной работы студентов.

Учебное пособие предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование, профили «Русский язык и литература», «Русский язык и история».

УДК 82-1/9
ББК 83.3(4Рос)5

© Лесосибирский педагогический
институт – филиал Сибирского
федерального университета, 2017

ISBN 978-5-7638-3723-0

ВВЕДЕНИЕ

Литература как один из ведущих гуманитарных учебных предметов в российской школе содействует формированию разносторонне развитой, гармоничной личности, воспитанию гражданина, патриота. Приобщение к гуманистическим ценностям культуры и развитие творческих способностей — необходимое условие становления человека, эмоционально богатого и интеллектуально развитого, способного конструктивно и вместе с тем критически относиться к себе и к окружающему миру.

Литературное краеведение предполагает углублённое изучение локального литературного процесса в его взаимосвязях с общенациональной литературой.

В хрестоматии представлены произведения региональных поэтов и писателей XX-XXI вв. (стихотворения, рассказы, отрывки повестей и романов), воплощающих процессы идентификации и самоидентификации жителей Приенисейской Сибири.

В пособие включены произведения, значимые для духовного и нравственного развития обучающихся. Обращение к предлагаемым произведениям сибирских авторов позволит сформировать у учащихся представление о сибирской литературе как о социокультурном феномене, жизнеспособной ветви мирового древа культуры, которое занимает важное место в жизни региона и России.

Параллельность изучения российской и региональной литературы как их составляющей позволит показать единство и незыблемость общечеловеческих духовных ценностей.

Материалы хрестоматии нацелены на формирование духовно развитой личности, обладающей гуманистическим мировоззрением, национальным самосознанием и общероссийским гражданским сознанием, чувством патриотизма; развитие интеллектуальных и творческих способностей обучающихся, необходимых для успешной социализации и самореализации личности; постижение обучающимися произведений региональной литературы, основанной на понимании образной природы искусства слова, опирающейся на принципы единства художественной формы и содержания, связи искусства с жизнью, историзма; овладение возможными алгоритмами постижения смыслов, заложенных в художественном тексте.

Материалы учебного пособия могут быть использованы при изучении дисциплин «Локальные тексты русской литературы и культуры», «Фольклор и литература Красноярского края» «Актуальные проблемы литературоведения», «Литературное краеведение» и др.

Учебное пособие предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование, профили «Русский язык и литература», «Русский язык и история».

Выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005 РГНФ (РФФИ).

1. МАЛЫЙ СИБИРСКИЙ ГОРОД КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

Любимый город

Сл. В.Морозова. Муз. Вл. Куксгаузена.

На крутом берегу Енисея
Город юности нашей живёт.
С каждым годом растёт, хорошеет
И в заветные дали зовёт.
Здесь в посёлках дома молодеют,
Кругом – зелень берёз, тополей,
Под шальными ветрами седеет
И шумит в берегах Енисей.

Припев:

Лесосибирск, любимый город!
Ты красив и высок и молод!
Наш северный город таёжный,
Наш город, друзья, молодёжный!

По реке корабли-лесовозы
Комбинатам подвозят сырьё.
И в жару, и в лихие морозы
Лесники знают дело своё.
Жизнь в труде познают молодые,
Ребятишки – в садах-теремах.
Так проходят года золотые
И в учёбе, и в славных делах.

Припев.

А по пятницам свадьбы играют:
Мчат машины, сплетенье колец.
Улыбаясь, прохожие знают:
Едет счастье влюблённых сердец.
Звон гитар молодёжь собирает,
Льются песни над быстрой рекой.
Шутки, смех допоздна не смолкают,
Разрывая вечерний покой.

Припев.

Наш город

Сл. и муз. В. Морозова.

Много есть городов в Сибири,
Лучше нашего города нет.
Всей душой мы его полюбили
За стабильный могучий расцвет.
Здесь живут и работают люди-
Настоящие сибиряки.
"Еще лучше наш город будет!"-
Молодым говорят старики.

Припев:

Лесосибирск, родной наш город,
На реке Енисее стоит.
Красотою своею нам дорог,
Куполами собора блеснит.

Мы довольны своею судьбою,
Есть у нас златоглавый собор -
Величавый и строгий собою,
А вокруг него сказочный бор.
В школах учатся наши дети,
В институты спешит молодежь.
Счастья большего нет на свете.
Лучше жизни нигде не найдешь.

Припев.

Приезжайте же, гости, в наш город!
Он построен в сосновом краю,
И пускай он совсем еще молод,
Но нашел он дорогу свою.
Много есть городов в Сибири,
Лучше нашего города нет.
Всей душой мы его полюбили
За стабильный могучий расцвет.

Припев.

Лесосибирский вальс
Сл. и муз. Вениамина Морозова

Енисей свои воды несёт
До угрюмых полярных широт.
Плещут волны на берег крутой,
Где мой город растёт молодой.
Здесь когда-то шумела тайга,
И лежали в тени берега,
Токовали весной глухари,
А теперь - на столбах фонари
Припев:
Лесосибирск, мой город родной!
Енисей могучей волной
Омывает твою красоту.
Ты растёшь и растёшь в высоту!

2. Здесь зимою метели метут,
А весной тюльпаны цветут.
Раздвигает мой город тайгу –
Я ему молодеть помогу!
Пролетают, седеют года...
Мне друзей не забыть никогда,
С кем учился, дружил и мужал,
И любил, и грустил, и мечтал.
Припев.

3. Вот закончился день трудовой,
Отдыхает мой город родной.
Запах свежей ангарской сосны
Навевает спокойные сны.
Припев.

Гимн Лесосибирску

Сл. и муз. Ларисы Проскуряковой.
Город, рожденный в Сибири,
Нашей Отчизной зовем.
Город, рожденный в Сибири,
В сердце тебя бережем.

Пусть сохраняют поколенья
Реки, леса и поля,
И процветает отныне
Наша родная земля!

Песня о Лесосибирске
Сл. и муз. Вячеслава Муханова.

Течет река могуче, величаво
И пенится в прибрежных островах,
Овеянная старой русской славой,
Воспетая и в песнях и в стихах.
Припев:
Любимый край, таёжные просторы,
И звуки песен, рвущиеся ввысь.
Мы здесь себе построили свой город
И нарекли его Лесосибирск .

Земля, росу сжигая дымным ветром,
Не смевшая ни плакать, ни стонать,
Когда в году суровом, сорок первом,
На бой ты провожала свою рать.
Припев.

Суров наш край, но все ж сказать нам нужно,
Что он наш хлеб, отец наш и наш дом,
Что славятся здесь люди крепкой дружбой
И честным человеческим трудом!
Припев.

Лесосибирский порт

Сл. и муз. Вячеслава Муханова.

Рассвет омыл портовых кранов стрелы,
В цвет розовый окрасил грудь причала.
А у воды, над теплоходом белым,
Расправив крылья, чайка прокричала.
Припев:
Лесосибирский порт – созвездие огней,
И воды вдаль несёт могучий Енисей.
Лесосибирский порт – канаты, якоря...
Быть речником - судьба твоя.

Штурвал в руках надёжен и послушен,
И катер гладь речную рассекает.
А кто сказал, что флот речной не нужен,
Тот в этом ничего не понимает.
Припев.

Закат всегда сменяется рассветом,
Как воды Енисея, время мчится.
Дано нам жизнь прожить судьбою этой
И званьем речника всегда гордиться
Припев.

Город молодости

Слова Н. Бирюк. Музыка В. Ивченко.
Над тайгою заря занимается,
Утро просится в окна домов,
Город северный мой просыпается,
Новый день город встретить готов.
В этот день пусть не ведает грусти он!
Пусть стремится уверенно ввысь!
Город молодости, город музыки,
Город песен – Лесосибирск!

В этом городе все настоящее:
И мечты, и любовь, и друзья.
И сердца у людей здесь горячие -
Их теплом не согреться нельзя!
Не богат красотой искусственной,
Но пред нами он честен и чист,
Город молодости, город музыки,
Город песен – Лесосибирск!

Есть края, где живет птица синяя
И цветок-семицветик растет,
Города там важней и красивее,
И сады там цветут круглый год.
Только я повторяю без устали:
"Ты – мой берег, мой дом, моя жизнь,
Город молодости, город музыки,
Город песен – Лесосибирск!

Город на Енисее

Слова Н. Бирюк. Музыка В. Ивченко.

Под знаменем гордым единого края
Вдали от помпезных столиц
Живет, и работает, и расцветает
Мой город, мой Лесосибирск

Припев:
Город на Енисее,
Город заснеженный мой,
Вьюгами лютыми север
Характер проверит твой
Город, как сталь, надежный,
Выбравший правильный путь!
Городу этому можно,
Доверить свою судьбу

Наш край - от могучих Саян до Таймыра
Огромным лежит полотном,
В нем - мощь и богатство великой Сибири
Былых и грядущих времен.
Своим лоскутком, словно сосны,
зеленым,
На этом цветном полотне
Отмечен мой город, тайгою рожденный
Любимей которого нет!
Припев.

Моя Сибирь

Слова Н. Бирюк. Музыка В. Ивченко.

Какие бы реки широкие
Ни выпало мне переплыть,
Какие бы горы высокие
Ни выпало мне покорить,
Куда б за ветрами холодными
Ни мчали меня поезда,
Надежной звездой путеводною
Сибирь мне светила всегда!
Припев:
Моя Сибирь, моя земля,
О чем молчишь? О чем поешь?
Снегами белыми маня,
Опять меня к себе зовешь.
А сердце пьется все быстрее,
И все быстрее бегут года,
Но нет конца любви моей
Сибирь со мною навсегда!

Пусть небо сибирское снится мне,
И вьюги приснятся мне пусть,
И я перелетною птицею
Когда-нибудь все же вернусь.
Однажды, оставив сомнения,
Приеду в родные края.
Ты - пункт моего назначения,
Сибирь дорогая моя!
Припев.

Город моей надежды

Сл. и муз. Н. Бирюк.

Туман голубой над рекою повис,
С волною задумчивой спорит.
Мой город любимый, Лесосибирск,
С высокого берега смотрит.
Гудок осторожный подаст теплоход,
И птицы взлетят в поднебесье
Мой город любимый живет и растет
С мечтою, делами и песней.

Припев:

Лесосибирск, Лесосибирск,
Город моей надежды,
Лесосибирск, Лесосибирск,
Верю в тебя, как прежде.
Сосны твои тянутся ввысь,
Новый рассвет встречая,
Лесосибирск, Лесосибирск,
Мира тебе желаю!

Заводы и школы, дома и мосты,
Машины, дороги, аллеи,
Короткого лета простые цветы
И радуга над Енисеем.
Мой город любимый, мой Лесосибирск,
Здесь люди находят друг друга,
В улыбках детей продолжается жизнь
И солнцем смеется вьюга.
Припев.

Песня о волшебном полотне

Сл. и муз. В. Безцветных

Из соцветий ярких и созвучий
Сквозь души открытое окно
Для земли красивой и могучей
Мы волшебное соткали полотно.
Как мозаику большими лоскутами
Собирали мы его не зря-
Добрим словом, славными делами,
Словно закадычные друзья.

Припев:

Там снегов бескрайние просторы
Укрывают тысячи полей,
Там Саянские восходят горы,
Там течет красавец Енисей.
Там сиянья северного блики
Там полярных дальних рубежей
Словно звезд загадочные лики
В разноцветьи пестрых миражей.

Шаг за шагом, ровными стежками
Мы родной Сибири чудеса
Вышивали сердцем и руками,
Дивных птиц внимая голосам.
Нас немало на земле Сибирской,
Чьи свершенья даром не прошли:
Твердой волей, силой богатырской
Славу для Отчизны принесли.
Припев.

Мы с судьбой родного Красноярья
Прочной нитью связаны навек,
Сквозь тайгу к границам Заполярья
Смелой поступью шагает человек.
Припев.

Город в зелени лесной

Сл. В. Безцветного. Муз. В. Ивченко.

В созвездии сибирских городов,
Пускай не самой яркою звездой,
Вдоль снежных Енисея берегов
Живет и он, для многих став судьбою.
Люблю тебя, таежный мой приют!
Люблю твои бескрайние просторы!
Люблю смотреть, как над рекой плывут
Зари сибирской дивные узоры!

Припев:

Мы связаны с тобою навсегда.
Хотя порой мы от тебя не ьлизко,
Но сеордце не покинет никогда
Тепло родного нам Лесосибирска.

Растет мой город в зелени лесной
На радость всем, кто здесь живет
и любит,
Кто связан с ним единою судьбой
И никогда о том не позабудет.
Ты был рожден пред вечной мерзлотой,
Где так длинны и так суровы зимы,
Но ты согрет сердечной теплотой
Людей, чьи воля и дела едины.
Припев.

Марш Енисейского казачьего войска

Сл. и муз. В. Чехонадских.

На просторных берегах Енисей -реки
Собирались в кругах други-казаки.
От России да от матушки всей
Привечал казаков Енисей.

Припев:

Енисейское войско казачье,
Рубежи заслоняя российские,
Возродилось, чтоб жили иначе
Города и станицы сибирские.

Ветры буйные, ветры мятежные
Над Сибирью носились, как вороги,
Но хранились регалии прежние,
Потому они нынче так дороги.
Припев.

Казаки - это честь и достоинство,
И Россия их доблестью славится.
Для казачьего славного воинства
Пусть звучит эта добрая здравица!
Припев.

Гимн Енисейска

Сл. О.Курушиной, муз. А. Дудина

Средь лесов и болот старый город
живет

На могучей и сильной реке,
Как тонул и горел и как златом болел,
Не сказать на простом языке.

Припев:

Енисейск - это сон, Енисейск - это дом,
Это сказочный северный град,
Это пух тополей, это судьбы людей,
Это русской истории клад!

Средь таежных морей бьет волной
Енисей

И горят над рекой купола,
Через тысячи лет будет знать белый свет
Енисейские колокола.

Припев.

Процветай, город мой, православный,
родной,

По обычаям светлой Руси,
На бескрайних снегах и крутых берегах
Сквозь века свою славу неси!

Припев.

Енисейск мой родной

Сл. и муз. В. Ивченко

Енисейск - это маленький город
Над великой сибирской рекой,
Только дорог он, дорог нам, дорог:
В нем находим уют и покой.

В янтарях его сосны в полнеба,
И в рубинах - брусничный ковер.
В нем - и мудрость столетий,
И большое богатство -
Енисея широкий простор.

Припев:

Енисейск мой родной!
Здесь прошло наше детство с тобой,
Повторится и вновь
Чья-то юность и чья-то любовь!

Был столицей Сибири когда-то:
Все пути- в Енисейск, словно в Рим.
В небеса устремленные храмы...
Над рекой звон малиновый плыл...

Казакам, нашим дедам, спасибо-
Есть кого нам и что здесь любить!
Енисейских закатов
И в тумане рассветов
Никогда и нигде не забыть!

Припев.

Вот иду я по улочкам тихим,
И все кажется, кажется мне:
Вдруг из прошлых столетий
Кто-то прибудет,
И мы вместе споем о тебе.
Припев.

Гимн о Северо-Енисейском

Сл. и муз С. Коробкова

Поселок мой тайгою окружен.
Ему отдали сопки свои склоны.
По старшинству и значимости он
Стал центром нашего района.

В его неброской северной красе
Есть что-то сердцу милое, не скрою.
Он овладел моей душой всей,
Он стал моими жизнью и судьбою.

Припев:

Живи в моем сердце
И душу мне грей,
Поселок с названием красивым.
Северо-Енисейский –
Блести, не тускней,
Земной самородок России.

В поселке я не гость и не изгой.
В нем я хозяин. И трудом посильным
Восславить я стремлюсь поселок свой,
Золотоносный уголок России.
Бывает трудно мне, но вновь и вновь
Я славлю жизнь, и есть на то причины.
Я здесь познал и дружбу, и любовь,
И здесь, возможно, встречу час кончины.
Припев.

Гимн о Северо-Енисейском районе

Сл. А. Вечкитова. Муз. С. Коробкова

Мой друг, найди на карте наш район,
И пристально взглянув, удостоверься.
Что контуром своим походит он
На снимок человеческого сердца

Как мускулы хребты покатых гор
А реки - кровеносные сосуды
Все как у сердца, с давних пор
Живут в том сердце золотые люди

А как красивы здешние места!
И сколько у таежных рек излучин!
Уверен я, что эта красота
Дана нам богом, чтоб мы стали лучше.

Гимн Енисейскому речному пароходству

Сл. Н. Скобло, муз. С. Жевлаченко

Над сибирскою землею
Летит могучий Енисей
И катит воды за собою
В просторы северных морей.
Ведут речные капитаны
Суда на Север и на Юг,
Через пороги и туманы
Уходят за Полярный круг

Припев:

Здесь когда-то Енисеем в даль тайги
Шли отважные сыны-первопроходцы,
А сегодня стало гордостью реки
Енисейское речное пароходство!

Гуляют ветры штормовые
И в сентябре снега поют,
Но теплоходы грузовые
В низовья день и ночь идут.
А речники – народ надежный,
Опора Матушки-Руси,
Они согрели край морозный
Теплом и щедростью души.

Припев.

Казачинскому району посвящается

Н. Розбицкая

Казачинскому району
посвящено немало строк,
Знаменит на всю Россию
наш Казачинский порог.

Там огромные камни,
между них бурлит река,
Но готов поднять все туер
пассажирские суда.

В том районе много леса,
сосны есть и есть кедрач,
Там знаменитейшей иконы
созерцали люди плач.

Что пожар у них случился,
жизнь беду им принесла
То икона своим плачем
до народа донесла.

Мы тебе район желаем
солнца вместо страшных гроз,
Счастья, мира и улыбок
вместо горестей и слез

Енисейск

А. Давыдов

О, Енисейск! Над гордою рекой
Стоишь ты, всей Сибири украшеньё,
И сочетается суровый климат твой
С душевной теплотой населенья.
Здесь сочетаются прошедшие века
С задором жизни современным духом,
Здесь кажется история сама
Витает с тополиным легким пухом.
И как картинки из далёких снов
Прошедших лет всплывают эпизоды-
Как судьбы наших русских казаков
С судьбой сплетались северных народов.
Они пришли сюда собрать ясак,
А сами стали частью этой жизни
И много лет и много зим подряд
Служили верой правдою отчизне.
Здесь было всё и этот край лесной
Жил по своим неведомым законам
И гул шаманских бубнов над рекой
Сливался с колокольным перезвоном.
И в таком смешенье языков
Для всех племён над енисейским берегом
Ты мог стать Вавилоном, видит Бог
А стал скорее Ноевым ковчегом.
И словно отсвет тех далёких лет,
Как взмах крыла небесных гордых птиц
Мы над тобою часто видим свет
От сполохов малиновых зарниц.
А ты стоишь над времени рекой
Как облака мгновенье за мгновеньем
Столетия проплывают над тобой,
И в водах обретают отраженье.

Путешествие в Енисейск

И. Волокина

Я приеду в Енисейск ранним утром,
Когда город весь ещё отдыхает.
Отливает небосвод перламутром
И искрится, и блестит, и играет.

Я пройду по тихим улочкам старым
С деревянными домами с резьбою.
Он красивейшим зовётся недаром,
Этот город над могучей рекою.

Полной грудью я вдохну чистый воздух.
Как давно я в этом городе не был...
Всё внезапно станет ясно и просто,
Словно что-то подсказало мне небо.

Над Успенским Кафедральным Собором
Купола блестят и шпиль золотистый,
И любуются чудесным декором
И паломники, и просто туристы.

Я влюбился в Енисейск полусонный,
Вызывает он восторг в человеке.
Здесь известные писались иконы
Живописцами в XVII веке.

Я куплю себе открытки на память-
Фотографии в "Избе" у Дроздова,
Чтобы мог я сохранять их годами
И рассматривать их снова и снова.

А когда вернётся друг мой с работы,
Сядем рядом мы за стол в ресторане,
И забудутся все наши заботы,
Лишь делиться новостями мы станем.

Выпьем вместе мы за наше здоровье,
За согласие всех людей на планете,
И за семьи наши выпьем, с любовью,
И за прочный мир и дружбу на свете.

Енисейск. Декабрь

А. И. Третьяков

Зима утвердилась надолго.
Она здесь не гостья – увы!
И ветви в морозных иголках
Не скоро дождутся листвы.

Вороны – как чёрные вести,
Под небом тяжёлым, литым.
В снегу монастырь енисейский
Стоит, как слепой богатырь.

Метелей церковное пенье.
Как после набега, стена.
И, символом долготерпенья,
Вросла в эту стену сосна.

Святые могилы веками
Хранить бы умерших должны...
Лежат безымянные камни –
Для памяти нашей темны.

Кому красота помешала,
Кто храм этот сделал немым?
Двадцатого века вандалы –
Родители наши и мы!

Ещё мы научимся плакать...
И не разрушать, а творить!
А купол церковный, как лампа,
На зимнем закате горит.

Енисейску

Я. Любомиров

Старинный купеческий город,
Пожухлой усыпан листвою.
Дождём небосвод хмурый вспорот,
Тоскливой осенней порой.

В лиловую синь окунулся
Закат далеко за рекой.

Крылом, словно птица коснулся
Тайги, уходя на покой.

Но я узнаю по фасадам
Величие Русской земли,
Историю древнего града
И образы милой дали!

Я люблю эти древние улочки!
Я люблю глубину твою, старь!
Подворотни, дома, переулочки!
И тумана рассветного хмарь!

Я люблю этот город из древности!
Я люблю эту тихую Русь!
Как невесте, клянусь ему в верности!
И за то, что он есть, помолюсь!

Енисейск
Д. Курчанов

Иду по улицам родного городка
Он все такой же,
Чуть старей местами
В кристальном небе белым облака
И купола под яркими крестами

В годах мудры, огромны тополя
Его уют собой оберегают
За Енисеем с пристани поля
Своим простором взгляды увлекают!

Растят дома тенистые сады
За огородом - лес, река и поле...
А в огороде спелые плоды
И мошкара голодная до боли!

На Судоверфи баржи да суда
Стогами лес под рельсовые краны
А по весне - высокая вода
Склепали лодки - выполнили планы!

Друзья, соседи, новые друзья
За пять минут пути до магазина
И вот навстречу мне моя Ладья
Моей любви и сладости Мальвина...

Но я не здесь в прекрасный этот час
Учусь три года в сером Красноярске
Вдыхаю пыль и углекислый газ
Не видно лиц - виднеются лишь маски!

Сейчас бы баньку лихо растопил
И от хандры оправился в парилке
И огород на раза три полил
И пельмень в сметане бы на вилке

Сейчас бы взять и дров бы наколоть
Воды стаскать покуда хватит силы
Вновь огород окучить прополоть
И подлатать изогнутые вилы...

Себя надуть холодным молоком
Хвалить, отведав - мамино печенье
Всё закусить её же пирогом
И сладко спать в приятном утомлении...

Ну а под вечер к бабушке придти
Чтоб обобрать кустарники малины
Отведать всю до сладкой тошноты
И наблюдать закатные картины...

Под ночь упасть и спать себя забыв
Не видя снов, не видя приключений
И лишь под утро радостный мотив
Отважных птиц чудесных оперений!

... Сердца не всех, затронул мой рассказ
Быть может тех, кто с родиной в разлуке,
Ведь не горят в чужбине делом руки
- Лишь увядают без родных прикрас!!!

В старинном Енисейске
В. Болгов -Железногорский

Несёт Енисей свои воды,
Могучие воды в Тартар.
Церквей опустевшие своды...
Стою ещё вроде не стар.

В реке умываю руки, -
Так, как Пилат когда-то.
Но никого на сверх муки
Не выдаю, как брата.

Где Он - чудодей бродячий -
Сын Бога и царь злодеев?
В объятья приму!.. Иначе:
Зачем я живу, и где я?!

Для грешников добрый пастырь.
Учитель их и утешитель.
Он принял своё распятие -
За то, что вёл в божью обитель.

Но монастырские стены
Во внутрь не впустили меня...
Хоть режь на руках свои вены
Почти что без храмов страна.

И будь я хоть сын рыбачий –
Апостолом не родятся.
В России живу, тем паче –
Где веры людей роятся.

Здесь есть Енисейск старинный,
Как сказочный Китеж, выплыл.
От Мангазеи былинной
Он кочем смолёным прибыл.

Апостолов всех казнили.
Потомство от них пропало.
Пусть я далеко от Мессии...
Всё же и мне перепало.

Мне сердце сжимает болью.
Но я не приемлю страданье?..
Брожу про кладбищу историй
фотографом мирозданья.

В реке умываю руки –
То - ради простого мира.
Было бы судеб три штуки...
А так – лишь одна квартира.

Откуда сюда я прибыл
И скоро отбуду так же.
С реки теплохода глыба
В каюты зовёт "пропажи"

А там, за рекой, сплошь сопки,
Таёжный край - полный веры.
Пусть буду ходить в обмотках -
Богатствам души нет меры.

Ветер сквозит сквозь свитер,
Но жар на душе – обнова!
На веки Сибирь – обитель!..
И вымыл я руки снова.

Посвящение городу Енисейску
Наталья Розбицкая

Мы наш Енисейск по праву
Город-памятник зовём,
Ведь старинные постройки
До сих пор сохранны в нём.

Ты, старинный город края,
Гордость наша на века,
А любовь к тебе, наш город,
Бескорыстна и крепка.

Лесосибирск

А. Иванов

Здесь нет суеты больших городов,
Гремящих на стыках в метро поездов,
И роскошь витрин не мелькает.
Не слепит ночами неоновый свет,
А то, что ему ещё мало так лет,—
Значения не умаляет.

Кто с городом нашим немного знаком
И тот, у кого на сегодня здесь дом,
Об этом, конечно же, знают:
В суровой Сибири, на стройках в стране,
На биржах Европы и Азии все
Столицей его называют.

Богатство у нас не лежит в сундуках,
В подвалах закрытых, в надёжных
шкафах —

Во власти лишь стужи и ветров.
А мера ему — ни старинный дукат,
Ни доллар зелёный, ни рубль, ни карат:
В миллионах оно кубометров.

Но прежде, чем ценность свою обрести,
Росточком ему предстоит прорасти,
Набраться объёма и веса,
Подняться, окрепнуть, веками мужать,
Чтоб людям потом, не жалея, отдать
Богатство сибирского леса.

Вы, в поисках если полмира прошли
И если на карте вы нас не нашли,—
Не прячьте с иронией лица.
Там, где Енисей несёт вод благодать,
В бескрайней тайге нелегко отыскать,
Наш город — лесная столица.

Посвящение Енисейску

А. Иванов

Возник острог на берегах далёких,
В краю суровой северной тайги.

Вели сюда нелёгкие дороги —
Прошли их с честью наши казаки.

Форпост Руси на землях енисейских,
Трудом упорным праведных мужей
Крепчал и рос среди забот житейских
Уездный город — славный Енисейск.

Не раз горел, страдал от наводнений,
Познал коварство вскрывшейся реки,
Но возрождался снова, словно Феникс,
Утратам всем, невзгодам вопреки.

Монастырей здесь старина седая —
Духовности основа из основ.
Живи в веках, Россию прославляя,
Родной отец сибирских городов!

Ода Железногорску.

В. Бурягин

Железногорск, ты удивил меня
Своей осанкой величавой.
Сосновой пышностью курчавой
Ласкаешь взор, к себе маня.

Хранитель вечного огня
Встал над могучим Енисеем,
И над волной седою веет
Надежда завтрашнего дня.

Навстречу солнечным лучам
Подснежник робкий на поляне,
В нарядном солнечном кафтане,
Поёт осанну небесам.

Я тороплюсь испить взахлёб
Твоей свободы вольный воздух,
Земной любви услышать отзвук —
И сердце радостно замрёт.

2. СТИХОТВОРЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ О СИБИРИ

Моя Сибирь

Владислав Демин

Сибирь, Сибирь, ты моя радость!
Ты для меня, как для ребёнка сладость!
Твои игривые морозы
Колючие, как летом розы.
Твои весёлые снежинки
Хрустят так громко об ботинки.
Енисей - твоя река,
Как Ариадны нить она длинна,
И осетрам под толстым льдом реки
Нет ни капельки тоски.
Люблю, люблю Сибирь свою!
В ней чувствую себя я как в раю!

*Валентина Зырянова,
Юлия Минихаирова*

Мой край родной, я так тебя люблю!
За красоту вокруг: моря, озера, реки...
И очень классно рано поутру
Восход смотреть на Енисее.
А про закат? Что говорить?
На небе можно наблюдать оттенков сто:
И красный, желтый, и бардовый.
Ах, как красиво это всё!
Чудесен лес: грибы, цвет, деревья
И звери чудные кругом.
И хочется увидеть это все...
Но время нет... Где взять его?!
Прекрасен город ранним утром
Везде так тихо... Выходной.
А что же в будний день?
Машины, люди... Все спешат...
Никто не спит! Вокруг твердят:
«Ах, как бы нам успеть?!»
Кто в школу, на работу кто,
Кто просто по делам,
Не видя прелести такой.

А мы сидим на берегу и смотрим вдаль...
И видим то, чего не замечают все:
Такая красота вокруг!
Вот здесь деревья в инее стоят,
Вот белка скачет по ветвям и
Ходят горностаи...
Как хорошо присесть и посмотреть
на это всё,
Увидеть город детскими глазами.

Из Сибири с любовью

Дарья Архипова

Из Сибири с любовью
Письмо мне придёт,
Из далекого края родного.
Прочту я письмо от родных мне людей,
И в сердце тепло вдруг проснется.
Мне пишут о том, как красивы леса,
И пишу я ответ, а на сердце тоска...
Как прекрасны моря, океаны.

По большому, бескрайнему морю,
По высокому небу
И дому родному, где была рождена я.
А в письме, на конверте
Укажу я пометку:
«Сибирь. Родной дом».
И желаю,
Чтобы снова пришло мне родное письмо
Из любимого края родного.

Ода Сибири

Виолетта Максимова

Какой волшебник создал эту красоту
Сибири милой и леса, и реки!
Я мало на Земле ещё живу,
Уверена, не налюбуюсь я вовеки!
Красивые берёзки, как девчонки
Пошли плясать в весёлый хоровод.

Сибиряки - это гордое слово,
Это народ с очень теплой душой,
Гостеприимно встречают любого,
Кто к нам пожалует в гости с тобой!

Пусть у нас зимы с морозом трескучим,
Пусть и весной иногда холода,
Летом гнус мучает,
Осенью тучи солнце спрячут от нас,
ерунда!

Нас не пугают погоды явления,
Гордо мы всем остальным говорим:
Тот, кто живет и родился в Сибири,
Духом силен, земляками един!

Я рожден в могучей Сибири
Иван Большухин

Я рождён в могучей Сибири
И живу здесь двенадцать лет,
Нет прекрасней места в России,
Знает каждый в стране человек.

Пусть зима здесь очень люрует,
Заметая снегами поля,
Но виднеется, зеленея,
Лишь красивая наша тайга.

И в лесу стучат дровосеки,
Заготавливая на зиму дрова,
Но пугают звуками зверя,
Которым славится наша тайга.

Тут красивые лисы и волки.
И медведь в берлоге лежит,
Бельчата в дупле присмирели,
И все ждут прихода весны.

Капель пролетит незаметно,
Увидим красивейший вид.

Все рады лету в Сибири,
Прекраснее времени нет!

Мой край
Валерия Прокопьева

Я люблю тебя, мой край родной!
Богат ты лесом и водой,
И чистый воздух за горой.
Любимый край, ты лучший мой...
Прекрасно то, что удивляет,
Прекрасно то, что так звенит,
Прекрасно то, что вдохновляет
Для жизни сердца так горит.
Простор твой необъятный манит,
Природа красоту таит,
И к сердцу моему так тянет
Родимый край...Как ты любим!

Сибирь
Антон Карпушин

Она бывает вдохновенной:
Творит морозом чудеса,
Толпой играя увлеченной,
К нам приближает небеса.

Она бывает зла порою,
Морозом бьёт нас до костей,
Но после холит синевую
Озёр и рек, лесных морей.

Добрей и краше нет уж боле,
Такой не сыщешь никогда,
И, выйдя ночью в чисто поле,
Ты в темень скажешь: "Лепота ...".

Она бывает, право слово,
Различна: и добра, и зла,
Но, если спросите любого -
Сибирь! Она всегда мила.

3. РОДНАЯ ПРИРОДА В СТИХОТВОРЕНИЯХ СИБИРСКИХ ПОЭТОВ

Березка *К. Лисовский*

Крохотная, сквозная,
С тундрой вступая в спор,
Она не напоминает
Стройных своих сестер.
Она на них непохожа
Ни ростом, ни красотой,
Ни темного цвета кожей,
Ни редкой, скупой листвой.
И весны ее не греют,
И вместо земли — гранит...
Она над рекой Тореей
Былинкой малой стоит.
Но как глубоко, упорно,
Тоненьки и густы,
Вплелись ее нити-корни
В серого мха пласты.
А ну-ка, полярный ветер,
Попробуй ее сломать!
Она за себя на свете
Сумеет, друг, постоять!
Ягель сухой и жесткий.
Тундра — в седом дыму.
Молча дивлюсь, березка,
Мужеству твоему.

Карликовая березка *З. Яхнин*

Эти ветви пурга коверкала,
Гнула, гнула,
К земле пригибала.
Ты согнулась, поникла, померкла
И такой покорною стала.

Где краса твоя прежняя, смелая?
Бьется ль сердце под белою блузкой?
Эх, пурга! Ну чего ты наделала
С белоствольной красавицей русской?

Цветы подо льдом *З. Яхнин*

В арктической тундре
На острове Диксон
Желтый цветок
Весною родился —
На сером граните
Зеленая накипь.
Между камнями
Полярные маки
Тянутся к свету
Прожилкою каждой...

Хмурым утром
Я видел однажды:
Туман опустился
На стывшие земли,
Густо укутал
Тонкие стебли,
На листья осела
По капле вода,
Маки покрылись
Корочкой льда.

Я им завидую,
Этим растениям.
Я перед ними
Склоняюсь растерянный.
Мне б их упорство.
Но я не о том...
Маки цветут подо льдом

Полярный мак *И. Рождественский*

Здесь только в августе весна
Всего лишь на десяток дней,
Что по-февральски холодна,
А может, даже холодней.

Здесь все не то и все не так,
Земли оттаял лишь кружок,
Но все ж расцвел полярный мак,
Он, как флажок, снежок прожег.

Там у тебя полдневный жар
И по утрам прохлады нет,
Там у тебя листва чинар,
Магнолий белопенный цвет.

Что им: красуйся и расти
На знойном берегу.
А вот попробуй расцвести,
Как мак багряный, расцвести
На стуже, на снегу.

Цветы тундры *И. Рождественский*

Они мохнаты, как зверьки,
Цветы высокой параллели,
Их сроки жизни коротки,
Их солнце греет еле-еле.
Они растут у снежных груд.
Их вьюги сотни раз отпели,
И всё-таки они цветут
И дальше к полюсу идут —
Цветы высокой параллели.

К. Лисовский

Меж горных кедров – исполинов,
В таежной сырости и мгле,
Прижалась старая рябина
К отвесной, как стена, скале.

Ползучий мох, лишайник сизый
Ствол огрубевший оплели.
А все ж она стоит, как вызов
Стихиям неба и земли.

Седая, в трещинах и шрамах,
Поблекшей шелестя листвой,

Стоит назло ветрам, упрямо,
Не расставаясь со скалой.

Казалось мне-
С любовью строгой
Она глядит из-под бровей
Поблекшими в трудах, тревогах
Глазами русских матерей.
1961.

И. Рождественский

С лугов приносишь Енисея
Цветы, что чудо — хороши,
Смотрю, дохнуть на них не смея,
В них светлый жар твоей души.

Зовут их нежно огоньками —
Не сыщешь имени звучней;
Боюсь дотронуться руками:
В них столько свежести твоей.

Цветы легки и невесомы,
Июнь сибирский их зажег,
Они мне с юности знакомы,
Как ты, мой вечный огонек.

Они мне пышных роз милее,
Дороже примул голубых.
Цветы родного Енисея —
Твоя любовь сияет в них.

И с ними легче жить на свете,
Всю жизнь мы помним их добром,
Любой цветок в твоём букете
Горит оранжевым костром.

Огоньки

И. Рождественский

Далёким сном, наивной детской сказкой,
Лесных лужаек кажется уют,

Где огоньки собирали мы с опаской –
А вдруг цветы нам пальцы обожгут.

Ведь их не зря назвали огоньками,
Они, как пламя, ярки и чисты.
Мы собирали детскими руками
Оранжевые жгучие цветы.

Но мы с тобой боялись их напрасно,
Они ничуть не обжигали рук,
Им зной и пламя были неподвластны,
Но это разгадали мы невдруг.

Они, росой студёною облиты,
Сбегались к нам со всех полян лесных,
Ища у нас от холода защиты,
И мы с тобой отогревали их.

Потом мы знали беды и печали.
И у чужой полуночной реки,
И на коротком сумрачном привале
Мы вспоминали наши огоньки.

Мы вновь идём полянами лесными,
Где огоньки, как в детстве, зажжены,
Никак нельзя налюбоваться ими –
Светильниками счастья и весны.

Да, мы на них не можем наглядеться,
Они цветут, багряны и легки,
И то тепло, то им дарили в детстве,
Сегодня нам вернули огоньки.

Заполярные цветы

В. Кравец

Некрасивых цветов не бывает,
Где их век состоит из минут.
Они цену себе набивают
Тем, что здесь уже просто растут.

Нет, не так. Им цены просто нету,
Раз они появиться смогли

На мгновенье полярного лета
На краю заполярной земли.

Их нельзя собирать воровато —
Созерцаньем душа их сыта.
Место их драгоценно и свято,
Не срывается их красота.

Жарки

В. Агафюшкин

Ярким тесным хороводом
На опушке у берёз
Закружились в алом цвете
Огоньки не хуже роз.
С нежной зеленью слились
Их головки, их жарки.
Шалунишки разбежались
За берёзки, за пеньки.
Море, море-океан,
То не сон и не обман,
Я их вижу наяву
И за ними убегу.

Случайные цветы

Н. Еремин

Отрицая
Обыденность нашу -
Напряжённость дней и минут,
Вдоль железной дороги
Ромашки
фиолетовые цветут.
Я взглянул на них
И нечаянно
Отлетела тревога, тоска.
Промелькнули...
И вот - Иван-чая
Очарованные луга.
Я судил себя долго и строго
Но случайные эти цветы
Мне вернули чувство восторга,
Солнца, скорости
И простоты.

Ромашковый ветер

В. Бурягин

Поляна белеет ромашкой,
Покрытая словно фатой,
Волшебною старою сказкой
Нарушив душевный покой.
И животворящую страстью
Игривый с реки ветерок
Наполнил истомною сладстью
На солнце похожий цветок.
Унёс он бывшее и думы,
Надеждой прошёл по сердцам,
Настроил любовные струны,
По нежным скользят лепесткам.
Доверены каждому чувства
И вечно звучащий вопрос...
Ответы в порыве безумства
Ромашковый ветер унёс.

Одуванчики – веснушки земли

С. Кураева

Вот и снова разбрелись, расцвели
Одуванчики – веснушки земли.
Свежий ветер завертел, закружил –
В землю новое зерно положил.
Тёплый дождик шелестит в тишине,
Оживляет всё в природе, во мне.
Я росой раскачусь поутру,
Облаками проплыву на ветру,
В разнотравье упаду с высоты,
Если рядышком со мной будешь ты!

Одуванчики

О. Тараканова

Прыгнул в форточку солнечный зайчик,
Сообщил, как по городу май
Там и тут расселил одуванчик,
Словно охру пролил невзначай,
Что на жёлтый ковёр прилетела —
И поёт, и танцует пчела.
Я увидеть сама захотела,
Где она разминает крыла.

Я трудиться пчеле не мешаю,
Одуванчиков ярких не рву.
Аккуратно с оглядкой ступаю,
Чудо в городе я берегу.

К. Дементьев

Попади в край полей на душистый
простор,
Где жужжанье шмеля и кузнечиков хор!
Попади в этот мир разнотравья лугов,
Где рассыпаны кем-то букеты цветов!
Окунись с головой в этот запах и цвет!
Здесь печаль и тревоги исходят на «нет».
Из ромашек подушка, в ногах васильки
Простирают в пространство свои
стебельки.
Здесь услышишь, как ветер играет с
травой,
А журчащий ручей говорит с тишиной.
Попади в этот дикий и сказочный край!
Попадёшь и подумаешь:
«Вот он где, рай!».

В. Соловецкая

А на родине черёмуха цветёт,
В белом платице весенний вальс
танцует,
Нежным облаком мечту мою несёт,
А голубка о любви поёт-воркует.

А на Родине черёмуха цветёт,
Словно сказочной принцессой
нарядилась,

А голубка всё воркует и поёт,
Чтоб печаль-тоска моя забылась.

А на Родине черёмуха цветёт.
Я мечтаю, чтоб с голубкой снова
Я отправилась бы поскорей в полёт,
Чтобы оказаться с мамой... дома.

Л. Кротова

Расцвела черёмуха
 поутру:
На себя накинула
 цвет-фату.
Как зимой метелица
 вся бела,
Девницей-красавицей
 расцвела.
Только одинокая –
 зла судьба.
Красота без радости –
 как раба
У тоски безжалостной
 и слепой,
Что не сводит счастье
 с красотой.
Нашей бы черёмухе
 жениха,
Только нет достойного,
 без греха.
Тополь, вроде, стройный был,
 молодой,
Только вот ссутулился,
 стал седой.
Клён весною раннею
 пьяный был –
Объяснился спьяну и ...
 позабыл.
Дуб давно состарился –
 жил один,
А теперь – в любовниках
 у осин.
Расцвела черёмуха
 поутру,
Загрустила, белая,
 на ветру:
Видно, жить и маяться
 всё одной –
Не сыскать любимого
 ей весной!

Н. Еремин

Я вижу воочию:
Сохнет осина...
Ей хочется дочку,
Ей хочется сына,
Весеннего цвета
И солнца в листве,
Греховного ветра
В духовном родстве...

...Снега отшумели
В морозную тишь.
Весна - на пределе...
О чём ты грустишь?
Косынкой мелькая
У сонных окон,
О ком ты вздыхаешь
И сохнешь - о ком?

Н. Еремин

Женщины похожи на деревья -
Так же расцветают и стареют,
Так же беззащитно шелестят
День и год, и много лет подряд...

Да, они похожи на деревья -
Столько доброты в них и доверия,
Столько в них любви и теплоты...
В лес вошел и растерялся ты:

Вольно от берёзовых стволов.
Больно от рябиновых плодов.
Горько от калиновых плодов
Или от малиновых годов...

Жарко от осиновых листков,
Словно от сатиновых платков.

Березовое утро

Н. Тимченко

*Вознеслись к небесам перламутровым
Белоствольные свечи берёз,
Заманили меня часом утренним
В мир фантазий, раздумий и грёз.*

*Надо мной изумрудными кронами
«Свечи» в небе едва шелестят.
И, быть может, берёзки коронами,
А не кронами высь бороздят?*

*Облака — что ажурное кружево,
Свет сиреневый шлют нас согреть.
В темпе вальса картина закружится,
Если пристально вверх посмотреть.*

Мой край родной

Л. Дидух

*Чуть забрезжит рассвет в сизой дымке,
Заколышется синь вдалеке —
Я бегу, рассыпая росинки,
По знакомой тропинке к реке.*

*Всколыхнув туман млечный в низинках,
Я спешу встретить утра восход,
Словно бусинки, в травах росинки
Заискрятся, лишь солнце блеснёт!*

*Я люблю эту гладь Енисея,
Чудо-сказку его берегов.
Стали сердца частицей моею
Ширь, приволье природных ковров.*

*Здесь берёзки ведут хороводы,
Вьются змейками ленты дорог,
Рвётся ввысь синий зонт небосвода...
Милый сердцу, родной уголок!*

*Здесь сомкнулись в объятиях воды
Енисея с рекой Ангарой*

*И, почувствовав прелесть свободы,
Стали мощной единой рекой!*

*И люблю я всё то, что имею,
Всё, что Богом, судьбою дано.
Ширь и мощь Ангары с Енисеем
Стали символом счастья давно!*

А. Эфрон

*В тайге прохладной
Ребячьей радостью,
Ребячьей сладостью
Встречают ягоды.
Черничные заросли,
Брусничные россыпи.
Мол, живите до старости,
Мол, ешьте досыта!
Мол, кушайте, други!
Мол, счастливы будьте!
Мол, только пригубьте!
Мол, не обессудьте!
Не хочу вас, заросли!
Не желаю, россыпи!
Не хочу - до старости!
Не желаю — досыта!
Мне б яблочка российского разок
куснуть,
В том доме, где я выросла, разок
уснуть!*

1950

Мой край

И. Рождественский

*Где ещё найдёшь края такие —
Хоть пройди полсвета, полземли?
Здесь у нас потоки буревые,
Соболя, пшеницы наливные,
Лиственницы, скалы, хрустали.*

*Здесь у нас морошка и черника,
Сливы, не боящиеся зим,*

Люди здесь от мала до велика
Хлебосольством славятся своим.

Где найдёшь места такие в мире?
Столько птиц и рыбьих косяков!
Столько леса, пашен и лугов!
Столько светлой, необъятной шири!

Я себя не мыслю без Сибири,
Без моих родных сибиряков!

Север

И. Рождественский

Он тебе покажется угрюмым, -
Тишина, белесый небосвод...
Горький дым над заметенным чумом
Одиноким облачком плывет.

Тишина... и, может быть, не сразу
Ты заметишь в сумрачной ночи,
Как в снегах, невидимые глаза,
Непокорно плещутся ключи.

Как в мохнатом облаке поземки,
На пластах полярной мерзлоты,
Вырастают гордо камнеломки,—
Голубые, смелые цветы.

Здесь тепла земле не доставало,
Люди здесь суровые на взгляд,
Здесь к тебе присмотрятся сначала,
А потом с тобой заговорят...

На просторах Сибири

В. Кочерженко

*На просторах Сибири появилась
на свет.*

Мне милее, дороже на земле места нет.

*Здесь бушуют метели и морозы зимой,
Но из мест благодатных
меня тянет домой.*

*На просторах Сибири — голубая тайга.
Долгой зимней порою — жемчугами
снега.*

*Травы в пояс в июле, разноцветья
дурман.
Ярко-рыжая осень стелет синий туман.*

*На просторах Сибири — край
причудливых скал.*

*Приезжайте увидеть, те,
кто здесь не бывал,—
То лосиной тропкою по сибирской тайге,
На плоту, на байдарке по таёжной реке.*

*На просторах Сибири —
Енисей-богатырь,
Для Великой России кладовая — Сибирь.
И народ здесь особый, сильный духом,
простой,
Закалённый морозом, снежной сказкой
зимой.*

*На просторах Сибири —
Красноярск сотни лет,
На восток положила Русь
отсюда свой след.
От горы Караульной, где начало начал,
Возникали посёлки —
наш надёжный причал.*

4. ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СИБИРСКИХ РЕК

Енисею

Любовь Мохова

Есть много рек неугомонных, буйных, диких.
У рек – у каждой свой характер, глубь и ширь.
Они, как люди – не бывает рек безликих!
Лик Енисея – Ясноокий Богатырь!

Мир утопает в Енисейской звонкой сини:
Ему важны и краткий миг, и долгий век;
В нём мудрость дедов и уверенность России;
В нём сила всех таёжных, шумных рек!

По берегам – посёлки, временные станы,
Тунгусов чумы и нефтяников балки.
И к Енисею все притоки руки тянут
И, знаю, их рукопожатия крепки!

И пусть теперь в далёких землях зёрна сею,
Но точно знаю, что обратно прилечу...!
Притоки звонкие прильнули к Енисею,
Как льнут девчонки к богатырскому плечу.
19.06.09.

Сибирь

Юрий Визбор

Река Енисей – то туман, то дожди,
И лес – то седой, то рыжий...
Река Енисей, ты ко мне приходи,
Закрою глаза – увижу.

Вот это навек, так сказать навсегда
Зеленой сосной по сердцу,
Как пахнет река, как стучат в неводах
Луны золотые серпы.

И вроде бы я видел страны в красе,
Скитаясь всю жизнь по свету,
Но в сны мне стучит та река Енисей,
Красивей которой нету.

Река Енисей – то туман, то дожди,
И лес – то седой, то рыжий...

Река Енисей, ты ко мне приходи,
Закрою глаза – увижу.
1969

Воспоминания о Казачинском пороге

Иван Кочетков

Гудел Казачинский порог
В извечной битве с Енисеем.
Ревел, грозил у моих ног,
Как будто бился с чародеем.
Бурлил у камня пены вал –
Сошлись батыры: кто сильнее?
О, как порог там бушевал,
Чернел и становился злее!

Иван Кочетков

Арсению Милованову посвящается

Амфитеатр скал сибирских!
Кто не был здесь, тот зря живёт!
Пусть я не видел гор Памирских,
Но тут душа моя поёт.
Здесь валуны ревут, как в битве –
Порог Казачинский дрожит.
Здесь умиление – как в молитве,
Волна беснуется, бежит,
Бурун шипит под пеной белой,
Пытаясь камни растворить.
И лишь романтик с душой смелой
Готов среди скал один прожить.

Енисей

Казимир Лисовский

Без тебя не найти мне покоя,
Ты – любви моей первой сильней.
Снова думаю, сердцем, строкою,
Возвращаюсь к тебе, Енисей.

Снова вижу и пену в порогах,
И медлительных чаек полёт.
И зовёт меня снова в дорогу
Вечный голос твой, ветер широт.

Ты, река, моей песни начало!
Часто-часто в таёжных краях
Ты меня, как ребёнка, качала
На крутых, беспокойных волнах.

И тебя, чья волна поднебесью
Не уступит в своей синеве,
В Заполярье зовут Ионесси,
Улуг-Хем называют в Туве.

Ты штурмуешь высокие скалы,
Ты в работе с утра до утра.
Так, не зря навсегда от Байкала
Убежала к тебе Ангара.

Что Байкал? Только славное море.
А тебе – океаны сродни,
А тебе – бушевать на просторе,
Зажигать путеводно огни.

Ариадна Эфрон

Енисей сливается с Тунгуской,
Старший брат встречается с сестрою.
Та течет полоской синей, узкой,
Тот - широкой полосой седою.

По груди широкой, богатырской
Стороны чужой, земли сибирской
Пролегают лентой орденскою.
Две реки идут одной рекою,

Две реки идут одной судьбою,
Так, как нам не велено с тобою.

И железные проходят зимы,
И чудесные проходят весны
Над моею жизнью нелюбимой,
Над чужой землей орденоносной.
Над чужбиною.
1950

У Енисея

Игнатий Рождественский

Ты первый раз рванулся к Енисею
И – замер у обрыва на краю.
Твое очарованье не посмею
Вспугнуть...
И в отдаленьи постою.

Тебе, мой друг, такое и не снилось.
Простор...
Воды тяжелое литье.
Скала и та, наверно, бы разбилась,
Когда б поток тот хлынул на нее.

Янтарны сосны. Волны белокрылы.
Как разгулялись на ветру они!
Вдохни в себя частицу этой силы
И свежесть первозданную вдохни.
Река подобна солнечному свету.
Она всю жизнь –
в стремлении, в пути.
Ты удаль необузданную эту
На счастье человека обрати.

Енисей

Светлана Ромашина

Взяв разбег широкий по тайге дремучей
Держит путь далёкий Енисей могучий.
С юга Красноярья вьётся словно змейка
К центру Заполярья, к северной Курейке.

Бьёт волною синей, берега качая,
Славный сын России, в тундру убая.
Загулял хозяин, батюшка Сибири,
Чувствуя раздолье в беспросветной
шири.

Мощью богатырской бьётся об утёсы,
Волнами, шлифуя горные откосы.
Стонет и бунтует на порогах острых,
Корни, подмывая наклонившим соснам.

На степных просторах, где легла равнина,
Выросла в граните мощная плотина.
Заковав в оковы дерзкий нрав природы,
Рвутся на свободу ледяные воды.

На равнинах южных, где ветра шаманят,
Древние курганы тайной предков манят.
Синь небес, качая на речных ладонях,
Утро, просыпаясь, в стылых волнах
тонет.

В синем полноводье мощь реки и сила...
Щедра мать природа в Енисей вместила.
Сквозь круги столетий, сквозь туман и
тучи
Гонит дерзко волны Енисей могучий!

Енисей

Вера Соловецкая

Я встретилась с твоим истоком,
Величественный Енисей:
Соединились два потока-
Бий Хем, а с ним и Каа-Хем.
И побежал большой водою
В степях тувинских Енисей.
В Саянах же, как за стеною,
Скрывался скромно от людей.

И там, где ты соединился
С красавицею Ангарой,
Мой новый город зародился
И стал навек моей судьбой.

Твоею силой восхищаясь,
Тебе я гимн любви пою.
На крайний север устремляясь,
Возьми с собой любовь мою

На Мане

Олеся Дидух

Скользит лодочка по течению,
Заманила в свои владения
Нас таёжная вдруг волшебница –
Речка Мана. И мне не верится,
Что вокруг – только солнце смелое,
Серебрится вода зеркальная,
Улыбается лето спелое,
Растворив тишину хрустальную.
Разнотравье дурманит красками,
Ароматом своим пленительным,
К себе манят поляны ласково,
Окрылив ветерком живительным.
Мне открылась страна забытая,
Где мечты наяву сбываются –
Вьется Мана, среди скал укрытая,
И в объятых тайги купается
Я, на Ману сейчас похожая,
Убежала, куда неведомо...
Эти скалы – бойцы надёжные,
Сохранят красоту волшебную.
Шум волны шептал тайну важную,
Что лежит за семью печатями -
Эта сказка открыта каждому,
Ведь такой у нас край замечательный

5. ПРОЗА СИБИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Алексей Бондаренко ЛОЩИНА ГОЛУБОГО ТУМАНА (фрагмент)

Старика Евсея гроза застала врасплох. Собираясь в поле, он подумать даже не мог, что в столь ясный безоблачный день разразится такая гроза – страшная, свирепая. Ведь с утра ничего не предвещало перемену погоды.

Евсей, проснувшись на зорьке, мельком глянул в окно. Сильное солнце стремительно поднималось над вершинами леса. На небе - ни облачка. Весело щебетали ранние птицы. Где-то в подлеске бодро куковала кукушка. Густой туман, кружа над Енисеем, медленно поднимался вверх. Это взбодрило старика: коль туман поднимается вверх, то обязательно будет ведро. Он задержался у окна, любясь рекой. На душе стало легко. Много неотложных дел он переделает в этот погожий день. Нудные дожди надоели, а тут ещё жена скрипит и скрипит – всё то ей зудеть надо, всем-то она недовольна. Старик посмотрел на спящую старуху и тяжело вздохнул. «Спишь, старая зануда... Ну, спи, спи, в мне некожды разлёживаться, - подумал он.- Прежде всего надо отыскать загулявшую который день кобылу с жеребёнком, а уж после смазать колёса у телеги, заменить старый потник у седелка. И когда уж всё будет ладно, то к вечеру съездить на покос посмотреть травы - подошли ли, набрали ли силу? Лишь бы только погода не подвела. А то вон и лета нынче нет: день - духотища, рубаха от пота насквозь мокра, другой – проливной дождь. А работа-то ждать не будет. Летом один день год кормит...»

«А время-то мчится, не остановить его, - продолжал думать Евсей. – И так из года в год, от весны до весны - непочатый край работы. Не успел по насту напилить дров в лесу - огород на носу. Поднял землицу, посадил овощ, а там уж сенокос подоспел. Примчалась осень – тож разворачивайся: и заготовки, будь они неладны, и во дворе к зиме чего подладить надо: то крыша прохудилась, то забор, будто споткнулся, накренился. Так, в заботах, и жизнь пролетела. А чего видел-то в этой жизни? Чего нашёл? И спрашивается: для чего он вообще живёт и мучится, топчет эту грешну истерзанну землю?»

С такими невесёлыми думами смотрел старик на солнце. И уже не радовало оно его. Какое-то непонятное предчувствие терзало душу. Он сник и хотел уже отказаться от затеи идти искать кобылу с жеребёнком - нагуляются и сами явятся. Но крестьянская жилка взяла верх: «Кто знат, куда утянулась кобыла, уведя за собой несмышлёныша, ведь вокруг тайга дремуча. Не дай Бог, зверь на них наткнётся, тогда поминай, как звали». И Евсей опять тяжело вздохнул.

- Чо вздыхашь-то так чижало? Будта бы воз в гору везёшь? – пошевелилась и оторвала голову от подушки старуха.

Старик потоптался ещё у окна, оторвал взор от солнца и неохотно ответил:

- Который день уже кобылы нет. А это очень даже волнует меня. Мало ли что может случиться! Может и медведь заломать. Ноне и волки в округе объявились, пропади они пропадом.

- Куды она к лешему денется, твоя пропастина, кобыла эта, - зло зашипела старуха. – Явится нонче. Сколь разов уже было: блудит, блудит, и вона, нарисовалась вся совсем. Нашел себе забаву. Ведь сколь раз было говорено: на кой ляд под старость тебе эта кобыла. Не было заботы – купила баба поросю.

- Ты пошто, Дарья, така-то! – огрызнулся старик. – И всё-то мёшься ли ковды?

- Уймись, уймись... Может даже ноне. Тебе на радость. Другу, покладисту, заведёшь. Вот уже попотетишься вдосталь. И глотку-то твою погану заливать нова-то баба запрешшат не будет. Нахлебашься, может.

- Всю-то жись ты у меня така, - попытался утихомирить расходившуюся жену старик. - Захлестнёт шлея под хвост, и понесла по кочкам. Рази можно так-то, Дарьюшка?

- А ты хошь ковды слушаешь меня? Упрёшься рогом в стену не сдвинуть. Всё тебе надо по-своему палку гнуть. Сколь сказывала: не купляй эту кобылу - одне заботы с ней. Нет же. Он всё одно на своем: чо за деревня без коня и петуха! Вот таперича и шлындай с утра до ночи за своей ордой. Будта бы делать в доме больше неча. Лучше бы взял литовку, да за огородом траву по- выкосил. Всё бы каку лишню копёшку сена склали. Чем собрался свой табун зиму кормить? Али берёзовы ветки коням-то ломать будешь? Вона ишшо и корова во дворе. Она-то уже эти ветки жевать не станет. Молоко-то крынками хлещешь. Ноне дождешься ты у меня молока, - строго пригрозила старуха. - Ну, чо ты, Дарьюшка, сызнава разошлась. Я ить чо! Я ни чо,- смиренно ответил старик.

- Всё близирничашь! Всё близирничашь, непутёвый, - ярилась старуха. – Толку-то от табя: не украсть, не покараулить.

- И чо на табя нашло сегодня?! – буркнул старик. – Али плохо спала? С чего взяла, что близирничаю? Каким был, таким и остался. Не юлю хвостом, яко пёс паршивый.

- Ну, погоди! Добьёшься ты у меня со своими конями! В конюшню спать отправлю, - снова пригрозила старуха и, уронив голову на подушку, отвернулась к стене. Под ней жалобно заскрипела кровать. Вскоре по избе разнёсся её мощный богатырский храп.

Вот с этим храпом в сердце и шёл Евсей по безбрежному, бывшему колхозному полю - запущенному, дикому. Оно уже давным-давно не пахалось. Куда ни глянь - запустение. На всём пространстве, сколько хватало глазу, поднимался к небу напористый молодой осинник и курчавый березняк. Давно не тронутые человеком крайки поля густо взялись кипреем, шлемником, пучкой. Часто попадались на глаза Евсею широкие сохмы, нахоженные медведем. «Ишь, сколь зверя-то развелось! Непуганый. Видно, по привычке идёт сюды. Ну, таперича не найдёшь ты, друг, и зёрнышка хлебного здесь. Вон рой таперь мурашей для пропитанья, - грустно думал старик, внимательно разглядывая муравейные кочки, разворошенные зверем. – И хде это моя кобылка с жерёбушкой запропастилась, язви её! Скоко тут троп натоптан!. По какой из них она направились?»

Евсей дошёл уже до середины дикого поля, внимательно разглядывая изрядно примятую траву. И не заметил, как набежали чёрные тучи. В считанные минуты весь небосвод от края и до края стал тёмным. Где-то в стороне, словно пробуя свою силу, слабо громыхнул гром. Вот его раскаты послышались и другой, и третий раз. Тёмное небо повдоль разверзла яркая вспышка молнии. Невесть откуда прилетевший ветер поначалу вроде с неохотой, играючи, качнув деревья, вдруг взъярился и широкой полосой придавил густые травы к земле. Со страшной силой рванул брезентовую куртку старика и, не задерживаясь на поле, свирепо помчался к стене тайги, чтобы там, видно, уж вволю покуражиться. Стал, накрапывать мелкий дождик. А затем так разошелся, что старик разом промок до нитки. Евсей со всех ног бросился в ложину, где стояла вековая одинокая ель. Её ветви шатром низко опустились к земле, образуя надёжное укрытие. Под них-то и поднырнул старик. Несмотря на ливень, под елью было сухо и уютно.

Снова яростно сверкнула молния, и сразу же со страшной силой над елью громыхнул гром. Ель закачалась, жалобно заскрипев. Старик, дико озираясь, спиной втиснулся в шершавый ствол дерева. Его стало знобить. По телу пробежали холодные мурашки. И тут он вдруг вспомнил про свою записку. Бутылка крепкого самогона, ещё с вечера припрятанная в кармане, придавала старику уверенность и силы. Евсей оживился. Он, как самую большую драгоценность, осторожно достал из кармана бутылку. Повертев в руках, откупорил и сделал маленький глоток. Самогон горячим ручейком скатился внутрь, обжог и жаром разошёлся по жилам. Евсей ещё сделал глоток, и ещё. Голова приятно закружилась. Чем больше он пил, тем больше не чувствовал холода. Он стянул с себя мокрую куртку, уместился на ней и, слегка отодвинув в сторону пушистую еловую ветку, повеселевшими мутными глазами обвёл поле. Там сплошной стеной стоял дождь. Он, словно кнутом, хлестал по веткам древней ели, по траве. Глядя зачарованно на это буйство природы, старик забыл и про трудный разговор со старухой, и про лошадей. Ему было хорошо. Душа ликовала.

Гром уже громыхал над вершинами дальних сопок, но дождь все ещё не унимался. Только Евсею теперь было всё равно, что там делается снаружи его надёжного укрытия - да хоть трава не расти! Он, счастливый, закрыл глаза. Несравненное блаженство разлилось по всему его телу. С этим чувством он и заснул.

Александр Комкин **ОБСТАНОВОЧНЫЙ ПОСТ**

Лето буйствовало. На старой, затёртой до блеска деревянной лавочке сгорбившись сидел такой же древний, как и сама лавочка, дед. Он, опершись на палочку, смотрел своими бесцветными глазами в даль Енисея, мирно несущего свои воды в ста метрах от небольшого, но ухоженного домика старика.

Изредка проплывали теплоходы, таща за собой громоздкие и неуклюжие на вид баржи, ещё реже проплывал на север плот. Енисей был какой-то безлюдный.

- Эх-хе-хех, - тяжело вздохнул старик, глядя на бескрайнюю гладь Енисея, - что-то дееется на этом свете!

Он помнил, как суматошно работала река в годы его молодости, как бурлила здесь жизнь. В далёкие шестидесятые и семидесятые годы прошлого века он, тогда молодой и здоровый Семён Павлович, был нужен капитанам теплоходов, шкиперам барж. С юных лет он служил Енисею, был уважаемым бакенщиком, которого хорошо знали речники. Иные из них и сейчас его помнят, да где же они? Пусто стало на реке, а потому и непривычно.

Мальчонкой-сиротой в суровую годину войны приехал он в помощь бакенщику деду Федоту в эти места. А до этого было бегство от войны, которая каждый день стремилась догнать беженцев, красноярская эвакуация после гибели отца, а потом, под бомбёжкой, и матери с двумя младшими сестрёнками. Его спас случай: на одной из станций мать послала его за кипятком, а в это время налетела немецкая авиация. Через 15-20 минут от эшелона практически ничего не осталось

Семён не помнил, сколько просидел на разрушенной станционной насыпи. Рассеянный и подавленный, он не знал, что делать, куда идти, кому выплакать свою боль. Но война гнала беженцев на восток, и, поддавшись инстинкту выживания, он двигался вместе со всеми. Долгими неделями пробирался на восток попутными эшелонами с такими же, как он, напуганными и голодными беженцами. В начале августа оказался в Красноярске. Эшелон, на котором он приехал, дальше не шёл.

Что было делать, Семён не знал. Голодный и одинокий, он бесцельно бродил по городу. К концу дня оказался на берегу Енисея. Тёплый летний воздух и тишина действовала как-то успокаивающе. Такого количества воды Семён еще не видел в своей короткой жизни. Он разделся, помылся, как мог, приятной речной водой, постирал свои штаны и рубашку, и, пока одежда сохла на прибрежных камнях, сидел навалуне и лениво бросал камешки в реку. Нестерпимо хотелось, есть. Казалось, ещё немного, и он просто упадёт от голода на жёсткие речные камни. Горькие мысли сменялись в голове одна другой.

Послышался детский говор, а вслед за ним хруст речной гальки под ногами. Семён обернулся. К нему подходили трое подростков примерно одного с ним возраста. «Бить будут», - мелькнула мысль у парнишки, но какое-то безразличие охватило его. Ему вдруг стало всё равно.

Мальчишки подошли к Семёну и встали полукругом, испытывающее рассматривая незнакомца. Эти несколько минут показались обессиленному от голода и безысходности беженцу вечностью. Вдруг зло наполнило его маленькое сердце, и он приготовился к смертельной схватке.

- Ну, чего вылупились? Трое на одного? - со злостью процедил сквозь зубы Семён.

Однако вместо ожидаемой драки один из мальчишек, по-видимому, старший из них, миролюбиво спросил:

- Ты кто, чей будешь?

- А ничей, - грубо ответил Семён. - Приехал вот...

- К кому приехал-то? Мы тут вроде всех знаем...

Через час они уже дружно сидели рядом, и Семён как-то незаметно для себя рассказал свою историю. Все молчали, размышляя, наверное, как помочь новому другу. Они сочувствовали ему и понимали всю сложность его положения, а вот как помочь, не знали. У них отцы были давно на фронте и также давно не присылали родным никаких вестей. Чуть больше повезло только тому, что был постарше. Его отец был «под бронью» - служил на одном из пароходов.

День клонился к закату, и возникла новая забота – о ночлеге. Старший, его звали Сергей, решительно встал и, хлопнув по плечу Семёна, сказал:

- Ладно, пойдём к нам. Дома что-нибудь придумаем. Батя ночевать должен прийти сегодня.

Дом, где жил Сергей с родителями, находился недалеко от Енисея, на маленькой, кривой улочке, которая упиралась в речку Кача. Когда вся ватага вошла во двор, семья была в сборе. Сергей попросил мать накормить своего нового друга, а сам, отозвав в глубину двора отца, горячо ему начал рассказывать историю своего нового друга.

Семёна долго уговаривать пообедать не пришлось – сказались голодный день и пережитые тревоги. Запрятав глубоко в душу стеснение, он быстро принялся за предложенный постный военный суп, и даже не заметил, что ел один, а все домочадцы с жалостью смотрели, как он второпях глотал горячую похлебку. Мать Сергея украдкой вытирала слёзы передником.

Покончив с обедом, он словно опомнился: поглядел по сторонам и, покраснев, опустил глаза.

- Спасибо, - едва слышно прошептал парнишка, сгорая от стыда за своё поведение за столом.

Разморенный едой и усталостью, уже плохо понимавший, что будет дальше, он уже клевал носом прямо за столом. Как его проводили в комнату, где было постелено, и как, раздевшись, провалился в глубокий сон, Семён уже не помнил. Впервые за последние месяцы он спал на нормальной постели.

Когда утром Семён проснулся, отца Сергея уже не было, а мать его, словно смущаясь чего-то, сказала неожиданному гостю, что он может пока пожить у них, а там будет видно. И вообще Семён как-то сразу доверился этой, в сущности, чужой женщине. Она чем-то неуловимым напоминала ему его погибшую мать. И, боясь спугнуть свои хрупкие надежды на привалившееся вдруг счастье, он уже не хотел расставаться с этими малознакомыми и вдруг ставшими ему близкими людьми. Ему не хотелось покидать этот гостеприимный дом.

Через пару дней отец Сергея опять пришёл домой. Он был весел и даже немного возбуждён.

- Ну что, дружок, хочешь стать бакенщиком? - подмигнул он Семёну.

Кто такой бакенщик, и хочет ли он им быть, Семён не знал. Он понял только, что в его жизни должно что-то произойти.

Оказывается, отец Сергея, молодой, но уже достаточно известный капитан на Енисее, побывал у начальника пароходства, где поведал судьбу мальчика. После коротких переговоров руководители пароходства решили помочь сироте. Тем более,

что на одном из дальних обстановочных участков проживал одинокий бакенщик. Он давно просил помощника, но начавшаяся война «подчистила» мужское население Енисея.

Бакенщика звали Федот Маркелович. Изголодавшийся сирота не очень подходил ему в помощники по возрасту и силе, но в пароходстве решили, что это дело времени. Картошка у Федота Маркеловича есть, рыба – в реке, мясо – в лесу, да и к ремеслу старик приучит мальчишку, а война закончится – видно будет. Родные не объявятся, так учиться направят в ремесленное училище на рулевого. И уже через пару дней новоявленный будущий помощник в сопровождении своих новых друзей взошёл по трапу на небольшой, старенький, ещё дореволюционной постройки, пароходик.

Семён был счастлив. Вцепившись руками в ограждения палубы, он вглядывался в бесконечные просторы. От красоты лесов и мощи реки у него буквально захватывало дух. За все свои четырнадцать лет ему никогда не приходилось видеть таких больших рек. Там, где он жил до войны, протекала маленькая речка, которую летом мог переплыть любой местный мальчишка, а тут! Мощные воды могучей реки слегка сотрясали металлический корпус старого парохода. Казалось, речная стихия борется с творением рук человеческих. Пережитые горести казались уже чем-то далёким. Он был в восторге от сменяющихся пейзажей. Ему казалось, что такая жизнь у него была всегда – мирная и счастливая. Ритмично постукивали клапаны машины, шурша летали огромные шатуны и монотонно шлёпали плицами* по воде колёса. Изредка резкий гудок заставлял вздрагивать мальчика – это приветствовали друг друга встречные суда.

На остановках Семён вместе с матросами таскал дрова для прожорливых пароходных котлов, драил палубу, смеялся над шутками и с наслаждением уплетал вкусные флотские обеды. Казалось, как мало для счастья нужно: кров, пища и доброе отношение людей. Матросы и штурманы хвалили старательного мальчишку и оберегали его. Они уже знали о тяготах, выпавших на долю маленького человека, повидавшего и войну, и смерть.

Через две недели пути пароход, замедлив ход у одиноко стоящей на берегу избушки, подал продолжительный гудок. Из избушки вышел человек и поспешил к кромке берега, где стояло несколько деревянных лодок. Пароход, сделав оборот, подошёл поближе к берегу, от которого к нему уже стремилась лодка. Семёну приказали собираться и приготовиться к высадке. Капитан лично вышел проводить мальчика. В руках он держал небольшой мешок, у которого уже пришвартовался к пароходу.

- Ну, слава Богу, наконец-то! - обрадовался старик. - Где помощник-то, который?

Он поднял глаза на столпившихся по борту матросов.

- Да вот он, не заметил, что ли? - засмеялся капитан, подталкивая вперед Семёна.

- Господи, да что же это делается! На кой мне малец-то, что проку от него? - заворчал старик. Но капитан уже передавал ему мешок с собранными матросами гостинцами для Семёна и пакет с газетами и письмом.

Семён нерешительно подошёл к кромке борта и осторожно встал на верёвочную лестницу, что свисала в лодку. Капитан тем временем перешёл на деловой тон. Он поинтересовался габаритами судового хода, обстановкой и, коротко попрощавшись с бакенщиком, поднял руку в салюте, прощаясь с Федотом Маркеловичем.

- На обратном пути попроведаем! - кричали отплывавшей лодке матросы с парохода, а Семён со слезами на глазах смотрел вслед уходящему пароходу, словно прощаясь с ним навсегда.

Шли годы. Семён быстро освоил новое ремесло бакенщика. Чтобы понравиться молчаливому старику, он охотно и сноровисто выполнял все поручения деда Федота, как теперь называл своего наставника. Красил бакены, чистил и заправлял керосином лампы, вместе со стариком пилил и колол дрова, которых в суровую сибирскую зиму надо было много. В следующую навигацию он уже ловко управлял лодкой и сноровисто грёб на веслах, разбирался в правилах установки бакенов. Семён ловко лазил по кедром, добывая шишку, научился разбираться в грибах, мог самостоятельно поставить и проверить сеть и перемёт. А Федот Маркелович так привязался к своему помощнику, что и дня прожить не мог без него. Он тосковал, когда мальчик уходил в соседнюю деревню за несколько вёрст по его поручениям, а зимой, когда Сёмка уходил на неделю в школу, дед еле выдерживал в ожидании до воскресенья.

Теперь они стали одной семьёй. Иногда Федот Маркелович получал короткие письма от единственного сына, который воевал далеко от дома, и тогда Сёмка по несколько раз перечитывал фронтовое письмо. Федот слушал внимательно, изредка комментировал ответное письмо. Он восхищался грамотностью мальчишки - сам он едва умел расписываться.

Когда война закончилась, в пароходстве о Семёне вновь вспомнили и захотели забрать его в ремесленное училище, но тот категорически отказался и остался дальше работать на посту. «На кого я оставляю дедушку?» - веско заявил он, чем до слёз расторгал старика.

После школы пришло время службы в армии. Служить Семёну пришлось далеко от Енисея. Три долгих года провёл он на Дальнем Востоке, охраняя границу, и с нетерпением ожидая дня возвращения на Енисей. Семён уже не представлял себе другой жизни – без любимой реки и Маркелыча, и, как только вышел приказ о демобилизации, ничто не могло удержать его на чужой стороне.

По весенней воде с первым пароходом Семён прибыл к своему наставнику, оформившись в Красноярске на должность бакенщика. Его встретил поседевший и какой-то постаревший дед Федот. Годы брали своё, и казалось, что Федот Маркелович стал как-то даже ниже ростом. Но это было не так. В старике еще чувствовалась сила, просто Семён вырос. За три года, что они не виделись, дед остался всё таким же строгим и строгим к своему делу. Он радостно встретил своего воспитанника и ещё больше обрадовался, что Семён теперь бакенщик по всем законам.

Праздник встречи прошёл, и наступили будни. Такие же будни, как и до службы в армии, как и во время войны. Только на Енисее стало больше пароходов, да новее они были и быстроходнее.

Сергей из Красноярска тоже не забыл Семёна. Он окончил речной техникум, также отслужил в армии и плавал штурманом на одном из новых пароходов. Сергей ни разу не прошёл мимо бакенщиков, чтобы не остановиться хоть на десять минут. Он завозил «робинзонам» книги, журналы, газеты, батареи для радио и прочую мелочь, так нужную на отдалённом посту. Годы, прошедшие со дня знакомства, не только не отдалили парней друг от друга, но и укрепили «мост дружбы». Общие интересы, река, работа прочно связали их. Отец Сергея уже ушёл на берег после списания старенького парохода на слом и теперь работал в пароходстве диспетчером.

После армии, возмужавший и повзрослевший, Семён сосватал в соседней деревне девушку. Сыграли свадьбу, и молодая жена вошла в домик бакенщиков. Совместно с новыми деревенскими родственниками Семён срубил просторный дом, который вскоре начал наполняться детскими голосами. Управление пароходством тоже помогли молодым новосёлам. С проходящими пароходами были доставлены краска, пиломатериалы и другие строительные мелочи.

Дед Федот, уже совсем состарившийся, выйдя на пенсию, не захотел переезжать в Енисейск к вернувшемуся с фронта сыну и попросил позволения у него и Семёна остаться доживать свой век «на посту», как он выражался, на «вольномдухе». Всех такой расклад устраивал. Сын Федота Маркеловича регулярно посылал посылки отцу и небольшие переводы, а когда у Семёна один за другим народились трое мальчишек, то все заботы о них дед Федот добровольно взвалил на себя. «Нечаво даром хлеб есть», - говаривал он, вытирая нос очередному Семёновичу.

А когда мальчишки стали подрастать, старик с таким же усердием передавал им свой таёжный опыт, как когда-то их отцу. Они целыми днями пропадали либо в тайге, либо на реке. Мальчишки считали старика своим дедушкой и буквально боготворили его, а тот очень скучал без них, когда им пришло время учиться в школе соседнего села. Они так же, как в своё время их отец, уезжали на неделю в школьный интернат, а Федот Маркелович бесцельно бродил по опустевшему для него берегу и, не выдерживая одиночества, запрягал лошадь и ехал среди недели проведать «внучков».

Он задолго до смерти потребовал, чтобы его похоронили на берегу реки, которой он отдал всю свою жизнь. Воля его была исполнена, а обстановочный пост после этого ещё долго-долго среди речников назывался «Федотов пост».

Выросли и разлетелись Семёновичи. Старший после института поселился в Ленинграде и пошёл работать на крупный завод, средний стал военным и долгие годы мотался по гарнизонам, а младший обзавёлся семьей и остался в Красноярске. Об одном сокрушался Семён: что ни один из его сыновей не «заболел» Енисеем, не прирос, как когда-то он сам, к реке. Но зато в редкие отпуска слетались сыновья в родительский дом со своими городскими жёнами и детьми. Тут, на берегу Енисея, где прошло их детство, они, как и в те далёкие годы, целыми днями пропадали в лесу или

на реке. И хоть нелегко было добраться до да-лёкой деревушки, где даже не было маленького местного аэропорта, но стоило кому-то из Семёновичей в красноярском речном порту сказать кому-то из капитанов, кто он, куда и к кому едет, вопрос с проездом решался сразу. Любой капитан считал своим долгом помочь сыну известного бакенщика. Семёна Павловича уважали все капитаны за его преданность реке, знание своего дела и готовность всегда прийти на помощь. Уважали его и в селе за отзывчивость и готовность помочь.

Прошли полные трудовых подвигов шестидесятые годы. Отшумели буйные семидесятые, пробежали восьмидесятые. Состарился и Семён Павлович. Уже не стало на реке бакенщиков – на смену им пришли автоматика и радионавигация. И Семён Павлович с женой по настоянию сыновей перебрались в соседнее село, где их хорошо знали и охотно приняли. Кроме того, у жены Семёна в селе была многочисленная родня, которая помощью срубила небольшой, но добротный дом и помогла на первых порах.

Рухнул могучий Союз, как-то незаметно опустел Енисей. Теперь редкие теплоходы разрывали своими гудками тишину. На флот пришло новое, молодое поколение, и уже мало кто знал и Федотов пост и знаменитых бакенщиков. Заросла могилка деда Федота, от усадьбы бакенщиков остались только полусгнившие развалины. Не под силу стало Семёну Павловичу ходить на бывший пост и следить за одинокой могилкой своего наставника. Заросла молодым подростом и луговина бывшей усадьбы бакенщика. Только полуразвалившаяся избушка напоминала о прошлой жизни.

Вот и сидит дед Семён на лавочке у своего дома, вспоминая прожитую жизнь. Сожалеет ли он о прожитом? Едва ли. Оказавшись случайно на сибирской реке, он словно соединился с ней в единое целое. Он счастлив так, как только можно быть счастливым. Глядит старый бакенщик в енисейскую даль и, словно в кино, пробегают в памяти кадры его жизни, жизни на Енисее – его реке. Лёгкий ветерок доносит речной запах, смешанный с полыньёю. Дед Семён глубоко вдыхает такие родные ароматы и счастливо улыбается сам себе.

От дум его отвлёт тихий шаркающий звук. Это его верная старуха, заждавшись супруга, вышла за калитку. Она встала рядом с мужем, также вглядываясь в речную даль.

- Ну, что, старый, пойдём ужинать ли, чё ли?

Дед Семён ещё раз кинул взгляд на реку, поднялся с лавочки и медленно пошёл к дому.

Николай Волокитин. ДЕМИДОВ КЕДР

Целый день густо падал на землю волглый и теплый снег. Он падал и тут же таял. И оттого земля была влажной и слякотной. И какой-то пегой на вид, как шерсть на линяющей лошади.

Все вокруг: и небо, и пожухлая крапива за пряслом, и тальники на отлогом речном берегу, и дальние, едва заметные в этом снежно-дождевом месиве согры — сливалось в расплывчатые бусые пятна, и лишь узкая извилистая Шилка резко выделялась на сером осенне-ненастном фоне.

Из окошка Евсеевой избы вода в ней казалась черной, как вороненая сталь. И такой студеной-студеной, по-зимнему прорубной, хотя рядом жарко топилась печка.

Неделю Евсей Кузьмич поджидал Петру Феофаныча с ребятами, и потому где бы ни был: на охоте, на рыбалке или просто бродил по тайге — во второй половине дня возвращался домой, чтобы не прокараулить появления гостей.

Однако их все не было, несмотря на то, что времени после первой встречи прошло подходяще.

Евсей Кузьмич успел и карасишек поднасолить, благо, что с наступлением холодов они шли в вентеря и мордушки ходко, и косачей настрелять на первый случай.

Два последних дня он вообще почти никуда не ходил, так копался под навесом завозни, по мелочи да по домашности что-нибудь делал. Частенько, подолгу просиживал у окна. Смотрел на заснеженную землю, на почерневшую речку, на Монастырский бор, на Демидов кедр...

Рассказывали, что когда-то давным-давно его посадил на взгорье, чуть в стороне от бора, старый казак Демид в честь рождения первенца, сына.

Ухватист и удачлив был Демид, всем в жизни доволен, но вот самого главного, самого сущного ему не хватало. Не было детей у Демида. И молодость давно миновала, и зрелый возраст прошел, за пять десятков перевалило, а нет наследника и только — хоть головой о речные валуны колотись.

Смертной тоской тосковал Демид. Что только не делал. И на моленья к староверам в глухие урочища ходил, и дорогие свечи в православной церкви ставил на аналой, и бабу свою по знахаркам водил...

И вот понесла жена на пятом десятке. И родила сына.

Неделю на радостях угощал Демид всю деревню. Неделю пил и плясал сам и других на круг выводил. А потом взял лопату, вышел за поскотину на светлый, солнечный и чистый угор и посередине его вкопал в землю крохотный саженец. Каждый день холил его, и вымахал кедр на диво вагинцам и приезжему люду здоровый и сильный.

Давно нет в живых не только Демида, но и сына его, и внука, а кедр стоит на земле, зеленеет, шумит могучею кроной. Снизу он коренаст, присадист, ветви почти к земле прикасаются, и корявый ствол с обнаженными корнями вдвоем едва ли обхватишь, а сверху широк и раскидист, и каждая ветвь — что дерево.

До сих пор плодоносит кедр, и шишки его не продолговатые, не похожие на утиные яйца, они круглые, тяжелые, с голубоватой кожурой и с крупными, сочными орехами. Поспевают эти орехи медленно, гораздо позже, чем на других деревьях, но зато и держатся на ветвях долго-долго. Во всем бору недели три, как главная шишка опала, осталась только легкая, мелкая да большая по десятку-другому на каждой макушке, а Демидов кедр будто тунгусская шуба в бисере — в своих семенах.

Раньше шишки с него так и сбивали в октябре-ноябре, и сбивали осторожно, умело — не колотушками, не байдонами, а тоненькими шестами, взобравшись на сучья. Сам Евсей Кузьмич и в прежние времена не сбивал и сейчас не сбивает. Он собирает опавшие.

Вкус ореха в опавших, прокаленных морозом шишках — особый, ни с чем не сравнимый. Не чета ни жареному, ни вареному, ни высушенному в русской печи...

Смотрел Евсей Кузьмич на Демидов кедр, и виделись ему дни, когда Вагино было еще многолюдным, живым, и думать не думалось о том, какая судьба ему предназначена.

Любила возле кедра молодежь собираться. Здесь и хороводы водили, и по весне в лапту и городки играли, здесь парни с девками в любви объяснялись.

В деревне знали: коль повел Иван Марью или Василий Татьяну к Демидову кедр, значит, скоро на свадьбе гулять.

«Емельян свою Рахиму даже из Ерзовки привел», — усмехнулся старик невесело.

Он сучил дратву.

Затеял подшивать валенки, а приготовленной дратвы не оказалось. Разыскал в сундуке старый, оставшийся от жены Степаниды клубок льняных ниток, из кладовки ошметок вару да кусок воску принес и взялся за дело. Скручивал нитки в четыре жилы и, натянув, со звоном натирал: сперва варом, чтоб крепче были, не прели от влаги, а потом воском для скользкости, для удобства при починке.

Лучше было бы, конечно, бросовой машинный ремень распустить. Вот где дратва так дратва: подошва сотрется от носки, а ей хоть бы что — но где же в Вагино найдешь машинный ремень? Откуда он здесь завелся?

Делал Евсей Кузьмич свое дело, посматривал на осеннюю непогоду за окном, На Демидов кедр, а сам все думал и думал. О многолюдном и процветающем Сполошном, о полуживой Ерзовке, которую ожидает та же участь, что Вагино, о Шайхуле, о его состоянии незавидном.

Так и не согласился старый дружок, сколько Евсей Кузьмич ни звал, навестить заимку, погостить у него.

— Потом, потом, Евсейка. Сейчас не могу. Смутно как-то на душе у меня.

И у Евсея Кузьмича на душе было смутно и тягостно...

Подлетела к окну синица и давай, как дурная, долбить клювом по раме да по стеклу. Трепещет-трепещет желто-синими крыльями, поблескивает темными бусинками-глазами, а сама знай долбит. «Нехорошую весть принесла», — вспомнил Евсей Кузьмич дедовскую примету. И совсем стало тошно, и одиноко-одиноко, хоть из избы вон.

Он и вышел. Хотел было на охоту податься, развеяться, силки на рябков в мелколесье у речки поставить. Да какая охота в такую погоду?

Почему-то потянуло на кладбище. Оно было рядом, в Монастырском кедраче, за бывшей поскотиной, что начиналась у Шилки и у Шилки же обрывалась, только с другой стороны деревни. Долго пробыл там Евсей Кузьмич, обходя дорогие могилки. Одни стали ветхими и кресты уронили, другие еще держали их и обихоженные холмики непросевшими сохраняли. Надолго ли? Время все изменяет...

Вернувшись домой, подживил в печке огонь и вновь взялся за дратву.

Из головы не выходили слова Шайхулы, сказанные в тот вечер, когда он проводил в Сполошный Мансура: «В старости нас всех начинает тянуть к родным. Ты одинок, и, может быть, этого не поймешь».

«Как же не пойму, — мысленно возразил старик. — Разве у меня не было родных? Были. Но так случилось, что я их всех пережил, и мне осталась от них одна только память. А память... Эх, Шайхула, Шайхула! Она ведь тянет к ним, как к живым...»

Евсей Кузьмич свернул готовые концы дратвы вчетверо, повесив их на гвоздь у окна, присел на низенький стульчик к печке и открыл дверцу, чтобы видеть, как мечется яркое пламя.

Пламя обдало его жаром. Слегка ослепило старческие глаза. Но Евсей Кузьмич не отодвинулся от печки, лишь прищурился.

Он вспоминал.

Да. Один. А когда-то здесь, как и в Сполошном сейчас, всю кипела жизнь. Была здесь деревня. И не какая-нибудь одноулка. Многолюдная, ладная, сильная, в сорок с лишним дворов.

И вот — была да сплыла.

Лет семь-десять назад пошла по сибирским местам крутоверть, да такая, что коренные таежники только ахали удивленно да разводили руками. Одно за другим, будто озера в засуху, начали исчезать старинные чалдонские поселения, что стояли на глухих, отдаленных еланях.

Не стало веселого Табора и тихой Осиновки, древней Закеми и крепко сбитого Дембора, не стало Старорябовки, Зеледеево, Добровольного, Клопова. Зато вместо них как грибы после дождя принялись разрастаться поселки и села, расположенные поближе к трактам, к железной дороге, к судоходному Енисею. Это строились центральные усадьбы укрупненных артелей и совхозов, «вобравших в себя» по десятку, а то и по полусотне маленьких деревень.

Дошло и до Вагино.

Года три-четыре назад присоединили деревню вместе с соседней Ерзовкой к молодому совхозу «Сполошный», что в сорока километрах южнее, и оказалась она не при деле. Совхоз-то молочно-мясной, а в Вагино издавна занимались рыбалкой, охотой, заготовкой ореха да лишь отчасти хлебопашеством. И потом и расстояние до центральной усадьбы оказалось не ближним. И решили в райцентре переселить вагинцев в Сполошный поближе к главному производству, поближе к строящимся фермам и скотным дворам.

Как ни противились тогда коренные таежники такому повороту, как ни уговаривали начальство не делать этого, толкуя о том, что и места здесь богатые, благодатные, еще прапрадедами-землепроходцами триста лет назад облюбованные, и что не дело крестьянина, как какой-нибудь куст смородины, пересаживать с места на место, и что вообще грешно родное гнездо оставлять на разор и забвение, — ничего не вышло.

Хоть и с проволочками да оттяжками, а подались один за другим мужички из Вагино, подбадривая себя поговоркой, что не век-де жить в лесу, молясь колесу.

В Сполошном и магазины, как в городе, и клуб с широким экраном, и школа-десятилетка, и ясли, и работа рядом, и дома не осинником колотым — тонким шифером крытые.

Так-то оно, может, и так, а все же смертную тоску пережил тогда Евсей Кузьмич, видя, как на глазах пустеет родная деревня. И кто знает, авось с отчаяния и он бы подался вместе со всеми, да случилось так, что Вагино не совсем разорили, решили сделать заимку. А на заимке, понятно, хозяину положено быть.

С радостью принял Евсей Кузьмич предложение директора совхоза остаться за сторожа в Вагино.

И вот — живет.

Утром ему стало легче.

Он оделся и вышел на улицу.

От барака за деревню тянулись по белому снегу две свежие «нитки» — след лесхозовской машины.

«Уехали», — отметил Евсей Кузьмич и медленно побрел на Демидов угор.

— Вот так вот, — сказал он, опускаясь на поваленный кедр и поглаживая его шероховатый ствол ладонью. — Ждал спасителей, а пригрел разорителей. Да ведь без Демидова кедра мне еще тошнее будет теперича. И после всех их выкрутасов тоже... Господи! Ну пусть мужики не здешние, им все равно. А ведь Петра Феофаных наш, вагинский. Батяка его здесь колхоз зачинал...

Евсей Кузьмич поднялся. Увязая в снегу, обошел поваленный кедр вокруг, заметил шишку, сорвал, положил в нагрудный карман.

— Все, — сказал, наклоняясь над кедром. — Больше ты уж не вырастишь шишек. Не бросишь на землю свое могучее семя. Скоро и я вот... как ты... упаду.

Время тянулось длиною паутиной.

Прошло три недели. Четвертая началась.

В Вагино давно стояла зима. Евсей Кузьмич стал прибаливать чаще и чаще. Не помогал ни настой пустырника, ни отвар из боярки, ни другие лесные снадобья.

Иногда он по целому дню, а то и по два подряд ничего не варил, не топил печь. Лежал на холодной кровати, укрывшись полушубком поверх одеяла, и смотрел в потолок.

С каждым днем все неотступней и неотступней начинала его терзать зябкая мысль: а правильно ли он жил в последние годы, не совершил ли он какой-то жестокой ошибки, как тот командир, у которого вся рота не в ногу, а он один в ногу.

Евсей Кузьмич отгонял эту мысль, кряхтя и охая, поднимался с кровати, выходил на улицу. А тут, хоть и не хотел он того, голова его сама собой

поворачивалась в сторону Демидова угора, и, глядя на поваленный кедр, он вздрагивал и хватался за сердце

«А что будет со мной, если я в одночасье умру? — подумал он как-то. — Тоже, как этот кедр, буду лежать, пока не истлею? Ну, конечно. Ведь до весны сюда никто не придет».

Это неожиданное откровение пронзило его и, еще не осознавая до конца всю его глубинную суть, он сказал:

—Уходить надо. Уходить отсюда, пока не поздно.

В первый миг он испугался этих дерзких, неприемлемых для себя, слов, но чем больше проходило дней, чем он чаще болел, — убеждался в том, что да, иначе нельзя.

И настал тот час, когда Евсей Кузьмич безо всяких сомнений решил:

—Пойду!

...Побледнев, старик опустил голову и тихо-тихо направился к кладбищу, что маячило крестами у берега Шилки, в правом углу Монастырского бора.

Он остановился у занесенных снегом могил, осторожно стряхнул рукавицей с Дашиного креста хвоинки, сухие прутики, сорвал гроздь побуревшей рябины, положил на холмик. Потом снял шапку и поясно поклонился.

—Прости меня, Дарьюшка, — прошептал. — Простите вы, родные и земляки, за то, что вот покидаю вас, ухожу куда-то с земли нашей. Горько мне оставлять вас одних. Но и иначе не могу. Ох, не могу. Страшно! Ить умру — глаза некому закрыть будет...

Он надел шапку, повернулся и, стараясь не скрипеть лыжами, понуро и виновато побрел прочь.

Дорогу, по которой четыре недели тому назад возили лес, давно замело, и Евсей Кузьмич решил идти в Сполошный не по ней, а напрямую, через Лебединую гриву, а после через Ерзовские пихтачи и Мурзакины пади.

Крепко подмораживало.

Стояло безветрие, и на белесом дымчатом небе, вроде, не было туч, но падал снег, блестящий и редкий, как изморозь.

Лес кутался в пушистый иней, и весь мир был молочно-белым, туманным и неподвижным.

Евсей Кузьмич шел не спеша, сберегая силы на все сорок верст, которые, как ни крути, а придется брать в один день, иначе околеешь ночью в знобкой тайге.

Он шел и представлял, как поздно вечером, усталый, увидит огни Сполошного, как постучится в домик Мансура и ему откроют, как удивится Шайхула и будет расспрашивать обо всем и радоваться тому, что друг тоже решился наконец на нелегкое, но необходимое дело с переездом, и теперь они будут жить рядом, как в прежние годы.

Размышляя так, Евсей Кузьмич и не заметил, как взял Астахов подъем, как миновал густое мелколесье вдоль склона, как вышел на Лебединую гриву, где когда-то с Анатолием они любовались молодым березняком и подростками-соснами, и вдруг остановился, охнул и стал медленно опускаться на снег.

Впереди, насколько хватал взгляд, тянулась голая поляна, и на ней, как расставленные для игры в городки, торчали из-под снега ровными рядами пеньки.

Березняков не было.

Не было и юных, только набиравших силу, золотисто-зеленых сосенок...

Вокруг — тишина. Жуткая, мертвая, которую уже никогда не разбудит сладкий, как музыка, шелест берез.

Евсей Кузьмич не выдержал и как тогда, в Монастырском бору, заплакал. Заплакал безутешно и горько.

Его душила обида, и собственная беспомощность колотила и терзала его.

Как он проглядел, как? Как он мог поверить в болтовню о Синей мочажине и Шорском увале? Ведь с самого начала увидел он, почувствовал в Петре Феофаныче что-то нехорошее, хищное. О таких даже поговорка бытует: «Называет другом — а обирает кругом».

И в самом деле обобрал. Начисто обобрал.

А он-то, он-то! Как дурачок попервости носился возле него, расстилался половиком.

Словам Анатолия не внял. Ведь сказал Анатолий: следи! Правда, туманно, намеком сказал, но разве мог он загодя что-то предвидеть? И разве у него, Евсея Кондратьевнча, старого таежника, самого недоставало чутья, чтобы сразу понять, какие ребятки «в гости» приехали и зачем.

Что ж, так ему и надо, простофиле!

Но если бы только ему... Он-то, может быть, еще найдет в себе силы встать. Но никогда больше не встанет и не зашевелит на ветру ветвями могучий Демидов кедр, не поднимется на Лебединой гриве белоствольный березняк, не порадует красотой, не вспыхнет золотом стройный сосняк.

Никогда! А Коровин будет орудовать в другом месте. Так же, как здесь. Проворно и быстро...

— Будет?! — вскричал Евсей Кузьмич, представив на миг, как где-то сейчас с ляганьем впиаются в дерево топоры и валятся вместо осин сосны, молодые березки. — Будет?! Нет уж, друг ситный, хватит! Не дам, не позволю!

Недавнее отчаяние сменилось чувством гнева, негодования.

Старик встал.

Только бы хватило сил после такого удара дойти до Сполошного! Там — друзья, которые приютят, обогреют. И он отдохнет, наберется сил. А потом поедет в Таланск, к Анатолию.

«Если захочешь увидеться, — говорил Анатолий, — в любой час буду рад встретить. Нужда какая постигнет — помогу, не оставлю».

Он знал, что говорил. Знал — Анатолий справедливый и честный человек. И потому будет верным товарищем в деле.

Они вместе пойдут куда следует и расскажут, что творит Коровин в тайге, и добьются, чтобы он получил по заслугам.

Не может такой человек спокойно «разгуливать» по тайге! И лес оставаться беззащитным тоже не может!

Так случилось, что только он, старый Евсей Кондратьев, оказался очевидцем лесного разбоя. И чтобы там ни случилось, он обязан, обязан поведать об этом людям. Иначе он до конца своих дней будет ненавидеть себя.

Старик укрепил лыжи, поправил котомку и быстро заскользил по снегу, чуть забирая вправо. Туда, где далеко-далеко, за дремучими борами, стоял на бойком тракте поселок Сполошный.

С деревьев по-прежнему сыпалась изморозь.

Лес стоял безмолвный и настороженный.

Николай Волокитин РЫБАЧОК

Дни стояли на редкость яркие, чистые, а ночи были лунные, звездные, и полноводная июньская Обь то играла на солнце тысячесветными бликами, то отливала ровным золотисто-червонным светом.

На небольшом катерке областного управления культуры мы шли, преодолевая почти тысячекилометровый путь, – от старинного студенческого города Томска до совсем еще юного, только что возведенного города нефтяников Стрежевого. Не торопились. Командировка была с заездами в прибрежные поселки и села, с выступлениями в клубах перед рабочими и колхозниками, и потому однажды после утомительной ночной вахты капитан наш Владимир Хасанович Сейфулин решил причалить к какому-то поглянувшемуся ему берегу, чтобы часик-другой отдохнуть.

Было раннее утро. Друзья мои еще спали в каютах, а я решил выйти на берег. Берег был невысоким, метра три — три с половиной, но крутой, обрывистый, с глинистым яром, начинавшимся сразу же от небольшого песчаного откоса, к которому притулился катер, и я порядком помучился и порядком испачкался в глине, прежде чем поднялся наверх. Зато когда поднялся и огляделся, не пожалел.

Передо мной простиралась огромная, без конца-краю, пойменная обская равнина, заросшая густыми, сочными травами и цветами. Только кое-где на зеленом фоне небольшими заплатками голубели озера, да бугрились пышными, округлыми островками заросли темнолистных раkitников и черемушников. Луговина уходила в такую бесконечную даль, что горизонта как такового в алой утренней дымке просто не было видно. Тонко пахло кипреем, душицей, почему-то илом и вечной спутницей нарымских лугов – медвяной таволгой вязолистой.

Обжигая ноги студенкой росой, я тихо побрел вдоль яра, и тут метрах в ста от катера, за мысом, увидел овраг. На дне оврага клокотал ручеек, а возле его устья, у самой обской воды, на перевернутом чурбачке-плавнике сидел человек. По двум удилищам, воткнутым в глину, по котелку, стоявшему справа от человека, я догадался, что это рыбак, а по тощенькой хрупкой фигурке, по льяным волосам – что этот рыбак-рыбачок еще совсем молодой. Но откуда он здесь? Ведь вокруг, насколько хватал глаз, не то что деревни, одинокого домишки не видно.

Заинтересованный, я спустился к воде. За удочками и в самом деле сидел мальчишка лет двенадцати, от силы тринадцати.

– Здравствуй, – поздоровался я.

– Здравствуйте, – ответил он, обернувшись. На меня смотрели большие, внимательные, небесного цвета глаза. Очень спокойно, без удивления, лишь с едва уловимым любопытством. – С катера, да?

– С катера. А ты все рыбачишь?

– Рыбачу, – мальчишка искоса кинул взор на дремлющие поплавки и снова все внимание на меня: дескать, ну, а что дальше?

Я почувствовал себя как-то неловко, будто ненароком вошел в чужую квартиру, и теперь не знал, что мне делать. Почему-то я всегда стесняюсь детей, их внимательных, чистых и мудрых глаз. Кажется, они пронизывают насквозь, чего-то ждут от тебя: взрослого, значительного, серьезного, а оно не выходит. И потому в душе наступает смятение...

– Можно с тобой порыбачить? – спросил я вдруг, чтобы как-то сгладить свою неловкость. У нас на катере была удочка, которую мы прихватили в Томске и которую, откровенно сказать, ни разу еще не разматывали.

Мальчишка лишь пожал плечами, как бы говоря: рыбачь, мне-то что, вольному воля, а дорога, то есть река – общая.

Я повернулся и побежал по откосу оврага вверх, в сторону катера.

Или моя фабричная удочка – бамбуковое удилище с леской, тонкой и прозрачной, – оказалась удачливей мальчишкиных самоделок, или прихваченные с катера черви, порядком уже приморенные, были вкуснее, только клевало у меня гораздо бойчей, чем у маленького напарника. В течение нескольких минут я вытащил трех плотвичек, или по-нарымски чебаков, одного ельчика и двух окуней. Рыба была мне не нужна, и я кидал ее в мальчишкин вместительный котелок, чему мальчишка нимало не удивлялся. Только однажды, когда я снял с крючка уж слишком мелкого чебака и хотел поместить в котелок, мальчишка молча взял у меня из рук рыбку и опустил в речку.

Вскоре общими усилиями мы нарыбачили почти полпосудины.

Ничто так быстро не сблизает людей, как общее дело, и вскоре мы чувствовали друг друга своими людьми, хотя в течение получаса и не проронили ни слова, сосредоточив свое внимание на поплавках.

Когда солнце поднялось выше и клевать стало хуже, я сказал, вынимая из кармана сигареты:

– Ну вот, можно и перекурить. И познакомиться по-людски. Меня зовут Николай Иванович или дядя Коля. А тебя как?

– Меня Гриша, – ответил мальчишка.

– Слушай, Гриша, а здесь что, где-то есть село?

– Ну! – шмыгнул он носом. – Село отсюда аж в тридцати километрах.

– И ты оттуда пришел?

– Зачем оттуда? Я здесь все лето живу. Вон там, – махнул он рукой куда-то вдоль берега. – За топольником. У нас тут летний лагерь совхозный.

– Пионерский, что ли?

– Совхозный! – Гришины губы тронула едва заметная усмешка. — Летний лагерь крупного рогатого скота. Мы здесь коров пасем. С дядей Федей, дядей Степой и Емельяном Степановичем.

Я осекся. Только теперь я заметил, что Гриша одет не ахти как богато. Огромный потертый брезентовый плащ явно с чужого плеча, хлопчатобумажные брюки, резиновые сапоги, размера на четыре больше, чем нужно... Почему-то вдруг нахлынуло прошлое. Вспомнилось послевоенное безотцовское детство, когда с четырнадцати лет мне пришлось идти работать на лесопильный завод, а по выходным — в тайгу за ягодой, за орехами, чтобы потом продать на базаре и как-то подсобить матери, у которой нас было трое. Может, и у этого мальчика такое.

– Гриша, – спросил я, – а у тебя отец есть?

– Есть.

– А где он работает?

– Управляющим отделения, – не без гордости ответил мальчишка.

А мама?

– Мама — бухгалтером.

Я не понимал ничего.

– Кто же тебя в пастухи направил? За какие провинности?

– А меня никто не отправлял. Я сам.

– Как – сам?

– Да так. Поговорил с папкой. – Лицо у Гриши стало значительным. – И – вот сюда.

– На все лето?

– Конечно.

– И тебя не тянет домой, в село?

– А чего – там в селе-то? Зимой – дело другое, школа. А летом скука одна.

Гриша замолчал, долго задумчиво смотрел на поплавки, на реку, потом спросил:

– А у вас часы есть? Сколько времени?

– Половина восьмого.

– Ого! – Гриша заторопился, стал торопливо сматывать удочки. – Совсем я запозднил. Заждались, наверно, меня напарники (он и сказал солидно, повзрослому: напарники). Уху варить надо. Коров гнать в Лебяжью забоку, – и, попрощавшись, стал торопливо подниматься по откосу на яр.

Иван Пантелеев

ЖИВЫЕ АРКИ

Рассказ

Мы, я и Володя, — завзятые таежники. Так мы сами высокопарно называем себя. А на самом деле мы — обыкновенные горожане, вырвавшиеся из духоты каменных улиц на приволье природы.

Мой друг Володя — шофер. Одиннадцать месяцев в году он самозабвенно

крутит тяжелую баранку чешского рефрижератора, гордо именуя себя пражистом, и один месяц вместе со мной скитается по Агулу.

На Агуле мы ловим хариусов и ленков, бывает, сражаемся с пудовыми тайменями, иногда углубляемся в прибрежную тайгу пострелять рябчиков на обед или ужин, вдыхаем жадной грудью густо настоенный на всех ароматах леса воздух и напрочь забываем о городе.

Агульские охотники-промысловики — наши давнишние знакомцы, они гостеприимно предоставляют нам под жилье свои таежные избушки, разбросанные по всему Агулу километрах в шести-восьми одна от другой.

Хозяин нашей избушки был еще дома, в деревне, обещался приехать рыбачить позднее, когда настанет пора глухих безлунных ночей. А пока мы жили одни и на одиночество не жаловались.

Нам везло: полмесяца день в день держалась вполне приличная погода, правда, нет-нет да и пробрасывались неустойчивые дожди, но большей частью ночью,— нам они не мешали. Потом...

С утра еще светило солнце, но какое-то ненастоящее — в косматом тумане. Ближе к вечеру с верховьев, от Черного плеса, показалась хмара во весь горизонт, и к закату небо плотно укрылось рваным рядом серых туч. Незаметно подкрался не крепкий, но хиузистый сивер.

Мы промерзли на реке и в избушку вернулись рано. Разомлевши в тепле, сетовали на некстати испортившуюся погоду, как вдруг Володя насторожился:

Слышишь?

Я ничего не слышал.

Гуси, — почему-то шепотом произнес он и открыл дверь.

Вот теперь и я услышал печальные гусиные переделки.

Гуси летели нестройным клином чуть ли не у самых туч, едва различимые в сумеречном небе. Я вспомнил народную примету: если гуси летят высоко, значит, осень будет долгой и теплой.

Володя поежился от холода:

Я другое слышал: гуси летят — снег на хвосте несут.

Долго еще, до самой полуночи, тоскливо стучались к нам в избушку надрывные клики гусей, обреченных на извечную необходимость каждую осень покидать отчую землю, спешить к чужому теплу...

Весь следующий день над Агулом висело сырое тучное небо, готовое вот-вот разродиться дождем или снегом. Сивер улегся. Заметно потеплело. Природа выжидательно замерла...

В мутных сумерках повалил снег.

Наутро тайгу было не узнать, кругом — белым-бело. С неба нескончаемо тянулась лохматая белая завеса. Вязкая снежная тишина поначалу оглушила меня. Понемногу я освился, и мне почудилось тихое шуршание. Тишина шуршала! Я не сразу понял, в чем дело. Оказывается, это снежинки сползали с остывших, не успевших опасть листьев берез и шуршали.

А снежная завеса все тянулась и тянулась, казалось, пухлые невесомые снежинки, родившиеся в высоком холодном небе, изо всех сил своих стараются подольше покружиться в воздухе и хоть так продлить свою коротенькую жизнь, ведь на земле они сольются друг с другом и перестанут быть снежинками, станут снегом.

Неподалеку на одной из лиственниц-сухостоин застучал неугомонный трудяг-дятел, и в этом белесом снежном кружеве стук его отдался неожиданно отчетливо и гулко.

Ну и красотища же! — не утерпел Володя и восторженно забурил в снежную целину, зачерпнул пригоршнями большой липкий ком и в избытке чувств хотел запустить в меня, но не запустил, приложил палец к губам:

Чш... Смотри-ка...

Ниже избушки, напротив лесистого осередыша, посреди переката стояла горбоносая ушастая лосиха.

Мы замерли на месте. Еще бы! Такое зрелище давно стало редкостью на Агуле.

Лосиха была вся белая от снега и как-то непривычно смотрелась на реке об эту пору. Не собиралась же она купаться... А может, она хотела перейти на осередыш, да заметила что-то подозрительное и остановилась? Не похоже. Она стояла спокойно и как будто даже задумчиво. Или она, как и мы, тоже удивилась и обрадовалась первому снегу и теперь вот наслаждается им? Видно, у животных, как и у людей, бывают свои странности...

Она стояла долго и, наверное, стояла б еще дольше, да Володя, выскочивший наружу в одной рубашке, порядком озяб, поэтому сунул пальцы в рот и озорно, по-мальчишечьи, свистнул. Лосиха дрогнула, на миг будто присела и, круто развернувшись, кинулась к берегу. До нас еще только долетел стук ее мощных копыт по камням, а сама она уже скрылась в чахлах кустах прибрежного болота.

Снег не переставал весь день и, судя по всему, не собирался переставать и дальше.

А ночью меня разбудил выстрел. Я поднял голову:

— Володя, ты спишь?

— Нет. Я слышал — стреляет кто-то, — отозвался он и высказал предположение:—Может, заблудился кто?

— Может. Только навряд ли. Вон опять.

На этот раз выстрел грохнул совсем близко от избушки и в другой стороне и грохнул как-то не так, как следовало грохнуть выстрелу, а с шарканьем и скрипом. И тогда пришла догадка: никакой это не выстрел, это снег ломает сучья деревьев.

— Он работает, — подтвердил Володя, повернулся на другой бок и скоро затих, кажется, заснул.

Приподнявшись на локтях, я глянул в ночное окошко, там, в окошке, по-прежнему нескончаемо струился снег, струился тихо и умиротворенно.

Я давно заметил за собой такую особенность: в тайге — в палатке ли, в избушке или у костра под распахнутым небом — я засыпаю быстро, сплю

крепко и чутко, привычный таежный шум не тревожит меня понапрасну; но стоит лишь где-нибудь за поворотом реки застрекотать мотору, послышаться посторонним шагам, как я тут же вскакиваю. Наверно, в это время во мне бодрствует мой далекий первобытный предок, которому постоянно, даже во сне, приходилось быть настороже, чтобы успеть предупредить нападение зверя.

Вот и сейчас, засыпая, я услышал раскатистый «выстрел», потом еще и еще и больше их уже не слышал — «выстрелы» стали для меня неотъемлемой частью привычного таежного шума.

Три дня и три ночи почти без перерыва валил снег. Мы изнывали от безделья в избушке, и нам казалось: он никогда не кончится. Ни я, ни Володя не помнили, чтоб когда-нибудь в сентябре случалось такое.

Наконец все-таки настало чистое утро; неторопливое солнце, омытое снегопадом, совсем не по-осеннему, буйно засияло в голубом небе. Обновленная, неузнаваемая тайга недвижно, как бы любясь собою, замерла в девственной снежности, деревья, будто в новогодье, щедро обвешались искристой кухтой. Радостным щебетанием заливались невидимые птицы; с вершины лиственницы о чем-то сварливо-весело кричала кедровка; бесшумно мелькнула кукша, прилепилась к обвисшей сосновой ветке и, обронив клочок снега, с вороватым любопытством разглядывала нас. Необузданный Агул, насквозь просвеченный солнцем, сверкал торжественный меж празднично убранных снегом берегов.

Все кругом: и студеный Агул, и чуткий лес, и все-все живое во всей тайге радовалось солнцу, первому снегу, жизни.

И тут я увидел березу. Она была тонкая и стройная и, как все березы в лесу, неутомимо тянулась вверх, к свету, к жизни. Она была, а теперь ее не было. Под тяжестью невесомых снежинок она погнулась долу, превратилась в березовую арку. Живую арку!

Безжалостные снежинки расправились не только с ней одной. По берегам, куда ни глянь, навевая грусть, застыли в глубоком земном поклоне печальные в своей беззащитности березы, трогательно украшенные поверху короной снега.

Первый снег, что первая любовь: обязательно растает и запомнится. Вскоре он растаял. Только березы уже не выпрямились. Они так и остались живыми арками в тайге — как память о том первом снеге...

Иван Пантелеев
ЧУЖОЙ

Глава 1

У Леньки умерла мама.

Весть о беде облетела всю Заиху. И потекли в дом люди. Входили осторожно, на цыпочках, переговаривались вполголоса и шепотом, словно боялись разбудить покойницу. Бабы горестно вздыхали, блаженно вытирали слезы платком. Уже под вечер подкатил грузовик. Кто-то из мужиков услужливо растворил скрипучие створки ворот. Шофер упреждающе посигналил и неловко спятил машину в тесную ограду, к крыльцу. Маму завернули в старое байковое одеяло, как дрова погрузили в пустой кузов — только голова мертво стукнула. ...

...Леньке было плохо. С утра его познабливало, он перемогался, надеялся — пройдет, как уже не раз проходило; обычно в таких случаях мама совала ему горькую таблетку, выпаивала кружку горячего чая с малиновым вареньем или тягучим душистым медом и, уложив в постель, укутывала одеялом, чтоб пропотел и выздоровел. Он потел; и выздоравливал. Но мамы теперь нету и никогда не будет... Забившись в угол поднавеса, Ленька обреченно плакал, плакал долго и горько, до икоты и, лишь обессилев вконец, затих, съёжившись в комок, ему было то жарко, то знобко, он стискивал зубы и терпел.

Уже в сумерках отыскал его младший братишка Витька... Ночью навалились кошмары: какие-то человеко-звероподобные существа с огромными пустыми глазами тянули к нему злые крючковатые пальцы с хищными когтями и всякий раз, когда они хотели стиснуть ему горло, откуда-то сбоку доносился мертвый стук маминой головы, и он просыпался... Назавтра он не встал с постели. Было воскресенье, выходной, и Витька сбегал за фельдшерницей Саяной Петровной домой. Пока она осматривала, слушивала, ощупывала больное Ленькино тело, отчим безучастно заполнял собой проем открытой двери. Он или не протрезвел еще со вчерашнего или уже успел похмелиться — красные глазки его пьяно пучились на оплывшей, в серой щетине, носатой физиономии.

— Все ясно,— маленькая, аккуратная Саяна Петровна недоуменно оглядела неопрятную мешковатую фигуру отчима, словно удивилась его присутствию.

— Мальчика надо немедленно в больницу.

Поехали... Автобус въехал в больничный двор. Леньку на каталке привезли в палату и уложили на больничную койку, над ним то и дело склонялись какие-то женщины в белых халатах, о чем-то озабоченно переговаривались. Среди женщин он заметил седого старика. Худущее — кости да кожа, в сплошной сетке глубоких морщин,— лицо его показалось ему знакомым, он силился вспомнить, кто он, и не вспомнил...

Глава 2

...Ему не доводилось лежать в больнице, о ней он знал понаслышке; со слов Петьки Широкова с Глухаринки; Петька был старше на целых два года и перешел в седьмой класс, он клялся-божился, что лежать в больнице здорово: в их палате стояло десять коек — десять мальчишек со всего района собралось — весело было, вот только кормежка плоховатая, но Петьке хватало, потому что к нему через день ездила бабушка и мать приезжала.

— Знать, оклемаешься, Леонтий, услышал он глуховатый старческий голос и увидел, давешнего старика, но теперь сразу узнал Андрея Леонтьевича Лопатина, деда Леонтьича, как звали его зайские ребятишки, узнал и подивился, что ему нужно здесь, в больнице.

— Оклемаешься, паря,— повторил старик, присаживаясь к нему на ребро железной койки, а Ленька догадался, что Леонтьич в одной с ним палате лежит, и подивился снова, чего ему делать в ребячьей компании? И еще раз подивился, углядев за дедовой спиной еще одного старика и еще... А где же мальчишки? Леонтьич, словно догадываясь о Ленькиных мыслях, сказал, посмеиваясь:

— Попал ты, паря, к дедам-бессердечникам на расправу — теперь держись, мы тебя быстро своим премудростям выучим, — и, понизив голос, спросил озабоченно: - Ну, как там у тебя, болит?

— Болит,— пошевелил обветренными губами Ленька.:— Голова кружится и силы нисколечко нету.

— А ты духом не падай, паря, не поддавайся хвори-то. Хворь, она сама ничем не отступится, ее прогнать надо. Да-да.— И закивал головой.— Ты, небось, оголодал совсем, ишь как выхудал — шкелет шкелетом. Одни волосья торчат. Погодь, тут мне Ефросинья Марковна, Фрося моя, варенья из черницы привезла. Я-то не охотник до вареньев.— Он весело подмигнул Леньке.— Мне больше по душе витамины на букву «цэ»: сальце, мясце, маслице.

От этой застарелой дедовой шутки Леньке стало как-то посвободнее, он даже попытался улыбнуться; вместо улыбки вышла неловкая гримаса. А Леонтьич шустро поднялся; Ленька не успел ничего сообразить, как он снова сидел возле него уже с поллитровой банкой варенья в одной руке и чайной ложкой в другой.

Не хочу я— стал было отказываться от угощенья Ленька, ему и в самом деле не хотелось ни варенья, ни чего другого.

— Это как так не хочешь, а?..— возмутился Леонтьич.— Да ты соображаешь, садовая твоя голова, что это свежая черница с сахаром. Моя Фрося перекручивает ее и так варенье в зиму делает, в ем все до единого витамина сохраняются. Черница это! Она от самой земли-матушки самые лучшие полезные соки в себя впитывает и людей от глаз, от живота, от всякой разной хвори лечит, а ты — не хочу... Ишь ты герой какой!.. Я те покажу, как со мной спорить!

—Хоть и старался Леонтьич придать своему голосу грозность, но чувствовалась в нем какая-то особая, щемящая душу человеческая мягкость, и Ленька не устоял, покорился. Дед помог ему поудобнее сесть на постели.

—Вот так потихоньку. Голова, поди, кружится, да ты не бойся — завсегда так при хвори. Ты лучше спробуй-ка.

Он зачерпнул из банки полную, с краями, чайную ложку варенья и поднес Леньке, и Ленька не оттолкнул дедову руку, не возмутился, что обходятся с ним, как с грудным малышом, покорно открыл навстречу ложке спекшийся рот; язык обдала необыкновенно душистая сладкая черничная прохлада и потекла внутрь, наливая ватное Ленькино нутро живительной упругостью. Ленька съел пять-шесть ложек варенья и, уставший, опустил тяжелую голову на подушку.

—Молодец,—похвалил Леонтыч.— Так и надо. Мы же с тобой навроде как свояки.

Ленька не понял: как это?

— А так. Ты — Леонтий, а я —Леонтыч, Чем не свояки, да еще оба хворые.

— Я не Леонтий, я — Леонид,— слабо возразил Ленька.

— Что Леонид, что Леонтий — всё одно свояки. Значтца, друг дружки должны держаться.

Ленька согласно кивнул. Видно, и в самом деле чудодейственным лекарством оказалось дедово черничное варенье, и с его помощью Ленькин молодой организм начал перебарывать болезнь. Уже на другой день ему получшело, он без посторонней помощи садился на постели. Перезнакомился со всеми в палате. Оказывается, в детском отделении не было свободных мест и Леньку временно поместили к дедам - сердечникам (Леонтыч в шутку говорил: «дедам-бессердечникам»), чтоб ему поспокойнее было и чтоб дедам, наверное, была забава. Палата маленькая — на четыре, койки. Справа у стены возле окна стояла Ленькина. Напротив лежал бывший совхозный агроном Сидор Назарович Шубин, «молодой старик», так про себя окрестил его Ленька; лицо у него было бледное, без морщин, темные, неопределенного цвета отрешенные глаза, а волосы белые, ну просто невозможно белые, как снег в ихней Зайской тайге зимой. Докторша не разрешала ему вставать с постели и потому, наверное, он был весь очень серьезный и важный, все время храпел, когда спал, и храпел, когда читал газету. Ленька удивлялся сперва, как это он ухитряется одновременно и читать и храпеть, а потом заметил: он только держал в руках газету, а сам спал и храпел. И еще: он был совершенно глухой, кто хотел с ним разговаривать, писал в его блокноте вопрос, а он отвечал вслух всегда резко, отрывисто, точно сердился.

Наискосок блестела вдавленная в плоскую больничную подушку серая макушка бритоголового старца. Через каждые три дня его навещал рослый красивый парень с чистыми длиннопалыми руками — его внук, студент, приносил в дипломате безопасную бритву и, усадив его возле щербатой раковины умывальника перед квадратным туманным зеркалом, густо намазывал ему круглую голову маленьким, будто игрушечным, помазком, и через пять минут чисто выбритый дряхлый дед сиял медным котелком и казался моложе своих восьмидесяти двух лет; он совсем плохо видел, ходил, выставив перед собой руку, чтоб ненароком не наткнуться на кого-нибудь или на что-нибудь, газеты читал с увесистой лупой в черной пластмассовой оправе. Звали его Федор Михайлович Пухов и был он, видать, когда-то большим

человеком; часто ни с того ни с сего он останавливался в узком проходе между койками и как по книжке все равно вещал загадочную фразу:

— Знаете ли вы, что... И выждав какое-то время, будто прислушиваясь к самому себе, с унылым видом, но с пафосом рассказывал или про знаменитого поэта Маяковского, с которым он якобы давно-давно, в годы своей молодости, встречался в Москве и слушал его выступления, или об одном итальянском артисте (Ленька не запомнил его фамилию), с которым свела его когда-то щедрая дорога жизни, или... Подобных встреч у него было хоть отбавляй, на воспоминания о них он не скупился. Говорил старец не очень складно, но Леньке было интересно, и он невольно проникался к нему уважением. Однако дружбы с ним у Леньки не сложилось.

Как-то старец по обыкновению остановился в проходе, начал не всегдашним своим вступлением «знаете ли вы», а, повернувшись в Ленькину сторону, с пафосом продекламировал:

— «Ничего не поделаешь, Ван Лин, мой мальчик, наша судьба такая»,— и, выдержав минутную паузу, торжественно возвестил.

— Это слова большого китайского поэта Эми Сяо. Запомни их, Леонид.

— А если я не хочу? — взъерошился Ленька. (Он уже вставал с постели и старался побольше ходить, чтоб, как говорил Леонтьевич, мышцы не заостенели.)

— Чего не хочешь? Запоминать? — явно уязвленный Ленькиной взъерошенностью, поинтересовался старец.

— И запоминать. И вообще про судьбу не хочу.

— А я вот на всю жизнь запомнил. Еще в учебнике сына вычитал. Ему тогда столько же лет было, сколько сейчас тебе, может, побольше на год. Прочитал и запомнил. В аккурат про тебя сказано.

— А я всё равно не хочу. Я все сам сделаю. И судьбу сделаю.

— Ты еще маленький...

— А маленький не человек, да?

— Ты, конечно, человек, но...

— Фёдор, не замай мальчонку,— строго вступил в разговор Леонтьич, — неча ему голову всякой всячиной забивать: время придет — сам разберется, что к чему.

Старец не ответил, еще раз пожал плечами, поддержнул сползающие с тощих бедер застиранные пижамные штаны и отошел, а Леонтьич ободряюще подмигнул Леньке:

— Не слухай ты его, старого, у него часом не все дома.

До вечера после этого не подавал голоса старец, обидчиво ворочался на скрипучей больничной койке.

Глава 3

Вселяли Леньку к дедам-сердечникам временно, а вышло —на постоянно: Леонтьич уговорил докторшу не переводить его в другую палату, оставить у них. Ленька и сам не хотел никуда переходить, тут ему жилось славно, за ним заботливо

ухаживали деды, подкармливали, даже глухой Шубин и тот всегда угощал его чем-нибудь вкусным, домашним. Два раза в неделю к дедам приезжали родные проведать о здоровье, привозили полные сумки незатейливой, но вкусной и сытной деревенской снеди, знали — на больничных харчах не нагуляешь жиру, какой есть — быстро спустишь.

К Леньке никто не приезжал. Некому приезжать. Отчим, небось, и думать забыл о нем. Да и кто он ему? Никто. Вот Витька ему сын, родной, его он жалеет и даже любит, наверное. Витька хоть и брат, а тоже не приедет — мал еще, один в больничном дворе заблудится. От таких невеселых мыслей Леньке становилось и вовсе невольно и впереди ничего веселого не маячило. Он подолгу лежал с закрытыми глазами, нет, не спал, думал, обо всем думал, вспоминал свое коротенькое прошлое, в котором бывало уже всякое — и хорошее, и плохое.

Отца он смутно помнил. Мама говорила, что отец его был высокий и красивый, темноволосый, с сахарными зубами. Ленька помнил, что он был высокий, а вот что красивый — не помнил, темных волос и сахарных зубов тоже не помнил, лицо его как-то стерлось в Ленькиной памяти, вот громкий голос не стерся, запомнился.

Стоило подумать об отце, как Ленька тут же, будто въяве, слышал его протяжный оклик: «А кто там хо-одит!», — от которого, если это было в избе — сыпалась с потолка известка, если в лесу — откликалось эхо, а если застигал Леньку в огороде, когда он крался к парниковой грядке, чтоб сорвать первый, только что народившийся огурец, то заставлял отдергивать протянутую к огурцу руку и невольно припадать к земле, а отец добродушно смеялся, брал и подкидывал его к себе да грудь, гудел над ухом заговорщицким шепотом:

— Мы его денька через два-три приголубим, когда подрастет. А сейчас он малюхонький, на раз укусить не хватит.

Леньке шел четвертый год, когда отца отвезли на кладбище и закопали в могилку, потому что он помер. Больше он никогда не приходил домой, не сажал Леньку на колени, не играл с ним. Ленька скучал по нему, приставал к маме с расспросами, мама гладила его по темным, как у отца, нечесаным вихрам, успокаивала, а сама почему-то хлюпала мокрым носом и ладошкой размазывала слезы по щекам.

Со временем Ленька всё понял, лишь одного не мог понять, почему человек живет-живет и помирает, и отчего одни помирают совсем молодые, даже ребятишки помирают, а другие живут долго-долго, до самой старости. Почему? Ленька так и не додумался — почему; он бы додумался, да жизнь кругом такая интересная; везде поспеть надо, не прозевать, за день так набегаешься, что вечером с трудом доберешься до постели и спишь крепко-крепко — самым страшным громом не разбудить. Где уж тут думать о чем-то непонятном!

С тех пор, как Ленька научился ходить и говорить и вообще что-то соображать, он совершенно точно знал, что у каждого человека бывает только один отец, но как-то мама привела домой Трофима Евстигнеева и сказала Леньке: — Трофим Иванович будет жить у нас. Он твой папа.

— Мой папа помер,— угрюмо ответил Ленька.

—Это твой второй папа.

— Два папы не бывает.

—Бывает...

Мама никогда не обманывала, потому что, она сама говорила, обманывать нехорошо, стыдно, а на этот раз Ленька засомневался в правдивости ее слов, но спорить с ней не стал. Он уже знал Евстигнеева, тот часто бывал у них вечерами. Когда он приходил, мама укладывала Леньку спать пораньше, наверное, чтоб не мешал им выпивать. Ему не хотелось спать, но маму надо слушаться. И он слушался. А потом Евстигнеев поселился у них насовсем. Утром мама и отчим уезжали на работу в лес, а Ленька отводил маленького Витьку в детсад и дальше делал, что хотел; летом, когда не надо ходить в школу, целыми днями пропадал на речке — ловил стеклянной банкой малявок, случалось, налавливал на целую жареху, сам чистил, чистить их — пустяковое дело: оторвал головку, вместе с ней вытянул скользкий комочек кишок - и готово; маме оставалось лишь помыть и высыпать их на горячую сковородку, залить яйцом и можно, даже без маргарина или масла жарить — такие они жирные, малявки, и едят их потом прямо с косточками — они только похрустывают на зубах, а вкусные — пальчики оближешь. В двенадцать часов мама с отчимом приезжала с нижнего склада на обед. К этому времени Ленька — кровь из носу — должен быть в столовой. Правда, если он опаздывал или, заигравшись, забывал про обед, а такое случалось довольно часто, мама просила повариху Нину Прокопьевну накормить его, так что голодным он не оставался, зато вечером редко обходилось без выволочки. На мамини шлепки Ленька не обижался — дело обычное, всем зайским мальчишкам достается от матерей, а чем он лучше?

Отчим сразу не поглянулся Леньке — угрюмый, неразговорчивый мужик, вечно пьяный или с похмелья. Брился он один раз в неделю субботним вечером после бани, а и понедельник успевал зарости жесткой серой щетиной, так что вид у него был не ахти какой привлекательный. На пасынка он не обращал внимания, для него он был пустым местом, а началось это давно — Витька еще пускал пузыри в качалке. Ленька что-то набедокурил (что именно, он уже позабыл), и отчим решил самолично проучить его, взялся за ремень, да не успел и глазом моргнуть, как Ленька выскочил в дверь, схватил увесистый камень и замахнулся на отчима:

—Как дам в глаз — будешь знать!..

Отчим оторопел и, как видно, не на шутку испугался Ленькиной угрозы и его воинственного вида, опустил ремень, плюнул в сердцах и ушел в дом. Мама в тот вечер больно отшлепала Леньку по мягкому месту. Ленька стиснул зубы и не обронил ни звука. Мама расплакалась и оттолкнула его от себя. Уже в постели он слышал, как она говорила отчиму:

—Трофим, ты мне на сына руку не подымай. Понял?

Отчим пробурчал в ответ что-то несвязное. Мама была с характером, умела настоять на своем...

....Санитарка Люся, краснощекая чернявая толстушка, вооруженная, будто копьем, «лентяйкой», ...стала звать его Ленчиком. Он и сердился и не сердился. Если по правде, не мог он на нее сердиться, ведь она прямо-таки шефство над ним взяла. Каждое утро, приходя на работу, обязательно приносила какой-нибудь

гостинец: или кулек дешевых сосательных карамелек, или печенье, или помидор. Однажды принесла полную, с верхом, литровую банку ярко-красной крупной виктории — он такой и в глаза никогда не видывал. Сказала:

—С бабушкиной грядки нарвала. Специально для тебя. Попробуй. Ты только не все сразу ешь, пополам раздели, а то живот заболит. Где уж там делить пополам, когда возьмешь ее в рот и зажмуришься от удовольствия — до того она сочная да сладкая эта ягода виктория; не заметил, как на дне банки одна, последняя, ягодка осталась, подумал и съел последнюю. Стал ждать, когда забурчит в животе. Не забурчало, обошлось.

Глава 7

И как он не догадался раньше? Ведь это же так просто, все равно, что перейти через дорогу или сорвать в огороде морковку. Да. да... Он сейчас пойдет в контору и потребует, чтоб начальник взял его на работу. А что? Ленька сам не раз слышал: и по телику показывали, и по радио передавали, и так все кругом говорят, что труд должен быть самым главным предметом в школе, трудовое воспитание называется. И правильно, что трудовое, а то у всех мальчишек одно баловство на уме. Вместо баловства работать надо, по-правдашнему. Это же здорово!...

Когда-то теперешний начальник участка Ефрем Евсеич и Ленькин отец были друзьями, об этом не раз говорила мама, да и сам! Ленька хоть и смутно, но помнил, дядя Ефрем приходил к ним домой, угощал конфетами. Тогда он был простым работягой — трактористом, а теперь вот самый главный человек во всей Заихе, теперь к нему, как ехидничают языкастые бабы, на вороных не подъедешь.

— А... Тебе чего здесь?..

— Я— Я...— начал заикаться Ленька.

— Пстой, пстой...—Белесые брови Ефрема Евсеича удивленно выгнулись.—Да никак Ленька-а?!—И неловко, совсем не по- взрослому, засуетился.— Что же ты... Проходи, садись... Усадил Леньку за приставной столик, приговаривая: - Надо же вырос как!.. Давно не видел, так не признал сперва, богатым будешь. Сел на свое место. От его пристального пытливого взгляда Ленька совсем смешался. —Ну, рассказывай про жизнь.

Ленька неопределенно пожал плечами.— Невесело, значит: Понятно... Однако духом падать не резон, не по-мужски это. Так я говорю? Что молчишь? Или язык проглотил?

— Не-е...- неуверенно протянул Ленька. - Я... Я... — И тут его будто кольнуло, он даже вскочил со стула: — Дяденька Ефрем, примите меня на работу! Я буду стараться, честное-пречестное слово!..

В ответ на страстную Ленькину тираду у Ефрема Евсеича как-то странно шевельнулись уголки губ, а в карих глазах мелькнул и тут же погас бесоватый огонек, и сам он почему-то сник, потускнел. Ленька опустил голову, смутно сознавая, что зря он сюда пришел, ничего у него с работой не выйдет, потому что этот взрослый человек, друг отца, не понял и, наверное, никогда не поймет, как одиноко Леньке на белом свете.

—Ты сиди, сиди,— кивнул Ефрем Евсеич.

Ленька сел, положив обветренные руки на обнаженную поверхность столешницы.

— М-мда-а...— наконец нарушил молчание Ефрем Евсеич.— Дела твои, прямо скажем,— табак. Отчим отказался от тебя, говорит, чужой ты ему. Так-то вот. Мы тут по-разному прикидывали, как быть с тобой... Придется в детдом определять.

— Не хочу в детдом,— упрямо насупился Ленька.

— А кто хочет? Другого-то выхода нет.

— Я работать хочу, чтоб деньги зарабатывать. Я сам...

— Сам?.. Чудак человек. Тебе учиться надо, чтоб человеком стать, а не деньги зарабатывать. Пенсию на тебя будут платить, на хлеб-соль хватит. Только кому платить? Ты мал. Опекун нужен. А где его взять? Родственников у тебя, оказывается, нету. Кто согласится на опекунство? Тут третьего дня дед Лопатин приходил. С палочкой. Шибко тебя жалеет. Только какой из него опекун—старый он, на ладан дышит, фельдшерица вон каждый день к нему ходит с уколами. А больше...— Ефрем Евсеич беспомощно развел руками:— Больше никто не хочет в опекуны. Чужой ты, говорят, своих ребятишек хватает.

«Чужой»... Второй раз уже слышал Ленька это холодное беспощадное слово и чувствовал, как все протестующе сжимается у него внутри.

Глава 12

В большой комнате горел свет. Отчим сидел за столом, вытянув перед собой сцепленные замком руки. Он был пьян, но, видать, не очень, по крайней мере, серое скуластое лицо его не вспухало нервными желваками и маленькие, глубоко запавшие глазки хоть и блестели, но не слезились и с кончика носа его не капало. До скрипа зубовного, как говаривала мама, он еще не дошел, но как знать...

—Ты где шляешься? — набылчился он на пасынка.

— Дедушка Леонтьич помер...— начал было Ленька, но отчим оборвал:

—Тебе-то что? Помер и помер, старый был, потому и помер. Все помер.— Неожиданно замолчал, потом примирительнее:

— Тут я кой-какие твои вещички собрал,— ткнул в лежащий на стуле рюкзак,— остальные сам собирай, как знаешь. Завтра в детдом поедешь.

Ленька давно ждал, когда он заговорит о детдоме и мысленно заготовил ему ответ, но сейчас сообщение отчима так неожиданно свалилось на него, что он на какое-то время растерянно онемел.

—Не поеду в детдом,—ответил он наконец и сам удивился, как неуверенно, извинительно у него вышло и, досадуя на себя за свою невольную робость перед этим чужим ему пьяным человеком, добавил с надрывом и болью в голосе: — Не поеду и все!.. Сказал и сразу полегчало, будто сбросил с себя ненужный груз, теперь он ничего не боялся, что будет, то и будет. У отчима отвисла нижняя челюсть, пьяные глазки вспучились:

— К-как не поедешь?..

— Не поеду, и все,—уже дерзко повторил Ленька, и теперь в голосе его была твердая решимость. Отчим тяжело поднялся над столом.

— Как не поедешь? Да кто тебе позволит не поехать! Ты что, думаешь на шее моей сидеть?!

— Никто на вашей шее сидеть не собирается,— Совершенно осмелел Ленька.— Я буду жить один. Без вас обойдусь. — И где же ты жить собираешься?

— Дома.

— Дома?

— А где же? Не на улице же.

—Та-ак... Значит, та-ак... А ты у меня спросил, хочу я с тобой жить или нет?

—И спрашивать не буду Из своего дома я никуда не пойду.

— Твой дом?! Да я тебе покажу такой дом, что век помнить будешь!.. Во-он!!!
Во-он, говорю!..

— Никуда я не уйду. Сами уходите! И тогда...

Миг, и Ленька прямо перед собой увидел злой, воняющий сивушным смрадом перекошенный рот отчима и почувствовал, как туго сжался на шее воротник рубашки.

— Не трогайте меня! — рванулся от него Ленька.

— Я тебе не трону!..— зловеще скрипнул зубами отчим, и в следующий миг на незащищенное Ленькино лицо обрушился тяжеленный кулак, вырвав из Леньки пронзительный вскрик боли.

— Я тебе не трону, не трону,— в такт ударам повторял отчим и, как ни вырывался Ленька, выволок его на крыльцо.— Я тебе не трону! — С силой швырнул с крыльца на землю и захлопнул, уходя; дверь, а немного погодя она опять открылась и из нее вылетел Ленькин рюкзак. Дверь снова захлопнулась, на этот раз в сенях стукнул засов и донеслась грязная ругань отчима.

Леньку никогда так не били. Случалось, дрался с мальчишками, ему навесят фонарей под глазами, нос расквасят, и сам он в долгу не оставался, или мама редко, но, случалось, больно отстегает прутом или надерет уши, и если, случалось, размазывал слезы по щекам, то не от боли, а от обиды. От боли он никогда не плакал. Сейчас он плакал от острой, стиснувшей грудь обиды и от боли тоже. Боль обжимала лицо, саднило в затылке, от парного привкуса крови во рту его чуть не стошнило, он сплевывал ее тягучие сгустки и вместе с ними выплюнул выбитый зуб, в голове звенело, тупо ныл левый бок. Ленька плакал. Он был ребенок, он плакал от боли, от обиды и от жалости к самому себе, плакал тихо, по-щенячьи скуля. Он больше ничего не мог. Он старался не плакать и не мог перестать, слезы сами текли из глаз и от этого, наверное, боль постепенно унималась. Ночь уже совсем загустела; в высоком небе перемигивались чужие равнодушные звезды. И холодно Леньке сделалось, ой, как холодно сделалось.

Он перестал плакать, пожегился; с трудом, пересиливая боль в левом боку, поднялся с земли. Огляделся. В двух шагах от себя увидел рюкзак, и пронзила догадка: отчим не просто избил и вышвырнул его за дверь, он вышвырнул его из его же дома. Насовсем вышвырнул! Это настолько поразило Леньку, что внутри у него сперва будто что-то оборвалось, даже боль в боку замерла, а потом его бросило в жар. Он чуть было не кинулся на крыльцо, чтобы изо всей силы стучать в дверь, кричать, требовать, но резкая боль в боку напомнила о себе, и он остался на месте,

с грустью подумал, что с пьяным отчимом лучше не связываться. Он подождет до завтра, когда тот проспится... Хорошо, что сейчас лето. Правда, ночами уже свежо, но на сеновале осталось немного прошлогоднего сена, можно зарыться в него и проспать до утра. Ленька поднял рюкзак и тут вспомнил про баню. Лучшего места для ночевки не сыскать! К счастью, баня оказалась незапертой, Ленька сам позабыл ее замкнуть, оставленный им замок так и лежал на столике у банного окошка рядом с коробкой спичек. Ленька завесил окошко половинкой старого байкового одеяла, чтоб электрический свет, не пробивался наружу. Закрючил дверь. В углу предбанника нашел тяжелый гвоздодер, приставил его к дверному косяку — чтоб был под руками, на случай, если отчим вздумает искать его здесь. Уж сюда он его ни за что не пустит и бить себя не позволит. ..

... Ленька какое-то время лежал неподвижно, прислушиваясь к тишине, кажется — ничего подозрительного. Рукой потрогал ушибленный бок — боль тупо отозвалась, но не так сильно — можно терпеть, зато левый глаз и щека опухли, превратились в сплошную лепеху. По личному опыту он знал, опухоль скоро сойдет, вместо нее расцветут радужные синяки. Синяки так синяки... Ленька слез с полка, откинул одеяло с окошка — всплеснул яркий солнечный свет. Ничего себе, поспал называется, отчим, небось, уже давно на работе. Так и есть!.. На двери висел замок. Это, пожалуй, к лучшему. Надо умыться и сходить в контору к начальнику. Ключа над дверью не оказалось. Может, он в другое место положил? Ключа нигде не было. Выходит... Выходит, отчим, вправду выгнал его из дому... Говорят же, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

...Ленька не заплакал от обиды, все обидные слезы он выплакал вчера. Он крепко стиснул зубы, сжал кулаки. Он еще сам не знал, что будет дальше, но уже сорвался с места, принес из сеновала охапку сена, засунул его под крыльцо, сбегал в баню за спичками. Спички ломались, никак не хотели загораться. Он до крови закусил распухшую губу. Наконец спичка вспыхнула. Он увидел ее нежный ласковый огонек; и что-то дрогнуло в нем, он испуганно отстранился от огонька и тот, сжавшись, юркнул в сено и засветился там робким розовым язычком. Ничего не понимая, Ленька, холодея, глядел на него, и до сознания постепенно доходило... Пожар, сейчас будет пожар!.. Как бы подтверждая это, розовый, язычок вскинулся вверх и по-змеиному: зашипел. Ленька в ужасе отпрянул от него. А язычок уже стал свободным огнем и, разрастаясь, прильнул к ступенькам. Ленька схватил стоящую у сеней лопату и начал шуровать ею, стараясь вытащить горящее сено из-под крыльца, оно никак не вытаскивалось, разгоралось все Злее, нахальнее, а тут как на грех лопата застряла между ступеньками. Пока выдергивал ее, пламя через щели выбилось наружу и жадно набросилось на коричневый от солнечного загара тесовый бок сеней. Ленька изо всех сил лупил по огню лопатой, а он, будто издеваясь над ним, приплясывал, неумолимо разрастался и, наконец, добрался до козырька крыши сеней. В отчаянья Ленька бросил лопату, сорвал с себя рубашку и принялся хлестать ею огонь. Рубашка вспыхнула. Раздался панический женский вопль:

— Пожа-ар!.. Гори-им!.. Кричала тетка Минаиха...

На глаза попало пустое ведро. Вода! У калитки же два полных бака воды — Гришка Сережкин вчера налил. Ленька схватил ведро. Он бегом таскал воду из

баков, с разбегу плескал из ведра на огонь, огонь по-гадючьи шипел, обнажал обуглившееся дерево и, шумно вздохнув паром, принимался пластать с новой силой. Вокруг уже суетились люди, что-то делали, размахивали руками, кричали; оттеснили Леньку. Он видел, как рухнула крыша и вверх густо сыпанули искры...

...Он одиноко стоял в окружении людей; люди ахали, охали, удивлялись, узнав в полуголом отрепыше в саже и волдырях с опаленными спутанными волосами и опухшим лицом своего, зайского мальчишку Леньку Сизова. О чем-то спрашивали, смысл вопросов не достигал его, у него кружилась голова, он с трудом держался на ногах. Ему бы в холодную воду, чтоб унять стонущую боль ожогов... И вдруг:

—Ленчик!.. Он встрепенулся, узнал голос, увидел участливо распахнутые Люсины глаза. —Что с тобой случилось? Тебе больно? Сильно больно?

— Не-ет... Чуть-чуть... Я пожар тушил...

—Как же так неосторожно... Да ты весь обгорел! Что же это такое делается, а... Люди! Да вы не видите, ли чо ли,— ребенка в больницу быстрее надо!

Борис Петров ЛЕРКА-МАНЕРКА

Несколько последних лет я жил без собаки. Сперва мы не могли опомниться от потрясения после потери верного друга Боя (увы, гибель под колесами — печальный финал многих собачьих жизней в городе). Потом пошло везение на службе, так что замаячила перспектива новой квартиры, и мы с Ольгой (жена у меня веселая и покладистая, хотя и по-своему настырная) договорились: переедем и уж тогда... Но дело затянулось. И решилось все внезапно, даже несколько впопыхах, как у меня нередко бывает; услышал, что продается англичанка с полной родословной, по третьему году, но ничему в поле не ученая. Конечно, лучше б взять щенка и воспитать самому, да ведь, некогда. Лишние два года в нашей жизни — ого! Темп, темп, ускорение — успевай хватать на лету. Я прикинул: до весны дома ее переучу на свой вкус, за лето поднатаскаю — к сезону с собакой. Только б не совершенно тупая к делу.

Звали англичанку Лера. (Меня это как-то неожиданно поразило: меня — Валера, ее — Лера...) Рубашка у нее была цвета коры молодой березы, слегка подведенная сизой изморозью — тот крап, который на изысканном английском называется «блюбельтон». Подвес на груди — пышным, как жабо, придворных, и очёсы на тыльной стороне лап напоминали кружевные манжеты. Брылы у Лерки аристократически свисали, выражение в живых глазах то и дело менялось. Бывший владелец мечтал еще поохотиться, вырастил себе помощницу, да скрутила болезнь, еле оклемался. Пяти месяцев брал Лерку в лес, посчастливилось подстрелить петушка-тетерева — собака его потрепала. Но больше заниматься с нею не пришлось, и он все твердил, что петушка-то потрепала с азартом, ей бы еще маленько подучиться... Даже показалось, уж очень старался меня убедить. А чего зря силы тратил? Выбора у меня не было. Хотя с первой минуты возник и не переставал точить вопрос: что же я все-таки приобрел?

Смену дома Лерка перенесла как-то без особых переживаний. Уже через день встречала меня в дверях, словно более обожаемого хозяина у нее не было. (Даже мелькнуло ревнивое чувство: неужели, приведись, и Бой так же?..) Вся извивалась от радости, морщила морду в счастливейшую улыбку, мелко топотала на месте и, щеря зубки, слегка покусывала за руку — умиление было даже несколько неожиданным.

Словарный запас у нашей юной леди оказался весьма богатым — «гулять», «кормить», «спать» и: множество обиходного из разговора она понимала прекрасно. Если надоедала и не хотела идти на свой матрасик в прихожей, достаточно было обронить между прочим: «А вот мы сейчас собаку мыть будем». И она шеметом бросалась в свой угол, хотя никто ее этому слову не обучал, а саму ванную процедуру переносила покорно. Правда, по окончании ее обязательно мстила за «измывания» тем, что выбегала на середину комнаты и принималась бурно отряхиваться, фонтаны брызг летели на персидские ковры и голландскую мебель... которых у нас, к счастью, не имелось. Так что первые наблюдения и веселили, и обнадеживали, и доставляли пищу для размышлений.

Главным ритуалом для Лерки стало присутствие при семейном ужине. Заслышав веселый перестук расставляемых тарелок, она усаживалась у двери — для начала на почтительном расстоянии, молчаливо признавая, что в наших отношениях положено соблюдать определенную дистанцию, присутствовала тихо, в глазах... выражение скуки. Интересно, как она может изображать это безразличие в то время, как запахи ужина вызывают у нее настоящую бурю страстей, сознательно, что ли, дает себе такое задание? И все же сила запахов для нее превышает умственных установок. Постепенно, для самой себя незаметно, не приподнимаясь от пола — ёрзом на хвосте — она придвигается все ближе, и вот уже мокрая черносливина чутья страстно вздрагивает возле самого обреза стола. Я строго кладу вилку и обращаю свой нахмуренный взор прямо ей в глаза. Ни словечка не произношу! И она понимает. Тут же встает, уходит в коридор, садится на прежнее место и при этом как будто оправдывается: «А вы тут, значит, кушаете, да? Случайно, знаете ли, заглянула, даже неловко...» Но снова нос, подобно успокаивающейся стрелке компаса, выбирает единственно возможное для него направление, автопилот включается и постепенное движение ёрзом по полу возобновляется. И вот, опять же, объясните: как она понимает выражение моего лица? Без звуков и эмоциональных жестов, лишь гляну в глаза... Загадка. Но на второй раз приходится сдержанно произнести вслух: «На место». И вся процедура возобновляется с той же исходной точки. «Я кому говорю, в конце-то концов!» На этот раз она испуганно шарахается и... через минуту возвращается, волоча в зубах свой матрасик! Пожалуйста, я приказание выполнила — сию «на месте». Сообразительная собачка! Судя по всему, из тех типов, которые держатся мнения: «Если нельзя, но очень хочется, значит, можно».

Сколько восторга она выражает, встречая меня утром, когда я набрасываю старую шубу поверх тренировочного костюма и открываю перед ней дверь на лестничную площадку, такое бурное проявление чувств!

«Сейчас, сейчас, — добродушно ворчу я, — ишь, обрадовалась».

Пока мы гуляем в пустынном дворе, жена готовит на кухне завтрак, в том числе миску с похлебкой для Леры. Но как-то после ночного дежурства в дружине Ольга меня пожалела и не стала будить рано, заставила дочь, шестиклассницу Зойку, прогулять собаку. Когда я вошел на кухню, Лера уже получила свою утреннюю порцию: И... лишь безразличный взгляд бросила в мою сторону, оторвавшись от похлебки. Этот эпизод неприятно меня поразил: после таких-то театральных страстей при каждой встрече! И вся собачья любовь? Нет, Бой был не таким — простецкий парень, безоглядной веры существо. А у этой и морда хитрая-хитрющая, лъстиво-прищуряя. Подхалимка...

Эх, скорее бы в поле! С начала лета я планировал всерьез заняться натаской, даже литературу подчитал, хотя и сам не новичок. Но, словно на грех, как раз началось строительство нового типа электролизера, в конструкции которого была заложена и моя одна идейка. (Даже значилась в числе прочих фамилия на проекте — В. Еремин). Закрутилось обычное колесо. Впервые смог вырваться за город лишь в начале июля. Елки зеленые, как она носилась по лугу, выскочив из автомобиля! Простор, воля, свежий росистый воздух, настоенный на тысяче молодых трав, ощущение бодрости и нетерпения...

Да не суждено было свершиться обширным педагогическим замыслом. Просто времени снова не хватило: самая запарка началась с нашим новым электролизером. А приходит свободное воскресенье, и мои домашние женщины требуют дружным хором (две женщины — еще какой хор!): —Валера, вези за клубникой! Вон Рязанцевы прошлый раз набрали, варенья наварили, что мы, хуже их? Зачем было покупать машину, столько в долг набрали! И дочь — подголоском: —Ну, папочка! Заодно покупаемся... С ними особенно не поспоришь.

Утром случился такой смешной эпизод. На опушке сухая осина, упав, застряла в березовой развилке, и, когда мы вылезли из «Жигуля», как вдруг заскрипит... Лера так и шваркнулась боком, чуть Зойку с ног не сбила. Вот какая храбрая — раньше говорили: «Тележного скрипу боится». Днем мы бродили по травянистым клубничным логам и полянам. Как раз в таких местах должны попадаться перепелки. Должны... Только почти не стало их в последние годы, вот в чем штука-то. Я тоже нет-нет, да и снисходил до чисто женского занятия — опускался наземь и щипал сладкую клубнику (но от «производственного задания» по сбору решительно отбоярился!), стараясь при этом не упускать собаку из виду...

В одном месте, близко к пшеничной меже, она возбужденно закрутилась, но я не поверил, что это всерьез: полдня уже пробегала впустую — устал ждать. Однако Лера продолжала упорно мыкаться взад-вперед, приостанавливалась, громко фукала носом в траву — явно разбиралась в каких-то набродах.

Вдруг вскинула голову и мельком глянула в сторону, словно кто-то ее окликнул. Опять стала копаться в следах — голова уткнута в землю, хвост оживленно выписывает круги. И снова вскинулась — прихватила нечто верхом. Странно себя ведет, нестандартно. И тут она в третий раз поймала ветерок, на миг оторвавшись от земли, и... окаменела. В неудачной позе, напряженно извернувшись вбок, положение было неуравновешенным, временным, словно остановленный кинокадр.

Я не успел подойти вплотную, но перепела, вспорхнувшего в той точке, от которой Лера не отрывала взгляда, увидел прекрасно. Стойка! Первая настоящая стойка по дичи, вот что это было. Причем сработана классическим верхним чутьем, а не по следу! Ай да Лерочка, ай да умница. Не просто чутье показала, все свое природное охотничье дарование продемонстрировала, главное достоинство легавой. В своих успехах она шагала, как вундеркинд, переходя из шестого класса сразу в девятый. И ведь почти без всяких усилий с моей стороны, даже, честно признаться, вопреки бесспорной халатности — ведь я ею почти не занимался!

До начала охоты удалось еще раз убедиться в ее удивительных способностях. Шла уже середина августа, и вполне мог вылезти обильный слой груздей — надо было проверить. Конечно, и Лерку взяли с собой. Надо пояснить, что мне предстояла неожиданная срочная командировка на завод, где заканчивали монтаж нашего опытного образца, и вернуться я рассчитывал лишь в обрез к открытию охотничьего сезона — сразу махнуть в отпуск. Так что проверить хоть раз Лерку в лесу было бы очень полезно. Хотя и рискованно: встреча с шумным тетеревиным выводком могла слишком разгорячить молодую собаку и вывести из-под контроля. Так ведь мне в современной жизни то и дело приходится рисковать — темп, темп заставляет, не дает времени на взвешенные раздумья. Привык принимать решения второпях, хотя понимаю — привычка не из лучших...

Из последней командировки я прилетел рано утром. ...В первый раз мы с Лерой вышли рановато после полудня, солнце еще знойно палило, рубаха сразу взмокла, даже сердце с непривычки покалывало. Но я больше не мог усидеть на стане. Мы шли по дорожке, Лера оживлённо шумела в чаще неподалеку, то и дело выскакивая на открытое место, чтобы не потерять меня, бегала вдоль колеи взад я вперед — искала лужицу.

И тут меня пронзила совершенно неожиданная догадка: а вдруг она... боится выстрела?! Да-да, коли показала на летних выездах почти зрелую работу, а хозяин ее продал. То-то и врал настойчиво, что не бывал с ней в поле прошлой осенью! Вполне, вполне возможно: бабахнул неудачно у ней над ухом, а при ее трусоватой натуре... Елки зеленые, неужели?.. Я до последнего суеверно боялся признать возможность полного счастья. Но все вышло именно так, как грезилось мне в самых смелых мечтах. И выводок пестрым фонтаном взбрызнул на фоне светлых березовых стволов... Счастливейшие долгожданные моменты. И выстрела, первого моего дуплета, она вовсе не заметила, увлеченная охотничьим азартом, напрасным оказалось и это последнее тревожное предчувствие.

Все складывалось как нельзя лучше в нашу первую «медовую» зорю. А еще говорят, что на свете счастья нет. Неправда, случается! Надо лишь уметь поймать его за хвост — не отложить на завтра, не просчитаться и не побояться необходимого риска. Вечером я постелил ей у костра добрую охапку сена, и вот она, прежде чем лечь, так старательно взбивала его передними лапками, так долго кружилась, догоняя собственный хвост, — умора! И наконец, глубоко вздохнув... грохнулась рядом на голую землю, как мешок с кеглями. Промахнулась! Есть она почти не стала — это у них обычай в начале сезона: сбрасывают лишний вес. Спать мы легли рядышком под душистой копной, почти в обнимку.

Лера выросла на глазах от выхода к выходу. Взор у нее приобрел выражение устремленной зоркости, уши слегка приподнимались в настороженной готовности, изменялась вся ухватка. И с каждым успехом росло в ней чувство собственной значимости. К примеру, могла уже лишь покоситься в мою сторону (как тогда над миской!), когда я, свистнув, указывал рукой, где надо поискать следы, и продолжала заниматься тем, что считала более интересным. Наверное, и насмеялась про себя: «Чего вмешивается? Будто я сама хуже чую, где чем пахнет».

Да-да, мне иногда стало казаться, что она просто забывала про меня, увлекшись собственной охотой. Рано, рано вам, маэстро, зазнаваться! Впрочем, возможно, эта самоуверенность — от породы. Недаром старые собачеи говаривали: «Пойнтер работает на хозяина, а сеттер—на себя». Я замечал, дирижеры тоже бывают разные по характеру: один сам забывается в звуках оркестра, а другой явно больше старается на зрителя... Но это все были попутные размышления. А главное, охота продолжалась успешно, и счет нашим победам множился. К исходу второго дня Лерка уже не мельтешила в лесу, как угорелая, не взбрехивала перед выходом в нетерпении. Нет, она стала удивительно мудрой и спокойной. Бегала умненько, а не напролом. На развилке дорожек подождет, чтобы убедиться, куда я сверну. Прежде чем сунуться с межи в заросли, остановится, понюхает туда и оглянется на меня: настаиваю я или не очень? К командам стала относиться, скажем так, аналитически — мол, исполнять ли, есть ли резон-то?

Несколько раз случалось: я ей укажу в кусты — сделает вид, что направилась туда, а сама вильнет вдоль чащи. — Эгей, подружка! По обочине я и сам могу прогуливаться, давай-ка работать добросовестно, ищи, ищи! — Но и к любимому словечку стала относиться без вдохновения. Приходится возвысить голос на полтона:

— Я кому сказал? Кончай сачковать!

Тогда она вдруг припадает грудью к земле и, вывернув переднюю лапку кверху подушечками, начинает что-то увлеченно выкусывать между пальцами. «Не видишь — занята?» Уже в темноте, на стане, я сновал от машины к костру и нечаянно задел ее, лежащую на своем сене. Лера... зарычала— я даже вздрогнул от неожиданности! Нет, не по-настоящему злобно — скорее только выразила неудовольствие: «В чем дело, в конце-то концов! Работаешь, работаешь весь день, как проклятая, и вечером покоя нет...»

—Извините, Калерия Эдуардовна, простите великодушно! Темно вокруг...

Я еще не предполагал, как будут разворачиваться события завтра. А события приняли оборот вовсе непредвиденный: Лерка вообще работать отказалась. Когда я собрался, поднялась неохотно и лениво затрусилась впереди по колее. Сколько я ни пытался согнать ее с дороги, как ни призывал «ищи» — ноль эффекта. Стоит и смотрит на меня безучастно, потом вовсе отвернется в сторону — надоел, дескать, со своими бесконечными нравоучениями. Чище того забежит вперед я начинает расчищать лапами местечко под комлем дерева, уляжется и примется вылизывать свой роскошный блюбельтон, выдирать зубами колючки. Ну что ты с ней будешь делать!

Я все больше закипал, все выше забирал тон, пока вовсе не сорвался:

— Я тебе покажу, кто из нас хозяин, а кому положено слушаться! — Под руку попался добрый «аргумент» — черемуховый прут.

— Ишь, маркиза, инфанта, работать ей не хочется! А жрать хочется?! Собака ты, тварь, стерва, а не вельможа!

Она вяло уворачивалась от прута, в выражении морды появилось что-то чужое и дикое, оскаленное... Я в сердцах отбросил хлыст, плюнул и, круто повернувшись к ней спиной, зашагал прочь, не оглядываясь. До чего дошло, вздумала ставить условия, хочет — не хочет, прискучила ей, видите ли, охота. А мне еще не прискучила! Слишком много о себе возомнила. Да ты просто нуль без меня, пропадешь тут ни за что, со страху околеешь!..

Скрывшись за поворотом дорожки, оглянулся — светло-серое пятно свернувшейся клубком собаки виднелось сквозь ветви на том же месте, где я ее бросил. Вот даже как! Оскорбилась. Ничего, я тебя проучу, сама на брюхе приползешь, как миленькая... И специально, чтобы сбить ее со следа, прыгнул с дороги в чащу, стал быстро удаляться в сторону, обходя вокруг злополучное место.

Так мы с нею совершенно разругались. Конечно, мое поведение было отвратительным. Бить собаку... Наказание не запрещает ни одна инструкция по обучению легавых, и не только же как символы существуют ременные плеточки. А я никакой не бог всеблагий — простой живой человек, я как все грешный, только перед Лерой напускаю на себя «всевышний» вид. И все же чувствуешь себя после такого мерзко. Даже как-то самого себя становится жалко. Так мечтал об этой охоте, рвался, нервов и машины не жалел. А она — какие вселяла надежды, сулила радости! Ведь может, может же, подлая. Не желает, моду забрала делать только то, что самой нравится. Если сейчас ее не пресечь, пойдет далеко — никакими силами не исправить! Тогда уж точно: условный рефлекс...

Тем временем я, замкнув круг, вернулся на дорожку, но по другую сторону от брошенной собаки, оказавшись между нею и станом. Сел отдохнуть на пень. Наверное, Лерка уже перепугалась одиночества и отправилась догонять. Чего доброго, действительно проскочит мимо моей «скидки» и упорет по колее черт-те куда — ищи ее тогда, негодяйку!

Пока шел лесом, я слегка охолонул от возбуждения, хотя злость не вся перекипела. Все же стал оценивать события разумнее. Нет, нельзя допустить, чтобы еще и потерялась. Я взял ружье, поднял вверх стволами и с небольшим промежутком поочередно нажал оба спусковых крючка — дважды громко бухнуло на всю округу. Вскоре Лера показалась из-за поворота. Трусила по колее, вяло перебирая лапами, причем как-то боком — задняя половина туловища заметно выглядывала из-за передней. Подбежала — в глазах неподдельная радость, хвост оживленно помахивает (ага, все-таки напугалась!), словно между нами ничего особенного не произошло.

— Добилась, получила свое? — сурово спросил я.

— За дело. Ну, ладно, пошли домой, все равно сегодня охоты не будет.

Я направился вперед, а она так и волоклась сзади, заметно отставая. Что ж, за два дня могла устать, хоть и не до такой степени. Больше тут симуляции,

лживость у нее в натуре, это бесспорно. Но тяжеловата — ишь, разожралась! Ладно, устроим дневку. У самого тоже ноги что-то стали, запинаться за каждую кочку...

День, который мы в бездельи просидели на стане, выдался таким, словно отлучился из хрустальной сказки — сплошная сине-белая лепота вокруг, теплынь и шелест берез. Редкие желтые листки слетали на землю. Там и здесь проглядывали зарумянившиеся верхушки молодых осин. Самозабвенно копошились мураши и паучки, синицы звонко посвистывали в пустом воздухе. Настоящее наше бабье лето первых дней сентября.

С утра я копался в автомобиле — с ним работа всегда найдется. А Лера как упала с вечера на свое сено, так и лежала, свернувшись калачом, упрятав, нос и не меняя позы. На нее сыпались искры, но она головы не подняла, лишь порой сердито ворчала сама с собой, а то вдруг принималась крупно дрожать, хотя день был теплый из теплых. На еду смотреть не хотела, пришлось кормить ее, как больную, с ложечки. Я подносил мелкие кусочки сала и колбасы к самому носу, уговаривал, ласково упрашивал, она нехотя размыкала рот, будто через силу, и подбирала их, не дотрагиваясь до ладони. Съела три или четыре, пятый вывалился у нее из-под брыл. При этом она тихо, но с угрозой зарычала: «Отстань. Привязался...» Я инстинктивно отдернул руку. И еще мой Андрон Кожека, неисправимый «технарь», упрекал меня: «А ты сам ее кормишь?» Отлично она разбирается, кто ее кормит, а кто истинный хозяин, дешевого авторитета здесь не завоюешь. Ольга кормит ее с первого дня, так Лерка и ее не больно уважает. Никого она не любит: слишком умна. И этот постоянный взгляд — с раздумьицем... Сознание преобладает в ее поведении над чувствами привязанности, благодарности. Собака без преданности в сердце — странное произведение природы, чушь какая-то... собачья. «Сознание — эк, куда тебя занесло, психолог сеттериный! — представил я вдруг своего Андрона в курилке.— Какое же может быть сознание— то есть разум — у животных? Для этого нужна речевая система, еще старик Павлов доказывал, великий физиолог». — Давненько не брали, мы в руки Павлова... А ты, милый, смог бы одними рефлексамися объяснить феномен, который свернулся вон там на сене и весь день меня не замечает? Сравнил бы добрейшего Боя с этой интеллектуалкой, сразу б заговорил по-другому. — «Возможно, поведение твоей Леры определяет порода — направленно сформулированные генетические свойства?»

— Ха! Порода у Лерки и Боя одна. Чего точно нет у моей прекрасной Калерии, так это совести, никогда она ее не мучит, увы. И посещает меня порой пугающая догадка: неужели постигла, что я никакой не бог, а обычное суетное существо, захватившее власть... Пощупал Леркин нос — он был совершенно сух и горяч. В самом деле, что ль, заболела? Только этого мне не хватало. Нос оставался сухим и на следующее утро. Ситуация грозила принять драматический характер. В конце концов надо решать: или отдохнем и потихоньку возобновим охоту, или убираться домой — что же тут буду возле нее сиделкой терять драгоценные отпускные деньки! Рассудив так, я стал после обеда собираться в лес. Никакого оживления в Леркиных глазах. Мм, настораживает... Прищелкнул ее на поводок и с некоторым усилием приподнял — поплелась позади шагом, явно по принуждению.

Так мы прошли с километр, выйдя на невыкошенный покатый склон, окруженный молодым осинником.

На опушке лежала удобная деревина, и я присел обдумать, как вести себя дальше. Лерку отстегнул, она легла рядом. Вдруг подняла голову, жмурясь, как от яркого солнца, стала ловить шевелящимися ноздрями слабые токи воздуха. Привстала над землей на передних лапах — все больше интереса в глазах. Отошла в сторонку... Ага, я же говорил, что все образуется, стоит ей немного отдохнуть. Ну, переиграла маленько моя актриса, увлеклась... Кто-то набродил на краю осинника, и Лера, все заметнее оживляясь, начала обнюхивать опушку, хвост принялся выписывать обычные в таких случаях вращательные движения. Конечно, это старый одинокий петух вышел покормиться из чащобы.

Я поднялся, приготовил ружье. Лера, словно опытная специалистка, бросила копаться в следах и, заведя широкий круг по всей поляне, перехватила верховую струю, пошла прямым ходом. Она вела горячо, с напором, но кто-то впереди резво убежал, оставляя сильный пьянящий запах. Лерка даже пыталась перейти на мах, но рослая огрубевшая трава сопротивлялась и не позволяла. Я и то запыхался, поспевая следом с ружьем наперевес. Так мы пробежали метров сто, меньше, и смутное подозрение зародилось во мне, но азарт охоты не давал ему оформиться. Наконец, впереди раздался непривычно басовитый гул крыльев, и с дальнего края некоси поднялся... огромный глухарище! Чего стоили мои тетеревиные заряды в стволах против такой махины — два жалких хлопка прозвучали совершенно бессмысленно, и вскоре все стихло.

Я стоял, переводя дыхание и костеря себя на чем свет стоит: не сообразил, старый валенок, что собака идет по глухарю! Ведь можно было на ходу переложить патроны, такую добычу упустил. А Лерка-то, Лерочка-собаченция, как выдавала глухаришку, будто век только этим и занималась, молодчина! Кстати, где она? Я оглянулся и увидел чуть в стороне свою собаку: она неподвижно валялась в траве на боку, отбросив деревянно вытянутые лапы. Картина была до того неожиданна и неестественна... Жуткое предчувствие резануло по сердцу. Я бросился к ней, пал на колени. Нет, собака была жива, она заметно поводила боками. Но разбухший язык безвольно вывалился на траву, в стеклянных глазах не светилось никакого выражения. Смотреть на нее было страшно... На стан я принес свою Леру, словно малого ребенка, на руках. Кое-как покидал в «Жигули» имущество и в тот же вечер укатил домой.

Утром старый лысый, с выпуклыми глазами диабетика, врач ветлечебницы, осмотрев и обслушав ее, пожал плечами и задумчиво проговорил: У собаки тяжело поражено сердце. Как—сердце? — Меня поразило само это слово применительно к Лерке.

— Инфаркт, что ли?..

Не исключено. Детренированность в городских условиях, потом внезапная нагрузка. С каждым может случиться.

Я, я во всем виноват! Конечно, обязан был подготовить ее к сезону, как следует погонять на воле. А мне все некогда, все темп, темп, более важные дела... Я только сам виноват — не поверил ей на охоте, даже мысли не допускал, что

может устать, серьезно заболеть. «Хитрая», «актерка», «бессовестная»... Обижался, себя пожалел из-за пропадающей охоты! А у нее болело сердце. Сердце у нее страдало, сердце... Только ничего не умела объяснить, да и сама, конечно, не понимала, что с нею происходит. И как же я мог на нее обижаться — все знающий и понимающий, самоуверенно убежденный, что разбираюсь в самых тонких тайнах ее темной безъязыкой души!

Я виноват — ибо мы в ответе за все существа, которые приблизили к себе, отучив от вольной самостоятельной жизни, поставили в зависимость от собственных прихотей. А они — живые, они доверились нам целиком и до конца.

Лера выжила, но осталась инвалидкой. Она тихо и одиноко лежит теперь дни напролет в своем темноватом углу прихожей, даже запахи и звуки общего ужина ее не интересуют. Шерсть у нее стала мутная, старая. Я вывожу ее в положенные часы на прогулку — по лестнице спуска медленным шагом, поднимается еще труднее, переставляя лапы одну к одной громко дыша. Она всего боится, сморит вокруг бессмысленным взглядом. Во дворе ей никто не нужен, на приближающихся ребяташек рычит, вздергивая губы, и я не спускаю ее с поводка. Стала злой и угрюмой, неприятной в домашнем общении. Так мы с ней теперь и живем.

— Зачем же ты ее держишь? — спросил как-то Андрон Кожека. — Можно отвезти в лечебницу и попросить их. Есть законные медицинские средства. Но я не могу этого сделать. Не могу, и все тут. Значит, такой мне достался крест — жить с нелюбимой собакой изредка ловить на себе ее неподвижный взгляд исподлобья, как будто укоряющий за все - страдания, на которые я ее обрек. Наверное, это нужно нам, чтобы напоминать и предостерегать — по отношению к другим. Ольга никаких разговоров о Лере со мной не затевает. Видимо, поняла мое состояние. Я, только я сам виноват во всем — я, человек, взявший на себя ответственность за все живое планете. Может, я и человек — лишь в той мере, в какой чувствую за собой эту вину и ответственность...

Роман Ругин ЛАНГИ

1

... Давно Тавет мечтал о чистопородной лайке, с которой можно будет зоревать весной и осенью, надолго уходить в тайгу. Без хорошего пса что за охота? Блуждание в потёмках! «Один умный пёс надёжней ста помощников. Зверь шерстинку на траве оставит, и то собака его сыщет», - говаривали старики ханты. Нынче мечта сбылась — зоотехник Хозяинов, чья лайка недавно оценилась, отдал ему кобелька. Тавет долго выбирал щенка — кобельков было двое, - взвешивал каждого по очереди на ладони, водил пальцем по кончику носа, щупал уши и зубы: чутьё, слух будущей охотничьей собаки должны быть безупречны! Наконец он остановился на том, у которого на груди белела отметина.

— Назову тебя Ланги! — сказал он щенку. — Ланги, слышишь? Это значит — «бельчатник».

– Красивое имя! – одобрил Хозяинов. – Звучное!

– В старину у нас говорили: «Кто лайкой на белок не владеет, у того ни рук, ни ног, ни глаз нету», - засмеялся, пряча щенка за пазуху, Тавет.

Поблагодарив зоотехника, он поспешил домой – обрадовать мать: та в молодости была хорошей охотницей и знала толк в собаках.

Матери щенок понравился.

– Маленький да удаленький! – сказала она, погладив Ланги. – Смотри-ка, как разумно посматривает!

Щенок, смешно загребая неокрепшими лапами и переваливаясь с боку на бок, пустился обследовать комнату.

Мать завела ему вслед старинное причитание:

Песца пушистого следы

Будешь ты тропить умело,

За лисицей быстроногой

Смело пустишься вдогон,

Белок, скачущих по веткам

Зорким взглядом не упустишь,

Птиц застреленных отыщешь

И хозяину снесешь!..

Тавет заботливо ухаживал за щенком. Он даже попросил на работе небольшой отпуск. Сам кормил его, выгуливал и, думая о наступлении холодов, смастерил во дворе добротную конуру, обшитую дерматином. По вечерам он читал книги по дрессировке охотничьих собак, и не было в поселке старика из бывших опытных охотников, с которым бы Тавет не затеял обстоятельной беседы о натаскивании лаек. Ланги научил ся подавать хозяину то правую, то левую лапу, без разрешения не принимался за еду и вообще проявлял редкую сообразительность.

– Молодец! – хвалил щенка Тавет. – Умнейший пес! Умник! Довольный Ланги вилял хвостом и радостно повизгивал...

Разумеется, Ай-Паял прав: полуторамесячного щенка выводить в лес рановато, - но разве знает сосед, каких успехов достиг Ланги, как стремительно он развивается? Собаку к охоте надо приучать смолоду, и не на словах, а на деле – только тогда из нее выйдет настоящий помощник!

Кое-где в лесу лежал выпавший накануне и не успевший растаять первый осенний снежок. Самое время подстеречь выводок рябчиков или даже косачей! Интересно, как поведет себя, учуяв дичь, Ланги?

Шагая вдоль протоки, по которой шла шуга - вода жила уже последним дыханием, – Тавет вдруг приметил за песчаным сыском двух уток-турпанов. Вскинув ружье, он замер на месте. Утки, в поисках корма, скрылись в зарослях. Тавет подкрался ближе к берегу. Ланги, насторожившись, последовал за ним. Когда турпаны появились вновь, прогремели два выстрела.

Тавет был метким стрелком. Не промахнулся он и сегодня. Теперь предстояло работать Ланги! Упрашивать щенка не при шлось. Негромко, энергично залаяв, молодой пес короткими прыжками понесся к протоке, и не успел Тавет присвистнуть

ему вдогонку, призывая к осторожности, как Ланги, ступив на тонкий ледяной припай метрах в двух от берега, провалился в холодную осеннюю воду.

С досады Тавет даже пристукнул себя кулаком по лбу: надо же быть таким дураком! Вывел, называется, пса на охоту! Долго ли щенку простудиться? Правильно насмешничал Ай-Паял, слушаться надо умных людей, а не огрызаться в ответ!

Протока была мелкой, утонуть Ланги не мог.

– Ко мне! Ко мне! Назад! – крикнул Тавет. Но, к его удивлению, щенок не послушался – лишь мельком взглянул на хозяина и все рвался вперед, к добыче, с треском ломая лапами лед. Впереди блестела на солнце полоса чистой воды.

– Куда ты?! – закричал Тавет, бросаясь к протоке. Он еле-еле успел схватить Ланги за загривок: еще мгновение, и пес пустился бы к уткам вплавь – видно, свой охотничий долг он осознавал в полной мере!

Ланги был очень возбужден. Он чуть не вырвался из рук Тавета и глухо заворчал, когда тот попытался его слегка обтереть и обсушить. Чтобы щенок опять не ринулся в воду, Тавет привязал его ремешком к невысокому сетевому колу, торчавшему у протоки. Отыскав подходящей длины жерди ну, сам побрел по воде за утками. Пес смотрел на него хмуро, исподлобья.

– Ладно, ладно, не сердись, – попытался утешить его Тавет. – Поохотились мы с тобой не худо, но рановато тебе еще со мной в тайгу ходить. Придется подождать малость. Пусть зубы окрепнут, шерсть погуще отрастет. Тогда тебе никакая вода страшна не будет. Потерпи, песик! Мы с тобой еще не раз и зверя и птицу перехитрим. Вот увидишь! Ведь ты у меня умный, смысленый, отважный!

Обычно в ответ на подобные похвалы Ланги радостно повизгивал, но сейчас он молчал.

Тавет встревожился: что-то неладное происходило с собакой. Неужели обиделась на хозяина?

– Я же хотел тебе помочь, глупыш! – стал оправдываться Тавет. – Ну, простыл бы ты, заоченел окончательно – вода-то ведь уже ледяная, – и что бы тогда было?

Ланги не отзывался, а если бы умел говорить, то, наверное, сказал бы примерно следующее:

“Привязал меня тут. Как дворняжку какую. Уток сам палкой из воды достаешь. Зачем тогда меня натаскивал? Птичьи крылышки заставлял тебе приносить? Беличьи хвосты? Разве плохо я это проделывал? Ты же сам меня хвалил, рыбки или мяса в награду давал, а то и косточкой баловал! Один раз хвоста не принес – так ты со мной и разговаривать не захотел! Я ведь должен был этих турпанов взять! Должен! Я твердо это знал до сегодняшнего дня, а теперь вот – не знаю. Должен или не должен? Лезть мне в воду за дичью следующий раз или не лезть?..”

Но Ланги даром речи не обладал, и Тавету оставалось лишь догадываться, почему загрустил его веселый щенок. Беспокойство в душе осталось, но большого значения происшествию он все-таки тогда не придал.

Вернулись домой. Тавет разогрел уху из щуки, поел сам и накормил Ланги. Пес в дороге все же устал и теперь быстро опустошил свою миску...

За зиму Ланги изрядно подрос, превратился в крепкую молодую лайку. Тавет с нетерпением ждал весны, чтобы испробовать своего любимца в новой охоте.

Как только открылась вода, он снарядил моторную лодку и, посадив пса на корму, поехал вниз по Горной Оби к Птичьему острову. Здесь во время весенних перелетов любили ночевать дикие гуси и утки.

К вечерней зорьке Тавет и Ланги, с трудом переступая че рез пружинившие, покрытые прошлогодней пожухлой травой кочки, добрались до озера, где водилось особенно много дичи. Тавет притаился в тальниках. Рядом расположился, вымазанный жидкой глиной Ланги.

Ждать им особенно не пришлось. Четыре шилохвости взлетели из камышей и кругами пошли над озером, высматривая место для новой посадки. Тавет выстрелил дуплетом. Утки стали падать вниз. Но одна из шилохвостей была, види мо, лишь ранена - забившись в воде, она поплыла в прибрежные заросли.

– Ланги! Ищи! – скомандовал собаке Тавет. Пес не двинулся с места.

– Ланги! Кому сказано?!

Собака вскочила и – юркнула в кусты, в противоположную от озерной отмели сторону.

– Куда?! – закричал Тавет. – С ума сошел, что ли?!

Но Ланги и след простыл. Сколько ни звал его хозяин, сколько ни метался по берегу - все было тщетно...

Ланги все не было. Тавет, разыскивая его, едва не сорвал голос. Наконец решил вернуться к лодке... Пес, как ни в чем не бывало, сидел на носу моторки.

Тавет разозлился еще больше.

– У-уть! – сердито прикрикнул он на Ланги и замахнулся на него прикладом ружья. – Пошел прочь от меня! Видеть тебя не могу! Всю зорьку мне испортил!

И тут вдруг с высоты на освещенную молодой луной гладь Горной Оби ухнула стая белокрылых турпанов. Мгновенно прицелившись, Тавет нажал на курок. Один из турпанов стал падать в воду.

– Ну, Ланги! Вперед! – с надеждой скомандовал собаке хозяин. Но ситуация повторилась - пес отступил от берега и растаял в зарослях...

...Раздосадованный Тавет сновал по влажному песку, свистел, кричал, и когда наконец из-за кустов выскочил Ланги...

Измучившись и охрипнув, подзывая собаку, Тавет сел в лодку.

– Раз так, – крикнул он напоследок, – я тебя проучу! Оставайся здесь один. Проголодаешься – сам реку переплывешь, авось умнее станешь! Уже не щенок, чтобы я тебя из холодной воды вытаскивал, – шерсть вон как у медведя! – и дернул за шнур; мотор заревел, дюралька, кренясь, полетела к дому...

2

Ссориться с собакой ничуть не легче, чем разругаться с близким другом...

...И зачем он только вчера поддался своему раздражению, уехал, бросив собаку? Да, Ланги вел себя скверно, но разве не он сам, Тавет, в том виноват? Грубо кричал, швырял палкой. А тогда, прошлой осенью? Ведь он просто не понял Ланги, помешал ему исполнить свой охотничий долг и тем самым посеял в нем смятение. Ланги сбит с толку, не знает, как вести себя на охоте, в его поведении есть своя логика, и бессмысленно теперь на него сердиться. Нужно было проявить побольше

терпения, поработать с собакой, добиться послушания лаской, а не безобразными криками.

Под вечер, взяв ружье, Тавет спустился к Оби и завел мо торку. Он быстро пересек реку, достиг места вчерашней охоты, тщательно осмотрел все вокруг. На песке никаких следов – Ланги и не думал искать хозяина. В груди шевельнулась обида, но Тавет подавил ее: нечего упрекать животное, сам во всем виноват!

...Стало смеркаться. Но Тавет решил не уезжать, пока не отыщет собаку – только так он сумеет загладить перед ней свою вину!

Вернулся на коренной берег, тщательно всматриваясь в исхоженный чайками-халеями и утками песок. Ничего!.. И вдруг, когда он уже почти перестал надеяться, в устье небольшого ручейка глаза приметили что-то похожее на отпечаток собачьей лапы...

Утром Тавет снова отправился на поиски. Наконец, в густом березняке на западной оконечности острова он вдруг услышал какие-то странные звуки: не то царапанье по корью, не то шорканье по земле. Кинулся в чащу. Среди корявых полярных березок что-то темнело. Неужели Ланги?!

Но что случилось с собакой?! Тавет глазам своим не поверил: крутятся и извиваясь среди поломанных веток, пес пытался освободиться от захлопнувшего морду капкана! Так вот почему он не откликнулся на зов хозяина...

Тавет бросился к собаке, разжал ножом пружину капкана, настороженного, видимо, на зайца или лисицу, и высвободил Ланги. Повыше переносицы у того кровоточила довольно глубокая рана. Заскулив, Ланги благодарно прильнул к хозяину и лизнул ему руку.

Слезы подступили к горлу Тавета. Он обнял пса, горячо шепнул ему в ухо:

– Прости меня, песик, прости!

И, словно отвечая на эту просьбу хозяина, Ланги еще теснее прижался к нему...

3

Дома Тавет, осторожно положив лайку на пол в сенках, бежал к зоотехнику Хозяинову.

– Николай Петрович, выручайте! Мой Ланги занемог. Зоотехник посмотрел пса и покачал головой:

– Плохи дела! Рана на бедре загрязнилась, может начаться гангрена. И, кабы он, бедняга, мог себе кровь сразу слизать! Собачья слюна дезинфицирует лучше всякого лекарства. Но тут случай особый, морду ведь капканом замкнуло...

Тавет повез Ланги в районную ветлечебницу. Там ему прочистили рану, сделали несколько уколов.

После этого случая Ланги еще больше привязался к хозяину. Однако охотничьи навыки привить ему так и не удалось.

– Да, – вздыхала мать всякий раз, как Тавет собирался идти в тайгу, – не повезло тебе, сынок. Зря ты тогда, в первый раз, отогнал его от раненой утки. Вот он и считает, что убитую дичь трогать нельзя, а от выстрелов лучше спрятаться.

– Хватит, не трави душу, сам знаю, – мрачно отзывался Тавет. Обидно было потерять такую собаку. Но что поделаешь? За собственную глупость надо расплачиваться.

Впрочем, Ланги даром своего собачьего хлеба не ел – он теперь видел свой долг в том, чтобы везде и всюду охранять хозяина. По утрам он сопровождал Тавета до школы, где тот работал учителем. Бодро трусил впереди, и не дай Бог повстречать им какую-нибудь собаку! Ланги вихрем налетал на нее и отгонял в сторону. В его сердитом лае так и слышалось: “Прочь с дороги, бездельник! Не мешайся под ногами, когда мой хозяин спешит на работу!”

Пока шли уроки, Ланги лежал под школьным крыльцом. И какая бы на дворе ни стояла погода, сколько бы ни задерживался Тавет на занятиях, пес не покидал своего поста. Потом они вместе возвращались домой. Здесь Ланги ждали и другие обязанности: стеречь дом, предупреждать Тавета о любой опасности или, наоборот – о появлении друга. На каждый такой случай пес лаял по-особому, Тавет понимал его, как говорится, с “полуслова”.

4

– Коль унес ноги от верной смерти, другая уже не достигнет: ей ведь через тень первой перескочить потребуется, – приговаривала иногда мать Тавета, поглаживая Ланги по спине. Она тоже привязалась к собаке, даже, пожалуй, больше, чем сам Тавет.

Самые лакомые кусочки из общего семейного котла доставались Ланги, а в сенках на полу появилась теплая лосиная шкура, на которой он спал в зимние холода. Мать еще и укрыла вала его своей старой ягушкой.

– Зачем ты балуешь собаку? – рассердился однажды Тавет. – Ведь она не ребенок.

Мать в ответ пристально посмотрела на своего взрослого сына, и Тавет сразу умолк – столько было в ее глазах невысказанного страдания. И дернул же кто-то его за язык: “Ребенок!” Разве не знает он, как та давняя трагедия разрывает матери сердце, не дает покоя ни днем, ни ночью?

...По реке гулял сильный ветер. К полудню он усилился, волны стали закручиваться белыми пенными барашками. Мать умоляла мужа поднять сеть пораньше и укрыться где-нибудь в тихой заводии, но рыба шла хорошо, и отцу Тавета не хотелось терять лишних муксунов или нельм. Когда же, наконец, стали выбирать сеть, оказалось, что она зацепилась под водой за “задеву” – корягу-топляк. Лодку начало захлестывать, дно залило водой. Сеть все не отпускало. Отец тянул ее на себя изо всех сил, три старших брата Тавета – мальчишки-погодки – помогали ему.

– Брось сеть! – кричала сквозь ветер мать. – Брось! Утонем!

Но отец и в момент опасности оставался рыбаком: бросить сеть для него было равносильно тому, чтобы покинуть в беде верного друга.

Но вот сеть подалась и... в это мгновение огромная волна накрыла лодку. Бударка пошла ко дну. Отец метнул в воду спальный круг, крикнул матери:

– Хватай люльку и плыви!

Отец и три старших сына утонули. А мать каким-то чудом добралась до берега. Чудом было и то, что Тавет не захлебнулся в своей насквозь промокшей берестянке. Обоих подобрали потом жители близлежащего поселка...

С тех пор прошло много лет. Мать стала известной в их краях охотницей, и не было женщины в округе смелее ее: ведь ей пришлось пережить такое, после чего и собственная смерть не страшна. Всю силу своей материнской любви перенесла на единственного, оставшегося в живых сына Тавета, мечтала о внуках, а пока что баловала собаку...

...В один из весенних дней, в субботу, они отправились на остров Горелый, названный так из-за сильного лесного пожара, некогда на нем бушевавшего. От поселка до острова — километров тридцать по извилистой, неширокой протоке Осхем.

Пристав к острову, Тавет выбрался из лодки и пошел на разведку. Ланги потрусил за ним. Они пересекли несколько небольших болотцев, взобрались на песчаную гриву и вдруг услышали вдали гортанные крики диких гусей.

Тавет молниеносно перезарядил ружье, сменив четвертый номер дроби, на более крупный — нулевой. Гуси! Надо же, такая удача! Теперь только бы не промахнуться!

... Укрывшись за березой, Тавет взвел курок. Но помешала мелькнувшая перед глазами веточка — она вдруг прикрыла мушку. Пришлось выскакивать на открытое место, время было потеряно, и он, конечно, промазал. Гуси тем временем отлетели уже далеко. Раздосадованный Тавет пнул носком болотного сапога нерастаивший ком снега. И тут случилось непредвиденное: под снегом, видно, оказался какой-то пенек. Тавет от неожиданности потерял равновесие, споткнулся и начал падать. Инстинктивно отводя в сторону руку с заряженным ружьем, он нечаянно нажал пальцем на курок. Прогремел выстрел, и левое бедро пронзило резкой болью.

“Дурак! — выругал он сам себя. — Я же забыл поставить предохранитель!”

Кровь теплой струйкой побежала вдоль икры. Превозмогая подступившую сразу слабость, Тавет сел на ягель и стал стаскивать с себя сапог и толстые ватные брюки. Как хорошо, что он надел сегодня именно их: иначе весь заряд сидел бы в ноге!

Сильно шла кровь. ...Кое-как доковыляв до росшей неподалеку березки, Тавет отодрал кусок белой коры, отщепил прозрачную берестяную пленку и наложил на рану. Потом, разорвав нижнюю рубаху, перевязал бедро. Попробовал идти — но на раненую ногу ступить не смог. “Неужели задета кость? — Он снова опустил на ягель. — Да... в хорошее положение я угодил!.. — с горечью усмехнулся Тавет. — И главное — сам опять во всем виноват!”

Нужно добраться до лодки, но как? Ведь до нее не менее километра, а идти он не может... тем более по болоту, по кочкам... И еды с собой нет... Ведь мать приготовила, а он от нее отмахнулся: дескать, зачем лишнюю тяжесть таскать, к вечеру вернусь, поем. Боль в ноге становилась все нестерпимей. Но Тавет все же потащился к березняку, охотничьим ножом срезал молодое деревце. Расщепил его слегка посредине, сделал небольшую поперечину. Опираясь на это сооружение —

нечто вроде костыля, можно было немного передвигаться. Но далеко, конечно, так не уйдешь.

...Уже в сумерках Тавет двинулся в путь. Все небо заволкло тяжелыми черными тучами. Дул холодный северный ветер. Не успел он пройти и сотни метров, как повалил снег.

– Скорее, Ланги, беги вон в тот ельничек. Зимовать будем! – сказал Тавет приунывшей собаке.

В ельнике они застряли надолго — до самого утра. Слава Богу, удалось развести костер, да и чирок у них был. Еще раз перекусив, Тавет прижался спиной к улегшемуся Ланги, прикрыл себе ноги еловыми лапами и забылся тяжелым сном.

Проснулся он на рассвете, дрожа от холода. Снег перестал, а ветер, наоборот, усилился. Все кругом заволкло пеленой — уже не разберешь, где болото, где песок. Разворошив кострище, Тавет нашел несколько тлеющих угольков и снова развел костер. Идти дальше он пока не решался: пусть хотя бы уляжется ветер. Ланги заскулил. Крылышко чирка — не слишком обильный ужин для здорового, сильного пса, а на завтрак ни ему, ни хозяину не досталось и этого.

– Все четыре лапы у тебя в порядке. Промысли себе что-нибудь, — посоветовал Тавет собаке. И приказал: — Иди! Ищи!

...Ланги не было довольно долго. Но каково же было удивление Тавета, когда он вдруг увидел своего пса... с увесистым зайцем в зубах!

– Ну, Ланги! — обрадовался Тавет. — Такого я от тебя не ожидал! Молодчина! Умнейший пес! Умник!

Неужели в собаке наконец проснулся инстинкт охотника? Или Ланги затравил зайца в порыве горячего желания помочь раненому хозяину?

Как бы то ни было, пища теперь у них есть, огонь тоже, а с этим ханты ни в какой тайге не пропадет. Теперь надо только набраться сил, а там видно будет, что делать дальше.

Тавет освежевал зайца, и вскоре над заснеженными болотами поплыл аппетитный запах жареного мяса.

— Шашлык на острове Горелом! — пошутил Тавет. — Будем его потом вспоминать, а, Ланги?

Пес ответил радостным заливистым лаем.

Еще через час Ланги приволок к костерку растрепанного ястреба-тетеревятника, и Тавет понял, откуда у лайки на носу глубокая ссадина: Ланги со свойственной ему хитростью все пользовался случаем. Ястреб терзал зайца, а пес, оказавшись свидетелем этой маленькой лесной трагедии, решил ее исход в свою пользу. В общей схватке досталось и ему.

...Тем временем снова поднялась пурга. Утихла она лишь на следующий день. Тавет, преодолевая боль, тронулся в путь. Ему казалось, что он идет довольно быстро, но когда обернулся, увидел: ельник темнеет совсем рядом. Он со своим березовым костылем не протащился к полудню и четверти километра!

К вечеру показался берег. Лодка была на месте. До нее оставалось не более сотни метров, когда Тавет вдруг потерял сознание.

Очнулся он от неистового собачьего лая. Над головой маячила кедровая ветка. Сквозь нее просвечивало серое небо.

– Ланги! Потихонечко! – попросил Тавет. И подумал: “На кого это ты так расшумелся?”

Переведя взгляд в сторону берега, он оцепенел: возле лодки стоял огромный медведь.

Тавет нашарил двустволку. Слегка приподнявшись, достал из кармана патроны. Не успел он перезарядить ружье, как медведь, мотая головой, двинулся прямо к нему.

“Весна! – мелькнуло в мозгу Тавета. – Медведь голоден! Голоден, зол и опасен! Если промажу – конец”. Хозяина тайги явно раздражал собачий лай. Не натасканный на медведя, Ланги не слишком боялся зверя, но как вести себя – толком не знал. Он то подсакивал к берегу, то мчался обратно, а медведь медленно приближался к редкому кедрачу, где лежал Тавет. Метрах в десяти он вдруг взревел и встал на задние лапы.

У Тавета замерло сердце. Он положил палец на спусковой крючок и застыл в страшном напряжении. Ланги в страхе прижался к нему.

Неожиданно медведь развернулся и длинными прыжками устремился в лес.

Напряжение спало, но теперь Тавет вконец ослабел... Он распластался на ягеле, не в силах даже пошевелиться. И вскоре впал в новое забытие.

.... Цепляясь руками за мокрую от растаявшего снега прошлогоднюю траву, он продвинулся немного вперед. Каждый метр давался ему с огромным трудом, перед глазами стоял туман, перехватывало дыхание. Но, кусая до крови губы, Тавет упрямо полз к лодке...

Наконец, сделав последнее невероятное усилие, он схватился ладонью за корму.

Тут его ожидал новый удар. Рюкзак со съестными припасами – хлебом, чаем, маслом, сушеной рыбой, был разорван и пустой валялся на дне. Пробка бензобака выдернута, а сам бак свернут на сторону. Весь бензин вытек. Хозяин тайги похозяйничал здесь в свое удовольствие. Не такой уж он, значит, был голодный!

– Дьявол косолапый! – выругался Тавет. – Обобрал меня подчистую! Чтоб тебе провалиться!

Забравшись в лодку, Тавет примостился рядом с мотором. Идти на гребях? Но вряд ли у него хватит на это сил.

В лодку запрыгнул Ланги. Предвкушая поездку, он устроился на своем излюбленном месте – на самом носу.

– Зря радуешься! – усмехнулся Тавет. – Никуда мы не едем...

Какое-то странное безразличие вдруг овладело им. Нога словно закаменела – видимо, сильно опухла. Тяжелым туманом наползал сон. Откинувшись к заднему сиденью, Тавет уснул.

Ему снились бесконечные крутолобые сугробы, среди которых он скользил на своей дюральке, снился медведь, оскаливший клыкастую пасть. Протянув руку, Тавет хватал зверя за мощный загривок и силился позвать собаку: “Ланги! Ланги! Почему ты не помогаешь? Ланги!” Но язык не слушался, и пес лишь с недоумением глядел на

хозяина. Наконец, удалось крикнуть: “Ланги! Спасай!” Видимо, он кричал во сне, потому что, вздрогнув, тотчас проснулся. Лайки в лодке не было, на берегу – тоже.

– Ланги! Где же ты? Ланги! – простонал Тавет.

...Пёс все не возвращался.

Но вот, наконец, за дальним мыском раздался собачий лай.

– Слава Богу! – облегченно вздохнул Тавет.

Вскоре из-за кустов тальника, облепленный глиной и грязью, показался Ланги. Увидев хозяина, он взвизгнул и устремился к нему. Лизнув Тавету висок, снова умчался в лес. Потом опять прибежал. “Чему он радуется? – удивился Тавет. – Может, какую дичину промыслил?”

Но тут в реденьком кедраче, метрах в ста от берега, показался какой-то человек.

Тавет протер глаза: наяву или во сне?

Но человек быстро шел к лодке.

Тавет не удержался, заплакал...

– Ладно, ладно, успокойся! – сказал человек. – Теперь всё будет в порядке...

– Это ты, Микипур? – улыбнулся сквозь слезы Тавет.

– Я самый, забыл, что мы с тобой в одной школе ребятишек учим? – засмеялся

тот.

– Как же ты меня нашел?!

– Пса своего благодари! Я к родственникам на лодке ездил. Возвращаюсь мимо Горелого, смотрю, какая-то собака на крутояре сидит и волком воет. Подошел поближе к берегу, пригляделся, смотрю – Ланги! Э-э, думаю, что-то тут не так, с Таветом, видно, беда...

– Понимаешь, оступился, на курок нечаянно нажал...

– А ну, повернись, покажи ногу-то.

– Угораздило, понимаешь...

– Молчи, молчи, разговаривать потом будем. На охоте всякое бывает...

5

Пролежав месяца полтора в районной больнице, Тавет начал потихоньку ходить.

К осени решилось, что его переводят на работу в город. Первого сентября уже надо было приступить к новым обязанностям, а квартиру еще не дали.

– Поживите пока в гостинице, – сказали Тавету в гороно. – Потом с жильем все уладим.

“А как же Ланги? – сжалось сердце Тавета. – Для матери место в гостинице, конечно, найдется, но кто пропишет собаку?” Стали готовиться к переезду.

Вещи, книги, охотничье снаряжение – все в доме вверх тор машками.

Чувствуя какие-то перемены, Ланги с беспокойством крутился среди этого беспорядка.

– Ну что ты тут вертишься? – с досадой спрашивал его Та вет. – Иди погуляй! Не видишь разве, как мне тошно?

Ему и в самом деле было не по себе: куда девать собаку? Разумеется, в поселке есть кому приютить на время Ланги, а то и вовсе забрать к себе. Но ведь не всякой семье доверишь такого пса, как этот! Там грубоватый подросток растет, тут за собакой толком присмотреть некому, у тех вечный кавардак – и сами поесть вовремя не успевают, и Ланги не накормят.

Мать тоже нервничала. Ей трудно было расставаться не только с Ланги, но и с поселком, в котором прошла вся ее жизнь...

Как-то вечером к Тавету наведалься его старый приятель – Логи.

– Узлы вяжешь? – спросил он, встав на пороге. – Давай помогу!

– Узлы-то я сам соберу, – вздохнул Тавет, – а вот что с лайкой делать – ума не приложу. В город не повезешь, здесь тоже не придумаю, с кем оставить.

– Мало думаешь! – улыбнулся Логи. И присвистнул: – Джек, ко мне!

В комнату вбежала темно-серая мохнатая дворняга. Ланги, поставив уши торчком, вытянул морду в сторону гостя. По том, приблизясь к нему и обнюхав со всех сторон, добродушно оскалился.

– Вот видишь, – сказал приятель, – наши пёсики уже на шли общим языком. Почему бы тебе не оставить Ланги у меня?!

– Хм, – отозвался в раздумье Тавет. – Это мысль!

– И неплохая.

...Решение было принято. Ланги оставался в поселке.

В день отъезда Тавет перетащил во двор к другу собачью конуру. Чтобы не возбуждать у Ланги никаких подозрений, он не стал с ним прощаться. А Ланги, увлеченный свежей костью, не заметил его поспешного бегства.

Мать с вещами ждала Тавета на пристани.

Подошел теплоход, идущий от Омска до Салехарда. Стоянка была недолгой – всего полчаса. Тавет грузил узлы, книги, чемоданы, а на душе было беспокойно. Он тоже вырос в этом поселке, работал здесь в школе, у него тут много друзей... Трудное дело – переезд на новое место... Угнетало Тавета и чувство вины перед любимой собакой. Пусть Ланги не худо пристроен у хорошего человека, но все-таки тот для него не хозяин... И вряд ли Ланги привыкнет к нему...

Матросы уже собирались убирать трап, как вдруг на деревянные сходни метнулась чья-то лохматая тень.

Ланги!

Мгновенно сыскав Тавета в толпе пассажиров, пес забросил ему лапы на грудь. Он тяжело дышал, свесив язык, но глаза у него были счастливые. Еще бы! Ведь он нашел хозяина!

Мать заплакала и отвернулась. Тавет и сам с трудом сдерживал слёзы. Он погладил лайку по упругой спине.

– Молодец, Ланги. Умнейший пес! Умник! А теперь иди, иди!..

Ланги в ответ лизнул Тавета в щеку.

– Знаешь что? – сказала мать..– Возьмем его с собой. Как-нибудь устроимся.

– Да! Возьмем! – обрадовался Тавет. – Конечно, возьмем! В это время раздался басовитый гудок теплохода. Раствал кивая людей, к ним протиснулся помощник капитана .

– Товарищ ! Возить животных на пассажирских судах без намордника запрещено. Сейчас же уберите пса. Слышите?! Мы и так опаздываем!
Пришлось схватить Ланги за ошейник и спустить на дебаркадер.
– Держи его! – крикнул Тавет стоявшему на пристани Логи.
– Держи крепче! Я скоро за ним приеду! Счастливо!
Теплоход отчалил. Скрывшись в каюте, Тавет долго еще слышал душераздирающий вой своей верной собаки.

6

Прошло полтора года. Тавет с матерью жили в гостинице, обещанной квартиры все не было. За это время Тавет, как ни рвался, не смог выбраться в родные края повидать Ланги – дела не пускали.

Потом пришло письмо от приятеля.

“Должен тебя огорчить, – писал тот. – Не удастся мне совладать с твоей лайкой. Поначалу вроде стала привыкать к нашему дому, но как гудок теплохода услышит, так сама не своя. Не ест, не пьет, Джека моего чуть не загрызла, когда он к ней сунулся. А в последнее время Ланги и вообще одичал. Пропадает неделями. Часто видят его возле твоего бывшего дома. Тяжело мне про такое писать, ведь вроде сам вызвался за собакой приглядывать, но ничего поделать с ней не могу...”

Только следующей осенью удалось Тавету поехать в поселок. Прямо с пристани поспешил он к дому своего друга. Но собаки там не было...

– Секи повинную голову! Не знаю, где Ланги. Уже месяца два его не видел, – развел руками приятель.

Тавет побрел по знакомым улицам.

– Не видели мою лайку? – спрашивал он у каждого встречного.

Люди пожимали плечами – в северном поселке столько собак, разве за каждой из них уследишь?.. Но кто-то ему все сказал:

– Старика Кулю знаешь?

– Это который на отшибе живет?

– Да, подслеповатый такой.

– Знаю, конечно.

– Загляни к нему. Может, туда твой пес прибился? У него часто приبلудные собаки живут.

...Ланги действительно оказался у Кули.

Но лучше бы Тавет его не видел.

Нечто всклокоченное, облезлое, тощее лежало, растянувшись, на деревянном крылечке. Если бы не белая отметина, похожая на бабочку-капустницу, Тавет не признал бы Ланги.

Ошеломленный, он присел на корточки, погладил собаку по костлявой спине и с ужасом заметил, что в темно-серой шерсти белеют седые волоски.

– Ланги, – шепнул он. – Бедный мой Ланги...

Пес даже не шелохнулся, только скосил на него гноящиеся глаза.

– Умнейший пес. Умник...

Эти некогда такие вожаденные слова, казалось, что-то про будили в собаке. Она поднялась, села и потянула носом воздух.

Но видно, и запах Тавета был уже не таким, как прежде, – Ланги, зевнув, снова улегся на крыльце и безучастно уставился в одну точку.

– ...Собаку-то свою признал? – продолжал Куля, – Постарела она. Глухая стала, слепнет, вроде меня. Жаль, жаль... Хороший, говорят, был пес. Он ведь тебя однажды от верной смерти спас, когда ты себе на Горелом прострелил ногу. Было такое?

– Было.

– Да-а, вот так-то.

Дед умолк, посасывая свою трубку. Тавет вручил ему портвейн, а печенье и сахар положил на крылечко под самую морду задремавшего пса.

...Ланги тем временем проснулся и захрустел печеньем. Но и ел он как-то вяло, без удовольствия, не выражая ни малейшей благодарности. Тавет был уже для него Никем.

“Да, – подумал он, – животное, как и человек, не прощает измены”.

– Видишь, – кашлянув, сказал дед. – Не признает он тебя. Оставь уж его здесь, не мучай...

На следующий день Тавет уезжал. На пристань проводить его пришел Лот со своим Джеком, а в последнюю минуту у Дебаркадера появился вдруг старый Куля. За ним понуро плелся Ланги.

– Смотри, кто пришел! – сказал Логи. – Поднимайся скорее на трап!

Теплоход дал гудок. Лайка дернулась и бросилась к реке.

– Ланги!!! – изо всех сил закричал Тавет. – Прощай! Прости меня! Умнейший пес! Умник! Пальцы его, вцепившиеся в поручни, побелели. Горло сдавил горький тугой комок.

Пёс с размаху влетел в холодную воду. Белое пятнышко на его мохнатой груди в последний раз мелькнуло перед глазами Тавета.

Через несколько минут на поверхности реки можно было разглядеть лишь вспененные буруны от винтов теплохода.

С берега что-то кричали Логи и старик Куля, но скоро и они скрылись из виду.

Когда за излучиной реки показался остров Горелый, Тавет ушел в каюту. Лег на койку лицом к стене и пролежал так, не двигаясь, до самого вечера.

Александр Щербаков ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

В Таскино гончарный круг «замкнулся» – в прямом и переносном смысле. Последний гончар, для которого, впрочем, это занятие уже не было главным, а лишь подсобным, почти любительским, Фока Мамаев умер до срока. Наследникам мастерства не передал. И гончарный круг его дочери замкнули в пыльном чулане вместе с хламом.

Матрена Берестова, невестка другого, когда-то знаменитого горшечника Афанасия Малофеевича Берестова, показывала мне гончарный круг старинного мастера. Инструмент, засиженный курами, лежал в сыром углу глинобитного хлевка.

Деревянная станина, железный стержень, на нем обыкновенный деревянный круг, потрескавшийся и почерневший от времени. Даже не верилось, что на этом нехитром агрегате, вращаемом поталкиванием ноги, проворные руки мастера из бесформенного куска глины выводили на глазах и кринку, и горшок, и чашку.

Но главным образом Афанасий, как и его отец, "работал" корчаги. Матрена показывала мне изделия того и другого мастера, корчаги полувековой давности – огромные, толстые, "налепные", одно- и двухведерные. По глазурированной поверхности цвета поджаренного кедрового ореха – концентрические окружности и прочий незатейливый орнамент. В этих корчагах, дышащих историей, как мне показалось, не столько изящества, сколько основательности, даже монументальности и какой-то аскетической простоты.

Другое дело – цветочные вазы Афанасьевской работы. Они легки, ажурны, имеют форму усеченного конуса, чуть загнутые книзу бортики. Бока украшены контурами листочков, ломаными и кривыми линиями – "вилюшками".

Работа гончара более известна, нежели, скажем, корзинщика, но все же вкратце я расскажу о ней.

Дед Афанасий привлекал к своему делу невестку и сына Демида – особенно на черновые, подготовительные работы. Сначала нужно было найти белую и красную глину. Красная - обыкновенная, её можно встретить почти в любом косогоре, под определенным слоем земли. Труднее - с белой. Бывало, в поисках её ходили и ездили за многие километры. Причем годность белой глины Афанасий старался определить всегда сам, не доверяя никому.

Интересно, что хороший мастер всегда первостепенное значение придает качеству исходного материала. Здесь почерк их, великих и малых, удивительно схож. Давайте вспомним гениального Микеланджело, который месяцами, как раб, добровольно трудился в каменоломнях, питаясь только хлебом и вином. Зато мрамор для своих скульптур ваятель добывал отборный и за работу брался с легким сердцем. Тут, может, даже есть неосознанная забота не только о качестве изделия, но и о долговечности его. Как-никак произведение любого мастера – частица его бессмертия. Из любой корчаги взывает к памяти потомков душа мастерового.

Я помню, на берегу пруда под обрывом зияла глубокая воронка с белесым глинистым дном. Этой глиной, скользкой, словно мыло, во время шумных купаний мы мазались, как туземцы, делали себе перчатки, сапоги и набедренные повязки. Нам было известно, что глина у пруда не простая, а редкая, та самая, белая, которой пользуются местные гончары. А сельские хозяйки обмазывали ею печи и не могли нахвалиться её прочностью. Однако Афанасием она в свое время была забракована и отвергнута. Впрягаясь в тележку, он ходил за своей, особой, за семь верст от села – к Репинскому выселку.

Невестка Матрена показывала мне, как старик замешивал сперва красную глину, потом в неё вываливал белую. Соотношение было таково: на шесть частей красной – одна белой. Затем глиняное тесто клал на половицу и топтал, месил сам

или заставлял помощников – до тех пор, пока глина не становилась вязкой, как листовенничная сера, и не начинала пощелкивать, пробиваясь между босыми ступнями.

Потом глина поступала на гончарный круг. Здесь уж Афанасий колдовал только сам. Говорят, бывая в добром расположении духа, дед любил загадывать своеобразные загадки. Вращая круг и, как фокусник, выращивая в ладонях из куска глины какой-нибудь сосуд, он хитровато спрашивал случившегося гостя:

– Отгадай, что это будет?

По явно намеченным очертаниям предмета человек без колебаний говорил, что, к примеру, кринка. Старик усмехался в бороду, делал руками несколько скрытых движений, и, когда отнимал ладони, изумленный гость видел вовсе не кринку, а цветочный горшок или кувшин...

Готовые изделия дед осторожно раскладывал по полкам, подсушивал на солнце или у печки, пока их не накапливалось столько, что хватало загрузить горно.

Горно - горшкообразная яма глубиной в человеческий рост. Под днищем горна находится печь. Перед тем, как обжигать керамические изделия в горне, их глазуруют – мажут дегтем, посыпают суриком и жженым свинцом. Но, бывает, керамику готовят и "по-черному" – это когда изделие макают просто в кадку с квасом и отправляют на обжиг.

Загружалось горно таким образом. Дед, стоя в яме, принимал сначала что покрупнее - корчаги, горшки, макитры – и раскладывал их в нижних слоях. Затем шли кринки, подцветочницы, чашки, кружки, блюдечки... Потом деду помогали выбраться наверх. Но чтобы заполнить место, где он стоял, старик снова опускался в яму, только теперь уже вниз головой, поддерживаемый за ноги сыном или невесткой. Сверху посуды дед раскладывал глиняные игрушки, на которые был редкий мастер: уточек, петушков, коров, лошадок... Все это потом пицало, мычало, пиликало. Наконец, все изделия закрывались слоем керамического боя. Печка растапливалась - начинался обжиг. Дед Афанасий и здесь был большим мастаком. Он чутьем знал меру, когда посуда уже не сыра, но еще и не пережжена, а прокалена в самый раз: если постучать ногтем – звенит, как колокол.

Уйдя, Афанасий оставил два круга, горно, оставил все свои тайны искусства, однако родовое гончарное мастерство Берестовых на нем, по существу, закончилось. Сколько ни учил он Демида, случалось – даже колачивал его крепко, вспылив от разочарования в сыне, не стал Деמיד гончаром. Другое было ему на роду написано, он все украдкой плел свои венгеря да морды и норовил в сумерки сбежать на озеро...

Правда, в голодные и холодные военные годы опять заскрипел было гончарный круг в доме Берестовых, ожил на время в руках невестки Матрены. И пошли опять по деревне кринки и чашки, засвистели переливчато с дырками-клавишами на боках глиняные кулички в руках крестьянских ребятишек. Однако потом, когда вернулись домой немногие фронтовики, стало возрождаться артельное хозяйство и на полках сельмага появились разные товары, в том числе и посуда, и фабричные игрушки, снова замер гончарный круг и теперь уж, видимо, навсегда.

Но все же не ушло мастерство Афанасия Берестова совершенно бесследно. Искорка его запала в душу невестке Матрене. Она многое умела делать сама, скорая

на выдумку. Зашел как-то к Берестовым по осени. В избе – тарарам, битый кирпич, глина, известь. Матрена сидит на корточках, выкладывает основание плиты. Демид, борода – лопатой, у нее на побегушках: то кирпичи носит, то глину с конским навозом мешает. Уже одно такое разделение труда необычно. К тому же печь Матрена кладет не простую, а "с чемоданом". Конструкцию сама придумала. По её замыслу, прежде чем выйти в трубу, то есть, считай, – на ветер, тепло и дым должны еще попасть в эту камеру – чемодан, где на колосниках будут лежать куски железа, булыжники, сохраняя теплоту. Когда печь протопится, трубу закроют и откроют форточку в чемодане – остаток тепла в избу пойдет, не в небо. Таким образом просто и мудро Матрена увеличила "кпд" обыкновенной плиты-временки.

Удивительный человек эта Матрена. Все что-нибудь да придумает. То фуфайку телушке сошьет на холод, то тыкву посолит вместо огурцов, а то вот сложит печь "с чемоданом".

Не припомню в селе женщины добрее Матрены. Доброта эта живет и в её тихом, глуховатом голосе, и в неторопливой походке, и в спокойных, кротких глазах. Недаром, если умрет у кого человек, обмывать покойника стараются позвать именно Матрену. Отношения между людьми на селе особенно сложные. Живут годами бок о бок, друг у друга на виду, всякое бывает... А, уж если Матрене доверишь – наверняка не ошибешься: душа усопшего будет спокойна и довольна. На Матрену никто зла не имеет, ни живые, ни мертвые.

Николай Устинович Н. ЗОЛОТАЯ ПАДЬ Путь среди скал

Выйдя на берег, Иван Федотыч снял мокрые бродни, развешал на кустах портянки и, ложась на траву, сказал:

- Отдохнем – да и в путь-дорогу.
- Куда? – удивился Сергей.
- Домой, – отрубил дед. – Хватит пустяками заниматься. Записочки... загадки... Ребячье баловство это. Мне бы, дураку, сразу надо было понять...

Такого оборота дела Сергей не ожидал. Он никак не думал, что Федотыч после первой безуспешной попытки откажется от дальнейших поисков.

- Ты же меня учил: настойчивость в деле нужна, – осторожно заметил внук. – А сам...

Дед резко приподнялся на локте.

- Там, где есть толк – будь настойчив, ответил он. – А впустую тратить силы я не охотник. Раз нет здесь никакой щели – значит нечего больше делать. Лбом скалы не прошибешь.

Сергей не нашелся, что ответить деду. Было ясно, что те радужные планы, которые строили путники, рухнули, и поправить дело ничем было нельзя. Оставалось только возвратиться домой.

Но Сергей так сжился с мыслью о золоте, он уже так ясно представлял себе баевский «карман», что решиться на возвращение с пустыми руками у него просто

нехватало сил. Ему казалось, что если пробыть возле Улуя дольше – путь к золоту они обязательно найдут.

– Еще бы надо поискать, – предложил он.

– Пустое дело, — неумолимо настаивал на своем дед. – Домой пора. На пасеке сейчас пчелы роятся, самая горячая работа, а мы тут природой любимемся...

Сергей с надеждой посмотрел на Увачана: не поддержит ли он в споре с дедом? Но эвенк, теребя пальцами редкую бороду, сказал:

– Дорогу в тайге найду, зверя – выслежу, а золота искать не умею.

Больше Сергей не стал ничего говорить. Он сердито отвернулся от Федотыча и, охватив руками колени, устремил неподвижный взгляд на висящие над тайгой белоснежные облака.

Иван Федотыч, разостлав на земле шубу, лег спать. Увачан ушел с ружьем в сопки. У реки воцарилась тишина.

Сергей вдруг решительно поднялся на ноги. Он оглянулся вокруг и бесшумно спустился вниз. Столкнув на воду лодку, мальчуган сильным ударом весел направил ее по течению.

Медленно плывя возле берега, Сергей внимательно всматривался в каждую трещину в скале. Но ни одна из них не шла вглубь утеса дальше двух-трех метров.

Возле выступа Сергей причалил. Раздевшись, он сложил одежду и сапоги в рюкзак, закинул его на плечи и прыгнул в воду.

Доплыв до заливчика, мальчуган стал на ноги. Вода доходила только до пояса. Впереди, за большими валунами, виднелась заросшая кустарником коса.

Отмахиваясь от комаров, Сергей поспешно вышел на берег, оделся. Взглянув на висящую над ним скалу, он вдруг застыл от неожиданности. Среди зелени, сплошным занавесом покрывающей утес, была ясно видна громадная трещина, расколовшая гранитную стену надвое.

– Щель! Щель!.. – закричал Сергей, не помня себя от радости.

Он бросился вперед. Там, где кончалась коса, перед мальчуганом открылось что-то вроде входа в туннель. Сомнений больше оставаться не могло: это была та самая щель, о которой писал в своей записке Баев.

С любопытством оглядываясь по сторонам, Сергей вошел в трещину. Дно ее было покрыто мелкой галькой, валунами. Между ними, цепляясь корнями за клочки наносной земли, вверх тянулись чахлые елки. Все здесь было наполнено сыростью и полумраком.

Чем дальше Сергей шел, тем шире делалась трещина. Растительность становилась гуще, чаще начали попадаться березы. Наконец, ущелье вышло в узкую, зажатую между двумя сопками падь.

Сергей остановился. Он хотел было уже вернуться назад, чтобы сообщить о своем открытии старикам, но любопытство взяло верх и после недолгих колебаний мальчуган двинулся к вершине пади.

Скоро он понял, что идет по старому руслу ручья. Об этом говорили обнаженные, размытые пласты горных пород, обкатанные водой камни. Кое-где из почвы торчали концы полусгнивших, затянутых илом деревьев.

Внезапно на пути вырос скалистый порог. Он пересекал всю падь. По отшлифованным камням легко было установить, что ручей здесь низвергался вниз водопадом.

«Под первой скалой», вспомнил Сергей слова из зашифрованной записки, и сердце его усиленно забилося. Здесь, у этого порога – золотой «карман»! Отсюда они втроем вынесут свой подарок Красной Армии!

Сергей обшарил каждый метр земли у порога. Долго искал он каких-либо особых примет, говоривших о золоте, но так ничего и не обнаружил. Почва здесь была самая обычная: перегной, затвердевший ил. Кое-где встречался крупный песок, галька. Под скалой кустился колючий малинник, ниже начинались еловые заросли. Все выглядело точно так же, как и в любом другом таежном уголке.

– Как у этого порога появился «карман»? – размышлял Сергей. – Почему именно у скалы, а не в другом месте?

Тут мальчуган вспомнил рассказы Федотыча о происхождении «карманов» и ему все стало понятно.

Когда-то в пади протекал ручей. Он размывал золотоносный песок, и крупинки металла вместе с илом медленно ползли вниз по руслу. Там, где был водопад, вода вымыла в почве глубокую яму. Падая в нее, золото кончало свое движение. Оно навсегда оседало на дно. Шли десятки, сотни, тысячи лет. Все больше и больше появлялось желтого металла в яме под скалой. Природа устроила здесь своеобразный золотой склад. Потом где-то в верховьях ручей завалило им же подмытой скалой и он переменял свой путь. Старое русло заросло кустарником, лесом. И лишь через много-много лет после этого, совершенно случайно, охотник наткнулся на сказочно богатый «карман»...

Еще раз внимательно осмотрев местность, Сергей возвратился к реке. Добравшись до лодки, он оглянулся назад. Щель исчезла за сплошным зеленым занавесом. Эта природная маскировка и ввела в заблуждение искателей золота, когда они проплывали по реке.

– А я нашел! – приплясывая в лодке от восторга, закричал во весь голос мальчуган. Нашел Золотую падь!

Налегая изо всех сил на весла, он помчался к Улую. И, тревожа вековую тишину, над тайгой, вместе со скрипом уключин, понеслись слова бодрой песни:

Кто весел – тот смеется,
Кто хочет – тот добьется,
Кто ищет – тот всегда найдет!

Владислав Богданов
Рассказы из цикла «Сибирский характер».

Мотоцикл

В одной глуховатой сибирской деревеньке, что за несколько сот километров от Красноярска-города, жил Лешка. Ему было годков шестнадцать-семнадцать. Его дед был бойцом «войны народной» с фашистами, служил танкистом. Оттого Лешка рос крепкий духом.

Деревенских осталось совсем мало – почти все разъехали по городам. Осталось с десятков домов: старики доживали свой век да за внуками, приехавшими на каникулы, приглядывали. А вот Лешке никуда не хотелось уезжать. А чего он в том городе не видел? Одна суета да толкотня. А здесь речка, тишина, воздух... Вот и сегодня собрался он в тайгу – клюквенная пора пришла.

Лешка надел старые охотничьи сапоги, куртку, порядком выцветшую от времени, и взял (на всякий случай) дедово ружье. Закинув за спину ведерный туес, он вышел из избы, открыл старую, поскрипывающую калитку и поежился от порыва острого ветра.

Ветер, царь осени, безразличный и неумолимый, частый гость в это время года, набросился на него со всех сторон. Его авиация – летящие листья – так и била в лицо. Запахнувшись поплотнее, Лешка быстрым шагом направился к лесу. Он знал, что в тайге будет совсем по-другому.

И вправду, тайга встретила его гулом и птичьим разноголосьем. Громады лиственниц, сосен, кедров возвышались над головой. Лешка расслабился, улыбнулся – это было его лесное царство, где он знал каждую тропку, каждый поворот. Нужная ему тропинка к клюквенному месту протоптана уже давно жителями деревни. Клюкву деревенские любили и уважали. Она считалась лекарством от всех болезней. Ее замораживали, сушили, делали морс, варили кисель. За целебной ягодой приезжали даже из города и увозили не только клюкву, но и грибы, орехи, лесную малину. Городские называли все это мудреными словами – «экологически чистые продукты» - и давали бешеные деньги. Деревенские в ответ кивали, поддакивали, посмеивались и продавали – деньги-то всегда нужны! Лешка тоже продавал – уж очень ему хотелось накопить на мотоцикл.

Мечта о мотоцикле засела в Лешкиной голове с прошлого лета. Он представлял, как оседлает железного коня, как будет летать по деревне, ездить в город, когда захочет, и как Светка будет сидеть позади, обнимать его, и рыжие волосы ее будут развеиваться на ветру.

От такой картинки Лешка даже судорожно сглотнул. Да, надо много набрать клюквы и всю продать, ничего себе не оставляя.

Так, за мыслями-мечтами Лешка вышел к маленькому болотцу и ахнул. Клюквы было так много, что полянка казалась бордово-красной. Не спеша снял туес со спины и аккуратно(чтобы не затоптать) начал собирать клюкву. Болота он не боялся, каждый метр знал наизусть – не раз бывал.

Удивительно, но здесь, на болотце, стояла тишина, гул отступил, даже птиц не было слышно. Хмурая осень осталась где-то там, позади. Через три часа ведерный туес был наполнен до краев. Лешка с трудом закинул его на спину и отправился домой.....

...Улыбаясь, Лешка залез в автобус, битком набитый деревенским людом из ближайших сел и деревень. В городе клюкву он продал быстро и дорого и в уме подсчитывал, хватит ли на мотоцикл уже в этом году. Вот он едет на новеньком «Иже», а сзади Светка к нему прижимается, и рыжие волосы развеваются на ветру...

- ...дом сгорел дотла. Жена в больнице и дочка Верочка. Ожоги по всему телу. Деньги нужны на операцию. А где их взять-то? Даже продать нечего. Все сгорело. Веруньку жалко, ей ведь всего пятнадцать, вся жизнь впереди. Да какая теперь жизнь? Все лицо ожоги изуродовали. Пластика, говорят, нужна. А где ж я возьму деньги-то эти проклятушие?

Лешка обернулся на разговор и увидел знакомого старика из соседней Зыковки. И его внучку он вспомнил, она гостить приезжала на лето к бабушке с дедом.

- Счет открыть надо и объявление дать, - уверенно посоветовала какая-то женщина.

- Да как его открывать-то? Старый я, не понимаю ничего в этих делах.

Весь автобус прислушивался к разговору, сочувствовал, советовал. И вдруг один молодой мужик достал толстую пачку денег, перетянутую резинкой, и протянул старику:

- Бери, дед, я на машину копил, да у тебя беда посерьезней.

И Лешка увидел, как деревенские потянулись за кошельками, в сумки, в карманы, и начали протягивать старику деньги.

- Бери, дед, пусть внучка поправляется.

Лешка зажмурился, нащупал деньги в кармане, сжал их в кулаке и ...вытащил все четыре тысячи.

- Спасибо, сынок, свечку за тебя поставлю. Спасибо, люди! – и старик низко поклонился притихшим пассажирам.

Автобус остановился и, высадив Лешку возле деревни, незлобно фыркнул и резво покатил дальше.

А Лешка улыбался. Ничего, подождет Светка, подождет мотоцикл. Еще заработаю!

КАК ЛЕЧИЛИ ТАЙГУ

- Нет, ну ты посмотри, что творят. Сколько леса вырубил, и какого! Леш, ты глянь, что нонче делается?

Так ворчал Иван Михалыч, Лешкин сосед, а Лешка зло молчал. Молчал, потому что бессилён был против такого варварства, и злился на людей, которые не ведают, что творят. Ведь сколько они звонили, писали, вызывали полицию. Но дальше составленных актов ничего не шло. Никто не мог остановить черных лесорубов.

Сколько леса сгубили уже, и ведь хоть бы вывозили. Нет, побросают половину, когда почувствуют надвигающуюся на них облаву.

Алексей с Михалычем оглядели мертвый лес, разбросанный мусор, молча собрали пустые бутылки, консервные банки, рваные пакеты и тут же закопали. Что они могли еще сделать!?

Все деревенские переживали, когда находили вот такие таежные проплешины. Даже пытались патрулировать, выходили на дневные и ночные караулы. Но черные лесорубы (как чувствовали!) утихали на время, не появлялись месяца два-три, и народ постепенно успокаивался, и патрулирование сворачивалось. Да в деревне и других забот полно! У каждого свой огород, скотина, хозяйство. А молодежь, чуть окрепнув, срывалась в город «за перспективами» (Лешка усмехнулся: знал он про все городские «перспективы»), и проблемы вырубленного леса их уже меньше всего волновали.

Лешка никуда не хотел уезжать, он давно уже решил про себя, что останется здесь навсегда. Тайга его с детства манила, он мечтал стать лесничим, настоящим хозяином леса. Он частенько бегал в местную библиотеку и запоем читал книги о тайге, о зверях, полезных травах. Добрая библиотечка, старенькая Нина Петровна, угадав его интерес, нет-нет да и привезет новые книжки из города. А когда Лешка посмотрел по телевизору сериал о леснике, то точно решил, что будет справедливым, как герой фильма, смелым и отважным лесничим. Конечно, для этого нужно окончить институт леса, а для этого надо уехать лет на пять-шесть в город, но он обязательно вернется.

И тут Лешка понял, что надо делать.

- Слушай, Михалыч, собирай народ в клубе, я, кажется, кое-что придумал.

А на следующий день человек двадцать деревенских с лопатами, ведрами и саженцами вышли из своих домов. Слова, сказанные Лешкой в клубе, заделали всех за живое.

На оголенном черными лесорубами месте они целый день сажали тоненькие деревца: сосенку, кедрушку, осинку. А одноклассник Лешки Васька Петров прибил плакат:

10 июня 2016 год.

80 деревьев.

Мы - люди. А вы?

Алексей посмотрел на проделанную работу, на своих односельчан и тихо, но твердо сказал:

- Лесу тоже нужна помощь. И не одноразовая акция, как в городе привыкли, а постоянная забота. Мы справимся – ведь мы же люди...

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР

Вот уже неделю у Лешки гостил его городской друг Витька. Когда-то они вместе учились, но потом родители переехали в Красноярск, и Витька стал ходить в новую школу, и только изредка они созванивались. А в это лето Витька поссорился с родителями, которые в очередной раз хотели вместе ехать в Тайланд.

- Ну, чего я там не видел? Это первый раз все интересно, но не каждое же лето там проводить, - возмущенно рассказывал Витька, выгружая вещи из багажника старенького «Москвича».

Этот «Москвичок» ему отец отдал, когда купил для семьи новый автомобиль. И Витька был очень рад: возился с ним подолгу в гараже, изучал «внутренности» машины, катался с пацанами во дворе (прав-то еще не было).

А когда поссорился с родителями, рванул к Лешке в деревню, а про права только через час вспомнил. Но все обошлось, и вот он уже целую неделю живет в деревне.

Где только они не бывали за это время! И на рыбалку ходили, и на острова ездили, и на пасеку к знакомому деду заглядывали. Но уж очень хотелось Витьке заночевать в тайге: одному, без взрослых, и может, что-то подстрелить из ружья. Долго он уговаривал Лешку, и тот сдался: завтра с утра они выходят, а сегодня весь день в хлопотах-сборах.

Лешка, глядя, как суетится его друг, втайне улыбался: ему самому давно уже хотелось в тайгу, к любимому озерку, которое он случайно обнаружил года два назад. С тех пор это место было самым любимым, хотя добираться до него было километров пять. Но зато какая тишина вокруг! Никто не мешает мечтать и, закинув руки за голову, наблюдать за звездами...

Утро выдалось чудесное. Лешка сразу понял, что день будет жаркий. «Хорошо, что собрались именно сегодня. В деревне будет жара, в тайге же всегда прохладно», - подумал Лешка, а вслух сказал:

- Давай завернем к Акимычу, предупредим, что уходим с ночевкой.

- Зачем? Вдруг он с нами захочет идти, - забеспокоился Витька.

- Да нет, он не пойдет, но знать должен. Мало ли... - усмехнулся Лешка.

Всю дорогу Витька тараторил без умолку, фотографировал все, что казалось ему интересным и необычным.

- В город приеду, в сеть выложу. Представляю, сколько комментариев будет! - ликовал Витя.

Однако через час друг Лешки приумолк, стал отставать, а когда таежный гнус набросился на него со всей своей яростью, то вовсе пал духом.

- Лешка, ну почему тебя не кусают? Ты что, невкусный?

- Я же предлагал тебе дегтярную настойку, а ты что сказал?

- Ну, она такая противная, вонючая!

- Зато эффективная. Настоящий таежник только ею и мажется. Ведь это все от природы, а не какая-нибудь химия. Ладно, терпи, скоро уже будем на месте.

Бурча себе под нос и размахивая руками, Витька зашагал за другом: дурак, сам напросился; как-то одновременно хотелось и есть, и пить, и на диване полежать с ноутбуком. И уже не задавая вопросов («А это что за дерево?», «А это какая птица?» и т.д.), не фотографируя «прелести» леса, Витька молча шел, не поднимая головы.

А когда неожиданно резанула глаза синева, то замер - очарованный.

- Это твое заветное место? И никто не знает про озеро? Вот это да! Ух ты! Как здорово! - Витька снова защелкал фотоаппаратом.

А место и вправду было замечательное. Темные разлапистые ели да здоровенные сосны окружали небольшое, но глубокое озерко. Откуда оно здесь взялось, Лешка не знал. Но вода была чистой, даже прозрачной и удивительно синей; поверхность озера гладкая, словно зеркало. Поначалу Лешка даже удить пытался, но безрезультатно: озеро оказалось безрыбным. Однако Лешку это нисколько не огорчило: вокруг полно другой еды.

- Хворост собери, а я обед нам добуду, - Лешка взял ружье и скрылся за деревьями.

Витька бросился подбирать сучья и, когда уже натаскал приличную кучу, услышал два выстрела. А вскоре и Лешка появился с добычей в руках.

- Это что за курица у тебя в руках?

- Сам ты курица! Это рябчики. Подстрелить их – наука непростая. Рябчики очень подвижные, хорошо маскируются. Если птица прижмется к сучку и прикроется ветками, то определить её местонахождение становится практически невозможно. Но сегодня тихий, безветренный день, и на мой манок рябчик откликнулся.

- Манок? Первый раз слышу это слово. Покажи, что это такое.

Лешка достал жестяную свистульку:

- Сам сделал из кофейной банки. Он хоть и простенький, а звук издает верный. Давай костер разжигать, а лучше два.

- А два –то зачем?

- Сейчас узнаешь. Пошли рябчиков потрошить.

Пока Лешка ощипывал и потрошил рябчиков, Витька подбрасывал сучья в костер, удивленно поглядывая на друга: «Ишь ты, как ловко у него все получается. С таким нигде не пропадешь».

А Лешка, управившись с рябчиками, разбросал костер, вырыл небольшую ямку и положил туда птицу. Потом присыпал землей и опять сгреб горящие головешки в кучу.

- Ну вот, через минут тридцать будет готово. А пока пойдём лапника нарубим.

- Давай я сам, - встрепенулся Витька.

- Давай, - усмехнулся Лешка, - пальцы только береги.

Витька терпеливо сносил насмешки друга: понимал, что тот лучше него разбирается во всем («Это тебе не в стрелялки на компе играть»,- злился на себя Витька).

Но когда нарубили еловых веток и разгребли ямку, то все обиды прошли: запах от рябчиков шел просто потрясающий, и мясо оказалось нежным и вкусным.

- Вкуснятина! Никто не поверит, что я ел рябчика, приготовленного без всякой сковородки. А чай будем пить? Заварки-то не взяли.

- Чудак человек. Зачем в тайге заварка? Сейчас заварим самый настоящий лесной чай. Принеси водички.

Заваривая чай, Лешка приговаривал:

- В тайге, Вить, не пропадешь. Она и накормит, и напоит, и укроет, и вылечит. Только уважать ее надо, законы таежные хранить. Давай–ка спать укладываться. Вот теперь узнаешь, зачем два костра жгли и лапник рубили.

Лешка разгреб костровище, наложил лапнику на теплую землю, залез в спальник и скомандовал:

- Ну, чего ждешь. Делай, как я.

- Леш, а ты не боишься один ночевать? Ведь здесь, наверное, медведи бродят, а может, и волки? – спросил Витька, залезая в спальник и устраиваясь поудобнее.

- Сейчас лето, зверь сытый. Да и костерок у меня всю ночь горит. Если что, ружьишко рядом. Зверь-то, Витя, умный. Зачем ему лезть к человеку, когда он сыт и здоров.

- Странно, почему-то и комаров меньше. Или они меня уже за своего приняли? – улыбнулся Витька.

- Я еще раньше заметил, что гнуса в этом месте мало. К тому же я шишки еловые в костер подбрасывал. А комарье ух как не любит этот запах. Ты только послушай, Витя, какая тишина. Разве в городе такая бывает?!

А вокруг действительно царило безмолвие. Ночь как-то незаметно напрокинулась на мальчишек. Голоса птиц смолкли. Ни одна ветка не шелохнется. И только озеро поблескивает своей гладью. Виктор тоже притих, боясь нарушить это безмолвие. Он разглядывал высокое небо и, может, впервые в жизни увидел, как вдруг высыпали звезды, все разом. «Как будто кто-то опрокинул ведро со звездами, - подумал про себя Витька. – Ого, а это уже не звезды. Кто-то на нас смотрит» - и горячо зашептал:

- Лешка, смотри направо. Это что за огни на дереве?

Лешка улыбнулся:

- Да я давно уже заметил. Это сова – ночной житель. Днем спит, а ночью охотится. У нее очень хороший слух. А ночью лучше слышно, как мышка скребется или другой какой грызун. Она даже зайца может разодрать. Конечно, в них легко попасть из ружья, но еще дедушка учил меня не бить сов. А если её прибьешь, то непременно с тобой какая-нибудь дрянь да случится.

- Вот вроде, Леха, и компьютера у тебя нет, и в деревне живешь, а знаешь больше меня. Энциклопедии что ли читаешь?

- И энциклопедии тоже, - серьезно ответил Лешка. – Но главную науку получил от своего деда и бабушки, да от Акимыча, да от Ивана Михалыча, да от вот этого всего, что нас с тобой, друг, окружает.

Мальчишки еще немного поговорили о школе, о предстоящих экзаменах, о планах на будущее и не заметили, как уснули.

А утром Витька проснулся от птичьего звонкого разноголосья и манящего запаха от костра.

- Вставай, лежебока, чаю лесного вскипятил. Попьем, да до дому собираться надо.

Витька, счастливый, соскочил, побежал умываться на озеро. Напившись чаю с сушками, они прибрали после себя поляну, сожгли ненужный мусор, затушили костер и, закинув рюкзаки за спину, направились домой.

- Леха, и как ты дорогу знаешь, не сбиваешься? Я бы вот сейчас точно заблудился. А ты уверенно идешь, и компаса у тебя нет.

- Так я же на затеси смотрю, - удивленно сказал Лешка и терпеливо объяснил, - зарубки на деревьях топором таежники всегда оставляют, чтобы не заплутать. Вот смотри.

Лешка потрогал шершавый стес на сосне и вздохнул:

- А ведь мы Астафьева читали в школе, и книжка у него есть, «Затеси» называется. Все забыл, дурак.

- Да почему дурак. Просто нигде не пригодились тебе те знания; а Астафьева я тоже читал. Здорово пишет, и главное – просто. Ну, вот и не заметили, как вышли к деревне.

Возле дома мальчишек ждал сюрприз: родители Витьки приехали. Акимыч угощал их чаем с медом да малиной и что-то по-стариковски неторопливо втолковывал им.

- Мам, пап, а мы с Лешкой в тайге ночевали одни. И рябчика ели. А красота там какая! Ну зачем нам ехать в Тайланд? Здесь в сто раз лучше. А воздух-то какой! А молоко! А Енисей!

Родители, увидев загорелого, даже немного возмужавшего счастливого сына, переглянулись и засмеялись.

- А что, мать, вспомним детство. Поживем недельку в деревне. Спать будем на сеновале, на рыбалку скатаемся, ягоды лесной насобираем, - воскликнул воодушевленно отец...

А через неделю, провожая гостей, Алексей помогал загружать старенький «Москвич» таежными гостинцами. Витька радостно говорил:

- Значит, договорились: следующим летом я к тебе приеду уже на месяц? Лады?!

- Лады! Как раз экзамены сдадим и будем набираться энергии для новой студенческой жизни.

Подошел отец Виктора, протянул руку:

- Спасибо, Алексей. Вот вроде все мы живем в Сибири и сибиряками зовемся, а настоящий сибирский характер только у тебя. Сына теперь к тебе со спокойной душой буду отправлять – дурному не научишь...

- Батя, а сибирский характер, это какой?

- Это, сын, значит надежный.

6. ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Определите наиболее характерные образы в поэтических описаниях сибирского провинциального города. Определите их семантику.
2. Укажите образы - маркеры идентичности 2-х разных городов, определите их генезис.
3. Определите семантику географических маркеров сибирской идентичности. Есть ли разница с общепринятым их значением?
4. На основании предложенных стихотворений составьте идентификационную характеристику одного из малых (провинциальных) сибирских городов (Енисейска, Лесосибирска и др.), определите значение основных маркеров идентичности.
5. Проанализируйте стихотворения школьников о Сибири. В какой мере в них отражены характерные ландшафтные маркеры?
6. Определите степень проявления и детализации образов-маркеров региональной самоидентификации в стихотворениях учащихся-авторов.
7. Укажите основные дендрологические маркеры сибирской идентичности, определите их региональное своеобразие.
8. Проанализируйте стихотворения, в которых представлены растения, характерные для Приенисейской Сибири. Определите значение основных фитоморфных маркеров идентичности
9. Составьте идентификационную характеристику реки (Енисей, Мана и др.) определите значение основных маркеров идентичности.
10. Охарактеризуйте одно из прозаических произведений писателей Приенисейской Сибири как входящее в корпус региональной литературы.
11. Укажите тематику и проблематику произведений Н. Волокитина, характерную для региональной литературы. Чьим традициям следует Н. Волокитин в своем творчестве?
12. Укажите тематику и проблематику произведений И. Пантелеева, характерную для региональной литературы. Каким традициям В.П. Астафьева следует И. Пантелеев в повести «Чужой»?
13. Укажите общность и различия в анималистической прозе Р. Ругина и Б. Петрова.
14. Охарактеризуйте одно из прозаических произведений писателей А. Щербакова как входящее в корпус региональной литературы. Какие философские проблемы поднимает писатель в своем творчестве?
15. Составьте сценарий литературно-музыкальной композиции, посвященной Вашему родному городу, поселку и т.п. («Мой родной Лесосибирск», «Любимый Енисейск» и др.).
16. Составьте сценарий литературной гостиной, посвященной достопримечательностям региона («Пути-дороги родного края», «Родные просторы», «Природа родного края» и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахор Т. А., Бахмутова Т. В., Заяц М. Н., Гончар Н. Л. Методические указания к изучению рассказа И. Пантелеева «Голубые звезды» в школе (для студентов-практикантов) // Образование и эпоха: Международный учебно-методический сборник / под общ. ред. проф. О. И. Кирикова.- Вып. 2.- Воронеж: ВГПУ, 2007.- С. 53-61.

Бахор Т.А. Воплощение темы семьи в литературе Красноярского края // Педагогика; семья- школа- общество // под общ. ред. проф. О. И. Кирикова.- Книга 15.- Воронеж; ВГПУ, 2008.- С. 352-562.

Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А. Региональные гимны как форма актуализации основных маркеров идентичности в локальном тексте // Современные исследования социальных проблем.-2016.- № 3-2(27). – С.105-119.

Бахор Т.А. Картина мира в повести Р. Солнцева «Лодка пойдет на дрова» // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: Сборник материалов международной научной конференции на факультете филологии и журналистики. 21-23 сентября 2005 г.- Красноярск, 2005.- С. 326-330.

Бахор Т.А., Лобарева В.С., Зырянова О.Н. Архетипическая основа малой прозы И. Пантелеева // Фундаментальные исследования.- 2013.- №8.- Ч.6.- С. 1487-1490.

Бахор Т.А., Лобарева В.С. Этнокультурные параллели в фольклоре Красноярского края. - Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011.

Бахор Т.А. Эволюция любовной лирики Романа Солнцева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №6.– С. 1318.

Бахор Т.А., Ковалева О.А., Толкушкина Е.А., Бахмутова Т.В., Заяц М.Н. Разрыв родовых связей – проблема современной семьи (по повести И. Пантелеева «Чужой» // Современные исследования социальных проблем.- 2010.- №2.- С. 66-71.

Веккессер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмульская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем.-2016.- № 3-2(27). – С.120-135.

Енисей: красноярский историко-культурный и литературно-художественный альманах / редкол.: В.Шанин (гл. ред.) и др. – Красноярск: Класс плюс, 2012. – № 1. – 212 с.

Енисей: красноярский историко-культурный и литературно-художественный альманах / редкол.: В.Шанин (гл. ред.) и др. – Красноярск: Класс плюс, 2013. – № 1. – 220 с.

Енисей: красноярский историко-культурный и литературно-художественный альманах / редкол.: В.Шанин (гл. ред.) и др. – Красноярск: Класс плюс, 2013. – № 2. – 196 с.

Енисей: красноярский историко-культурный и литературно-художественный альманах / редкол.: М.Тарковский (гл. ред.) и др. – Красноярск: Класс плюс, 2014. – № 1. – 212 с.

Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве поэтов Красноярского края // Современные исследования социальных проблем.-2016.- № 3-2(27). – С.195-207.

Литература Красноярского края: основные тенденции развития: учеб. пособие / Т.А. Бахор, В.С. Лобарева, О.Н. Зырянова, О.А. Кашпур, Н.А. Мазурова, Н.С. Тишевская, Л.С. Шмульская.- Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – 176 с.

Литература народов России: учеб. пособие / под. ред. Р.З. Хайруллина, Т.И. Зайцевой. – М.: ИНФА-М, 2017. – 397 с.

Литературное наследство Сибири. – Т. 8. / сост. Н.Н.Яновский. – Новосибирск, 1988.

Литературное наследство Сибири. Т. 3. / сост. Н.Н. Яновский. – Новосибирск, 1974.

Лобарева В.С., Заяц Е.С. Поэтика «малой прозы» В.П. Астафьева // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. статей. IV Международ. филолог. чтения им. проф. Р.Т. Гриб. – Красноярск: Сибир. федерал. ун-т, 2013. – Вып. 4. – С.190-195.

Лобарева В.С. Проблема веры в исторической прозе Ж.П. Трошева. // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: Материалы XIII филологических чтений. – Красноярск, 2008. – С.245-249.

Лобарева В.С. Традиции классической поэзии в лирической прозе В.П. Астафьева // Современная филология: Актуальные проблемы, теория и практика. – Красноярск, 2005. – С. 36-40.

Новый енисейский литератор: альманах прозы, поэзии, публицистики. 2006 – 2017гг. URL: <http://neweniseilit.ru/>

Радуга: художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба / редкол.: Т. П. Попова (гл. ред.) и др. – Красноярск : Класс плюс, 2011. – № 1. – 328 с.

Радуга: художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба / редкол.: Т. П. Попова (гл. ред.) и др. – Красноярск : Класс плюс, 2013. – № 2. – 325 с.

Радуга: художественно-публицистический альманах Лесосибирского городского литературного клуба / редкол.: Т. П. Попова (гл. ред.) и др. – Красноярск : Класс плюс, 2015. – № 3. – 330 с.

Этнокультурная палитра Приенисейской Сибири. Хрестоматия: учебное пособие / Т.А. Бахор, М.В. Веккесер, О.Н. Зырянова и др. – Красноярск: СФУ, 2016. – 157 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 Малый сибирский город как поэтический образ	4
2 Стихотворения школьников г. Лесосибирска о Сибири	15
3 Родная природа в изображении сибирских поэтов	18
4 Поэтические образы сибирских рек	25
5 Онтологическая проза о Сибири	28
Бондаренко А.М. Лощина голубого тумана (фрагмент)	28
Комкин А. Обстановочный пост	30
Волокитин Н. Демидов кедр	37
Волокитин Н. Рыбачок	43
Пантелеев И. Живые арки	45
Пантелеев И. Чужой	49
Петров Б. Лерка-манерка	59
Ругин Р. Ланги	67
Щербаков А. Гончарный круг	79
Устинович Н. Путь среди скал	82
Богданов В. Рассказы из цикла «Сибирский характер»	85
6 Вопросы и задания	92
Список литературы	93

Учебное издание
Тамара Андреевна Бахор
Ольга Николаевна Зырянова
Надежда Алексеевна Мазурова

**Культурная мозаика Приенисейской Сибири
(литературный дискурс)
Хрестоматия**

Редактор И. А. Вейсиг
Компьютерная верстка авторов

Подписано в печать 02.08. 2017. Формат 60 x 84/ 16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 6,0

Тираж 200 экз. Заказ 10-103

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; [http:// bik.sfu-kras.ru](http://bik.sfu-kras.ru)
E-mail publishing hous@sfu-kras.ru

Отпечатано в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, цокольный этаж
т. 294-15-77